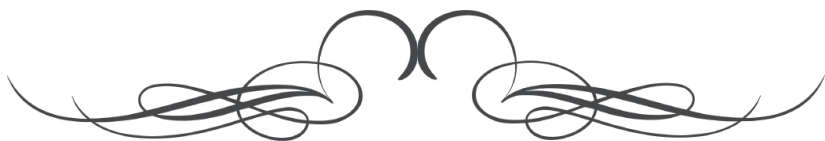

В.Н. Лобов

**АЛЕКСАНДР I
И ЕГО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Москва

2012

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47
Л68

Лобов, В.Н.

Л68 Александр I и его военно-политическая деятельность /
В.Н. Лобов. — М.: Логос, 2012. — 228 с.
ISBN 978-5-98704-683-8

На основе подлинных документов показана государственная, общественная, политическая и военная деятельность Императора Александра I. Освещены проведенные и задуманные им законодательные реформы и меры по укреплению русской армии. Полководческий талант Александра I раскрывается на примере войны с Наполеоном. Анализируются важнейшие сражения Отечественной войны 1812 г. Русский император предстает как победитель Наполеона и освободитель европейских народов, вдохновитель создания Священного союза.

Для историков, представителей социально-гуманитарных наук. Может использоваться в учебном процессе военно-учебных заведений. Представляет интерес для широкого круга читателей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-98704-683-8

© Лобов В.Н., 2012
© Логос, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Русская армия при Александре I.....	19
Глава 2. Управление русской армией	25
Глава 3. Народное ополчение и дворянство.....	40
Глава 4. Противоборство Александра I с Наполеоном в войне 1812 года.....	48
Глава 5. Освобождение Европы.....	67
Глава 6. Александр I в 1814—1815 годах.....	79
Глава 7. Российский оккупационный корпус во Франции.....	107
Глава 8. Священный союз	122
Глава 9. Забота Александра I о раненых и семьях погибших ...	135
Заключение.....	144
Приложение.....	148
1. Краткая хроника событий Отечественной войны 1812 года.....	148
2. Вооруженные силы России и Франции, участвовавшие в войне 1812 г.....	160
3. Военные деятели и военачальники Российской империи периода Наполеоновских войн	162

ВВЕДЕНИЕ

Первая половина XIX в. в России необычайно насыщена событиями. Это время отмечено колоссальными достижениями в развитии русской культуры. А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов образовали тот фундамент, на который опирается в своем дальнейшем развитии отечественная поэзия и литература. Сформировалась русская школа музыки, которая уже в скором времени дала миру таких великих композиторов, как П.И. Чайковский. Расцвела отечественная живопись. Оживилась общественная жизнь, промышленность и торговля.

Парадокс состоит в том, что могучий толчок этим благотворным переменам дала Отечественная война 1812 г., победа в ней под руководством Императора Александра I. Он был незаурядным государственным деятелем, выдающимся полководцем, человеком высокой культуры, способствовавшим в тяжелую годину для нашего Отечества подъему национального самосознания народов России. Он стоял за всем происходящим в России и влиял на динамичные общественные процессы в лучшую сторону. Его отличали мужество и милосердие. Но история все-таки не признала его героем, хотя он был им, есть и останется таковым в реальной ткани исторического бытия.

Известно, что и в западной, и в отечественной историографии утвердился односторонний подход к личности Александра I, который представляется главным образом как человек, действовавший преимущественно на международной арене. Почти ничего не написано о нем как о правителе России, о творце и инициаторе крупных государственных реформ первой четверти XIX в., о военном деятеле, победившем Наполеона. Также мало говорится и о том, что представляла собой Россия под управлением Александра I, некоторое внимание уделяется его юности и событиям, связанным

с так называемыми наполеоновскими войнами (1805–1815), при этом главный акцент делается на сражение под Аустерлицем.

Буквально скороговоркой повествуется о самых интересных в общественно-политическом отношении годах царствования Александра I (1817–1825). А ведь с первых дней восшествия на престол молодой монарх заботился о совершенствовании устройства Российской империи и выработке твердых законов для административных и просветительных учреждений феодальной державы. Изучая законотворческую деятельность Александра I, невольно поражаешься широте и глубине разрабатываемых им проблем, свидетельствующих о намерении царя ограничить произвол чиновничьего аппарата и абсолютную власть монархии, ввести в практику либеральные нормы и принципы.

Об этом свидетельствуют первые указы, изданные им при восшествии монарха на престол. Указом от 15 марта 1801 г. была объявлена полная амнистия политическим ссыльным, заключенным в тюрьмах и эмигрантам. В нем говорилось: «Желая облегчить тягостный жребий людей, содержащихся по делам, в Тайной экспедиции производящимся, препровождая по сем четыре списка, всемилостивейшее прощая всех, поименованных в тех списках, возводя лишенных чинов и дворянства в первобытное их достоинство и повелевая Сенату нашему освободить их немедленно из постоянного места их пребывания, дозволить возвратиться, кто куда пожелает, уничтожая над последними порученный присмотр»¹. В указе было перечислено 156 амнистированных лиц, в том числе и известный автор «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищев. Всего же было освобождено 536 человек из 700, числившихся по спискам Тайной экспедиции и сосланных в монастыри, крепости и в Сибирь.

2 апреля 1801 г. Александр I издал указ о ликвидации Тайной экспедиции, одно название которой приводило людей в трепет. В указе есть следующие замечательные слова: «Рассуждая, что в благоустроенном государстве все преступления должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона, мы признали за благо не только название, но и самое действие Тайной экспедиции

¹ Полное собрание законов. Т. 37. С. 368.

навсегда упразднить и уничтожить, повелевая все дела, в оной бывшие, отдать в государственный архив к вечному забвению»².

Были восстановлены в своих правах около 12 тыс. офицеров и чиновников, лишенных их «по сентенции военного суда и без суда», и приняты снова на службу³. Отменялся запрет (от 18 апреля 1800 г.) ввозить из-за границы книги и ноты, были вновь разрешены частные типографии⁴. Выходит запрет печатать объявления о продаже крепостных крестьян без земли.

Успехов, особенно в первое десятилетие царствования Александра I, достигло народное просвещение, о чем говорится в частях 1–3 книги «Материалы для истории просвещения в России», изданных П. Кепшеном в 1819–1827 гг. При Александре I были основаны новые русские университеты: Харьковский, Казанский, Дерптский и Виленский. Были также открыты: Институт путей сообщения, Училище правоведения, Земледельческое училище, Медико-хирургическая академия, Коммерческое училище и коммерческие гимназии в Одессе и Таганроге, Горный кадетский корпус. Расширялась сеть военных учебных заведений и духовных училищ. Для державы, которая с 1804 по 1815 г. почти непрерывно вела войны, требовавшие огромных материальных и человеческих затрат, щедрые ассигнования на просвещение и науку свидетельствуют о том, какое значение Александр I придавал их развитию.

Издается множество указов, уставов и инструкций, призванных регламентировать устройство и функционирование учебных заведений (университетов), государственных учреждений и добровольных обществ, например уставы «Вольного экономического общества», «Общества любителей российской словесности», печатается масса книг, содействующих народному просвещению. Издаются учебники по русской и всеобщей истории и переводные труды западноевропейских экономистов и философов, знакомящие с развитием зарубежной общественно-политической мысли. Выходят в свет ценные руководства и указатели по сельскому хозяйству, промышленности, ремеслам и торговле, например «Указатель открытий по физике, химии, естественной истории и технологии», издан-

² Полное собрание законов. Т. 37. С. 9.

³ Русская старина. 1885. № 11; Русский архив. 1876. № 1.

⁴ Цензура при Павле; Русская старина. 1885. № 11.

ный Н. Щеголевым (1824–1825), специальный «Технологический журнал» (1804–1815).

Особое внимание уделяется распространению правовой культуры, широко проводится кодификация российского законодательства, читаются лекции по истории отечественного и международного права. Выходит множество законодательных документов и справочников к ним. В этой связи следует упомянуть «Систематический свод существующих законов Российской империи с основаниями права, из оных извлеченными, издаваемый Комиссией составления законов» (Т. 1–7, СПб., 1815–1819). Добавлением к нему служил «Хронологический реестр к первой части свода существующих законов о гражданском праве» (Т. 1–7, СПб., 1819–1823). Печатается «Систематическое обозрение российских законов с присовокуплением правил и примеров» (сост. С. Капылев. Ч. 1–6, СПб., 1813–1827).

Особое внимание, которое Александр I уделял законотворческой деятельности, говорит о том, что им был взят твердый курс на формирование законности в государстве, на постепенное упразднение так называемого вотчинного права и обычая, феодальных норм и сословных отношений. Все эти акты имели своей целью преодоление произвола и коррупции чиновничьего аппарата тогдашней Российской империи и направление его к нормам служебной деятельности. Были введены в практику печатные отчеты о деятельности министров. Например, были изданы «Отчет министра внутренних дел» за 1803–1804 гг., отчеты различного рода комитетов («Общества попечительного о тюрьмах» за 1821–1825 гг. и др.), «Отчеты об управлении библиотек» («Публичной» с 1814 г. и др.), «Отчеты Государственных кредитных установлений» за 1817–1825 гг., «Отчеты главного директора путей сообщения» за 1810 г., «Отчеты по военным поселениям» за 1824 и 1825 гг. В России вводятся статистические отчеты, разрабатывается теория статистики, с 1808 г. издается «Статистический журнал». Все это позволило прояснить внутреннее состояние Российской империи.

Таким образом, в скрытую от народного внимания деятельность многих правительственных и общественных учреждений вводилась открытость, дававшая возможность получить информацию о ранее замкнутой государственной структуре.

Издается крайне необходимая для централизованного государства справочная литература, в частности «Именные списки членам Государственного совета, сенаторам, военным и гражданским губернаторам и прочим чинам» с 1817 по 1823 г. Наряду с ними выходят в свет «Месяцесловы с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи» с 1802 по 1825 г. и различного рода руководства по арифметике, чистописанию, механике для учителей, руководства к «благостной жизни» и т.д.

Ученый В.А. Левшин пишет сам и переводит с иностранных языков многотомные сочинения, посвященные искусству крашения сукон, лечению лошадей, возделыванию огородов, разведению садов. Публикуются книги по домоводству для городских и сельских жителей, «поваренные наставления» о приготовлении «русских кушаньев», труды по созданию русских фабрик и внедрению народных ремесел и об отечественных материалах, которыми можно заменить покупаемые за рубежом «колонияльные товары».

При Александре I создавались необходимые условия для развития отечественного предпринимательства, и начало им положил Манифест царя от 1 января 1807 г. «О даровании купечеству новых выгод», стимулирующий развитие национальной торговли. Купечество получало ряд существенных социальных привилегий, в частности за денежные взносы освобождалось от рекрутской повинности, ему разрешалось создавать акционерные общества. В то же время иностранные торговцы лишались преимуществ по сравнению с российскими. Согласно этому Манифесту, отечественные купцы 1-й и 2-й гильдии во многом уравнивались в правах с дворянством: им разрешалось иметь отдельные собрания, собственные выборные органы, торговые суды.

К 1816 г. Россия занимала территорию в 340 тыс. кв. км, а ее население насчитывало около 45 млн человек (из них нерусских национальностей 11 млн)⁵. Российская империя делилась на 50 губерний и 5 областей (Новая Финляндия, присоединенная в 1809 г., Белостокская область, включенная в состав России в 1807 г., Бессарабия, вошедшая в состав России по Бухарестскому миру 1812 г., земли донских казаков, образовавшиеся еще в XVII в., и Грузия, вошедшая в состав империи в 1801 г.).

⁵ *Арсеньев. К.И.* Начертание статистики Российского государства. СПб., 1818. С. 51.

По сословиям население распределилось на следующие категории: «непроизводящие жители» — дворяне (225 тыс. душ), духовенство (215 тыс.), военные (1 млн), разночинцы всякого рода (750 тыс.). Жителей, входивших в состав класса «производящего», насчитывалось около 19 млн (в их числе купцов 119 тыс., мещан 750 тыс., вольных людей 137 тыс., казенных крестьян 6700 тыс., удельных крестьян 570 тыс., помещичьих крестьян 10 500 тыс.). Многие современники хорошо понимали, что крепостной труд экономически невыгоден. К.И. Арсеньев, автор книги «Начертание статистики...», писал: «Крепостность земледельцев есть также великая преграда для улучшения состояния земледелия. Человек, уверенный в полном возмездии за свой труд, вполнину не производит того, что в состоянии сделать человек, свободный от всяких уз принуждения»⁶.

Александр I приступил и к преобразованию государственных учреждений. Планы обдумывались вместе с друзьями из Негласного комитета. Манифестом от 8 сентября 1802 г. на смену коллежской, или коллегияльной, системы управления была учреждена министерская. Были образованы министерства и назначены восемь министров: иностранных дел, внутренних дел, военно-сухопутных сил, военно-морских сил, финансов, коммерции, народного просвещения и юстиции. Министры по должности были членами Комитета министров, а с 1810 г. — членами Государственного совета, к тому же они должны были присутствовать в Сенате. 25 июня 1811 г. было издано «Общее учреждение министерств».

Министерская система оказалась наилучшим способом управления огромным централизованным государством⁷. Преобразовательные планы характерны для всего периода царствования Александра I. Усовершенствовав деятельность Комитета министров, он в 1820 г. намеревается изменить всю прежнюю структуру управления обширнейшей империей. Возник проект раздела всей страны на отдельные округа, которые должны были включить в свой состав несколько губерний, во главе которых надлежало поставить талантливых и энергичных российских администраторов. Освободив от должностей 50 губернаторов, малоспособных и невежественных, Александр I намеревался управлять страной с помощью 8—10 достойных просвещенных сановников.

⁶ Арсеньев К.И. Указ. соч. С. 106.

⁷ Ермолов А.С. Комитет министров в царствование императора Александра I. СПб., 1891

Чтобы разобраться с положением дел в губерниях и проверить на опыте целесообразность своей идеи, Александр I поручает генерал-адъютанту А.Д. Балашову управление округом, составленным из пяти центральных губерний: Рязанской, Тульской, Орловской, Воронежской и Тамбовской. Балашов, ознакомившись с положением дел в этих губерниях, изложил свои впечатления в письме к Александру I.

«Отеческое сердце Ваше, государь, содрогнется при раскрытии всех подробностей внутреннего состояния губерний... Не только воровство в городах, не только частые и никогда почти не отыскивающиеся грабежи по дорогам, но целые шайки разбойников приезжали в усадьбы, связывали помещиков и слуг, разграбляли дома и пожитки и потом скрывались: смертоубийства производились заговорами, а убийцы не находились. В селениях власть помещиков не ограничена, права крестьян не утверждены, а слухами повиновение последних к первым поколеблено и ослушаний тьма. Недоимок миллионы. Полиция уничтожена. Дел в присутственных местах кучи без счету. Решают их по произволу. Судилища и судьи в неуважении, подозреваются в мздоимстве. Волокиты отчаянно утомительные, но и ябедников великое множество. Лучшие дворяне от выборов уклоняются. Чины и ордена не в той высокой цене, как должно. Жалование чиновников и канцелярских служащих почти ничтожно, кроме винных продавцов и таможни. Хозяйственной части нет и признаку. Главные доходы короны основаны на винной продаже! Слава воина и дипломата гремит по Европе, но внутреннее управление в государстве Вашем расслабло!.. Все части идут раздельно, одна другой ход затрудняя, и едва ли которая подается вперед: единственное на сей раз средство есть усилить местные управления; Вы сие и предлагали. Докончите, государь, намерение Ваше!»

Это письмо приведено для того, чтобы читателю была ясна картина внутренней жизни тогдашней России, которая не могла не привести в отчаяние любого правителя, сидевшего в центре и отсюда наблюдавшего за «процветанием» вверенной его попечению державы.

В действительности все обстояло гораздо мрачнее и безотраднее, чем это казалось нетерпеливым реформаторам. Видимо, Александр I к концу своего царствования понял, что народ и страна

еще не готовы к принятию новой модели общественно-политической жизни и что надо затратить еще массу сил и времени, чтобы либеральные учреждения могли надежно вписаться в общую панораму российского благоустройства.

В 1823 г. Балашов с одобрения Александра I издал в Москве чрезвычайно важную книгу под названием «Краткие записки к статистической таблице округа, порученного надзору генерал-адъютанта Балашова», в которой дал ценнейшие географическое, экономическое и статистическое описания пяти губерний.

Одним из актов Александра I стало запрещение и прекращение былых щедрых раздач государственных крестьян в частную собственность отличившимся царским сановникам. Другим не менее важным антикрепостническим шагом стало издание в 1803 г. указа «О вольных хлебопашцах». Позднее, после войны 1812–1815 гг., Александр I поручил своим ближайшим советникам и министрам разработку проектов освобождения крестьян от крепостной зависимости⁸. Среди тех, кому было поручено заняться проблемой крестьян, значатся фамилии А.А. Аракчеева, А.Ф. Малиновского, адмирала Н.М. Мордвинова, С.М. Кочубея и др. Поиск способов ликвидации в стране позорного института крепостничества велся по заданию Александра I с 1817 г. Реальным разрешением поставленной задачи стали указы Александра I об освобождении в 1816 г. эстляндских крестьян от крепостных отношений, а в 1818 г. и курляндских. В проведенных в Прибалтике реформах главным было то, что крестьянам давалась, а не отнималась, как прежде, личная свобода. Это вызвало мощное противодействие большинства российских дворян-крепостников, и Александр I не мог решиться пренебречь этой негативной позицией своих привилегированных подданных.

О серьезности реформ Александра I свидетельствует и тот факт, что он готовился к ограничению своей самодержавной власти путем введения в России конституционного правления. Он не только не запрещал распространение в обществе конституционных взглядов, но и сам способствовал их распространению. Из личных средств Александр выделил значительную сумму (120 тыс. рублей), чтобы перевести и издать в Петербурге сочинения таких известных зарубежных писателей, как Бентам («Рассуждение о гражданском

⁸ См.: Деятнадцатый век: исторический сборник. Кн. 2. М., 1872.

и уголовном законоположении»), Монтескье («О сущности законов»), Адам Смит («Опыт о богатстве народов»), Беккариа («О преступлениях и наказаниях»), Фергюсон («Наставления нравственной философии») и др. Тогда же он поручил Карамзину составить «Историю Государства Российского» и ассигновал ему крупные суммы для ее издания.

Александр I в целом придерживался духа и буквы своих идей, но не мог не реагировать на крепкие устои жизни тогдашней России, а также на ошибки и тем более на критическое отношение к его реформам дворянства. Но в главном он оставался верен своим идеям.

В беседах Александр I с жаром говорил о своей преданности конституционным идеям, ссылаясь при этом на дарованные Финляндии в 1809 г. и присоединенному к России в 1815 г. Царству Польскому соответствующие конституционные хартии. Но Россия — это не Польша и не Финляндия. В 1816–1818 гг. Александр I вплотную занялся конституционными программами, поручил своему доверенному лицу Н.Н. Новосильцеву разработать Конституцию России. К участию в этой работе был привлечен и князь П.А. Вяземский, известный как «декабрист без декабря», т.е. человек, исповедовавший взгляды участников тайных обществ, но не состоявший в их организации.

Весной 1818 г., выступая на открытии польского сейма, Александр I заявил о намерении распространить законно-судные учреждения и на Россию. Это заявление произвело огромное впечатление на все слои русского общества и разделило его на два противоположных лагеря: безоговорочных сторонников российской Конституции и ее решительных противников, которые мотивировали свое отрицательное отношение к предлагаемой форме правления неготовностью русского народа к ее принятию. По их мнению, неграмотность и бескультурье основной массы населения — причина бунтов и хаоса.

Однако работа комиссии продолжалась, и Александр I дважды вносил собственные поправки в подготовленный к обсуждению проект. Проекты основ конституции были утверждены Александром в октябре 1819 г. во время его пребывания в Варшаве. Прусский консул Шмидт доносил в Берлин: «После размышления и обсуждения с г. Новосильцевым Его Величество наконец окон-

чательно принял ту ее основу, которую я имею счастье при всем почтительнейше представить Вашему превосходительству и чью подлинность я могу засвидетельствовать, так как сам видел замечания, собственноручно внесенные монархом. На этой основе теперь здесь должно быть разработано великое дело и представлено Его Величеству самое позднее через два месяца⁹. Этот важный исторический документ получил название «Государственная уставная грамота Российской империи», но по существовавшим тогда внешним и внутренним причинам Александр I не претворил его в жизнь.

Многие пишут о том, что будто бы Александр I растерялся, испугался вводить этот документ, потому что в России назревал политический заговор, создавались тайные общества с требованием демократических и либеральных преобразований. Так ли это? Ведь взгляды Александра I и воззрения членов всевозможных тайных обществ в основном совпадали.

Известны слова Александра I, сказанные им генерал-адъютанту Васильчикову после того, как тот доложил, что по имеющимся сведениям в России зреет политический заговор, и назвал его участников. Александр I, выслушав собеседника, сказал: «Дорогой Васильчиков, Вы, который находитесь на моей службе с начала моего царствования, Вы знаете, что я разделял и поощрял эти иллюзии и заблуждения. И не мне их карать!»¹⁰. Все заговорщики были прощены Александром I, никто из них не был арестован и не подвергся преследованиям.

Александр I понимал, что время радикальных реформ в России еще не пришло. Народ, его элита — дворянство и офицерство — к реформам готовы не были, да и Россия, разоренная войнами и Наполеоном, нуждалась в восстановлении, а для этого требовались энергия, спокойствие, созидание и главное — время.

Ни в коем случае нельзя слепо доверять западным источникам, изображающим Александра I как колеблющуюся, нерешительную личность, неспособную к принятию твердых и ответственных решений. Факты его царствования говорят о том, что это был отнюдь не безвольный человек, а тонкий, мудрый и волевой правитель. Об этом свидетельствует политический курс, который он проводил

⁹ *Schiemann Th.* Eine Konstitution für Russland vom Jahre 1819. Historische Zeitschrift. 1894. Bd. 72. S. 65.

¹⁰ *Шильдер Н.* Император Александр I: его жизнь и царствование: в 4 т. СПб., 1905.

несмотря на то явную, то скрытую оппозицию российского консервативного дворянства. Ведь идти против воли большинства господствующего класса, который к тому же находился под активным влиянием Запада, особенно в такой стране, как Россия, где помнились судьбы Петра III и Павла I, было занятием весьма рискованным. Но Александр I и в начале своего правления не страшился борьбы с консервативной российской аристократией. Примером твердости монарха в проведении им политики может служить Тильзитский мир с Наполеоном, известие о котором вызвало буквально бурю негодования российских дворян, усмотревших в союзе России с Наполеоном недвусмысленную угрозу своим привилегиям, и в особенности прочности крепостного права. Несмотря на то, что к многочисленным и влиятельным противникам Тильзитского соглашения с Наполеоном присоединилась мать Александра I Мария Федоровна, с мнением которой он всегда считался, Александр проводил тогда свою абсолютно реалистическую внешнюю политику, позволившую ему с успехом (после полученной передышки) подготовиться к разрыву отношений с Наполеоном.

Александр I писал матери, что ее непродуманное вмешательство во внешние дела недопустимо, что Россия одна не в состоянии сейчас сопротивляться агрессии Наполеона и нуждается в немедленном мире. И только вынужденный союз с Францией способен дать ей возможность «некоторое время дышать свободно и увеличить в течение этого столь драгоценного времени силы и средства...». «А для этого, — полагал Александр I, — мы должны работать в глубочайшей тайне и не кричать о наших вооружениях публично, не высказываться открыто против того, к кому мы питаем недоверие»¹¹.

Исключительную твердость и настойчивость проявил Александр I и тогда, когда разбитая армия Наполеона была отброшена за пределы России. Российские военачальники во главе с фельдмаршалом Кутузовым советовали Александру I не преследовать отступающих французов. Царь приказал войскам перейти в наступление и открыть так называемый зарубежный освободительный поход 1813 г. Решение, принятое Александром I, было политически и стратегически совершенно оправданным. Он не дал Наполеону возможности восстановить свои деморализованные войска. Более

¹¹ Русская старина. Кн. 4. 1899. С. 4–7.

того, это привело к тому, что бывшие союзники Наполеона изменили ему и встали на сторону русского царя.

Твердая и ясная позиция Александра I в войне с Наполеоном в конечном счете оправдала себя, и русский царь победителем вошел в Париж в марте 1814 г., а в 1815 г. именно по его воле был создан Священный союз.

В период зарубежного похода 1813–1814 гг. он сумел, несмотря на, казалось бы, непримиримые противоречия Англии, Пруссии и Австрии, побудить их действовать по единому стратегическому и внешнеполитическому плану, составленному в русском штабе и утвержденному им. Он был, по сути дела, душой антинаполеоновской коалиции. В 1813 г. российский император предложил союзникам мудрую политику по отношению к побежденным французам. Александр I настойчиво повторял, что он воюет не против французского народа, а исключительно против Наполеона, который является не только врагом европейских государств, но и своих подданных, которых он верг в тяжелейшие испытания и несчастья. Эта позиция союзников во главе с Александром I помогла им добиться крупных боевых успехов и даже привлечь на свою сторону приверженцев Наполеона.

После войн 1812–1815 гг. авторитет Александра I и в России, и во всем мире был чрезвычайно высок. Громкая слава русского царя подтверждается воспоминаниями современников. Так, декабрист С.П. Трубецкой писал: «По окончании Отечественной войны имя императора Александра гремело во всем просвещенном мире. Россия гордилась им и ожидала от него новой для себя судьбы. Эпоха самостоятельности настала. Император изъясил Манифестом благодарность своему войску и всем сословиям народа русского, вознесшего его на высочайшую степень славы, обещал, утвердив спокойствие общим миром в Европе, заняться устройством внутреннего благоденствия вверенной Провидением державы его пространного государства»¹².

Характеристику Александру I давали преимущественно его иностранные современники и историки. Эти отзывы зачастую исполнены скрытой неприязнью, постоянными вариациями на тему безволия, лицемерия и непостоянства Александра I. Такие оценки переписывали некоторые российские историки и даже выдавали

¹² Трубецкой С. Записки. Иркутск, 1983. С. 217.

их за истину. Понятно, что западные ученые иначе писать не могли, ведь они не в состоянии простить Александру I его победу над Наполеоном, его нравственное и военное превосходство над западными монархами.

Такие лицедеи, как Меттерних, Талейран, да и Наполеон, обвиняли своего политического, дипломатического и военного соперника в различных грехах, прежде всего в византизме, прикрывая этим приемом свою нечистоплотность, лживость и лицемерие. Беспардонная компрометация своих военно-политических соперников считалась тогда древним и проверенным оружием как азиатских, так и европейских политических деятелей.

Западные историки много пишут о том, что Александр I передал после 1815 г. всю полноту власти в стране солдафону А.А. Аракчееву. Да, Александр I абсолютно доверял своему верному помощнику Аракчееву и ценил его за бескорыстную неутомимую работоспособность, строгую исполнительность и жесткий контроль. Именно за те качества, которые так редко встречались в среде тогдашних российских чиновников.

Аракчеев был очень энергичным организатором и исполнителем воли Александра I. Много сделал он и для русских вооруженных сил, что и доказал, будучи на посту военного министра России в 1808–1810 гг. Славу жестокого солдафона ему создали завистники и противники. Его неутомимая деятельность по созданию в России с 1816 г. так называемых военных поселений особой организации и дислокации войск, которая позволяла совмещать военную службу с занятием сельским хозяйством, не только раздражала, но и пугала дворян и помещиков — основных производителей сельскохозяйственной продукции. Идея военных поселений возникла у Александра I еще до войны 1812 г., а после нее стала им ревностно осуществляться в пяти губерниях России.

Военные поселения представляли собой подобие отдельных гарнизонов, состоящих из 60 домов-связей, в которых располагалась рота из 228 человек. В благоустроенном по тем временам доме размещались четыре хозяина с нераздельным хозяйством. Прикрепленных к земле солдат, которые служили тогда по 25 лет, одели в военную форму, снабдили оружием. Одновременно с обучением военному делу они вели все земледельческие крестьянские работы. Вся жизнь военных поселян была строгойше регла-

ментирована (их быт был расписан по часам), и эта непривычная для крестьян «регулярная» жизнь, и по-солдатски суровое с ними обращение начальников, и, конечно, подстрекательство недоброжелателей являлись поводом волнений в некоторых поселениях. О настойчивости, с которой создавались военные поселения, можно судить по заявлению Александра I, который сказал: «Военные поселения будут!» Несмотря на сопротивление дворян и помещиков создание военных поселений продолжалось, поскольку царь надеялся с их помощью покрыть огромные расходы на восстановление разрушенного войной хозяйства России, а также на содержание армии, насчитывавшей в 1821 г. более миллиона человек.

При всех критических и предвзятых мнениях надо признать и то, что решение о создании военных поселений было правильным. К 1825 г. сельскохозяйственная продукция (зерно, мясо, овес, молочные продукты) военных поселений была качественнее и дешевле продукции их основных конкурентов — помещиков. А их особый капитал насчитывал 32 млн рублей. В поселениях были созданы школы, больницы, магазины. Там были хорошие дороги и, естественно, жилье. Все это создавало неуверенность среди помещиков, переходящую в злобу, а иногда и в провокации.

Зададимся вопросом, каким был Александр I как государь и как человек, которого уже при жизни народ именовал благословенным? Александр I был, бесспорно, талантливым политиком и реформатором, человеком верующим, с добрым сердцем, увлеченным преобразованием России, желавшим улучшить жизнь людей через предоставление им прав и свобод.

Уместно привести оценку царствования Александра I, данную князем П.А. Вяземским, который писал, что царь к концу своего правления прошел суровую школу «событий и тяжких испытаний. Либеральные помыслы его и сочувствия болезненно были затронуты грубой действительностью».

Александр I был вынужден сказать, что «добро не легко совершается», что «в самих людях встречается какое-то необдуманное, тупое противодействие, парализующее лучшие помыслы, лучшие заботы о пользе и благоденствии их»¹³.

О военной деятельности Александра I написано немного и притом все с негативом и в черных красках. Его внутренние, а

¹³ См.: Шильдер Н. Указ. соч. Т. IV. С. 202.

тем более внешние противники не хотели, чтобы народы России и Запада видели в нем победителя Наполеона и освободителя европейских народов от его ига. И поэтому они хитро сравнивают Александра I то с Меттернихом, то с Талейраном через показ общения Александра I с ними. Но ни в коем случае не сравнивали его с императорами и королями Франции, Пруссии, Австрии. Эти люди оставались за кадром, к тому же гениальными, прозорливыми с огромными полководческими талантами. Когда западные историки пишут о военной деятельности Александра I, сразу же кивают на Аустерлицкое сражение, в котором якобы был раскрыт полководческий талант Александра I. Они забывают своего великого полководца Наполеона, погубившего 600-тысячную армию в России. Читателю, конечно, самому судить, кто есть кто в событиях, происшедших с 1802 по 1826 г., в том числе и военных.

ГЛАВА 1

РУССКАЯ АРМИЯ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ I

Первоначальные преобразования Александра I в военной сфере состояли в упразднении названия полков по именам их шефов и в учреждении особой военной комиссии для рассмотрения положения войск и их устройства. Задачами комиссии было определение численности войск в целом и соотношения между разными родами оружия, определение числа людей в полках и ротах, снабжение продовольствием и размещение войск на постоянных квартирах, а также их одежда и вооружение. В обязанность той же комиссии входило определение ремонтной суммы на лошадей, изыскание средств на содержание в мирное время конной артиллерии с наименьшими расходами, сохранение некоторого числа строевых лошадей, необходимых для обучения рядовых. И наконец, этой комиссии было поручено составить положение о пенсиях, по поводу которых до того времени не существовало никаких постоянных правил.

12 марта 1801 г. при вступлении Александра I на престол сухопутная армия состояла из гвардии, армии, гарнизонных войск, горнозаводских батальонов и рот, иррегулярных войск. В гвардии числились 3 полка и 2 батальона пехоты, 4 полка кавалерии и батальон артиллерии. В состав армии входили 13 гренадерских, 69 мушкетерских, 19 егерских полков и Балаклавский греческий батальон. Кавалерия состояла из 13 кирасирских, 11 драгунских, 8 гусарских, 2 конных и 3 регулярных казачьих полков. В артиллерии было 7 пеших и конный полк; инженерные войска состояли из пионерного полка, 8 понтонных и 3 осадных депо и крепостных инженерных команд. Гарнизонные войска составляли 20 пехотных полков (84 батальона), 2 отдельных батальона, 4 гарнизонные артиллерийские роты, 33 инвалидные роты и несколько команд. В состав ир-

регулярных сил входили казаки войск: Донского, Черноморского, Оренбургского, Сибирского, Уральского и Астраханского; поселенные казаки: Гребенские, Терские, Семейные, Хоперские, Волжские, Кизлярские, Моздокские и Ставропольские крещенные калмыки.

Общая численность всех регулярных войск доходила до 270 тыс., а иррегулярных — до 70 тыс. человек. Для пополнения армии офицерами существовали кадетские корпуса: 1-й, 2-й, Гродненский и военно-сиротские отделения.

С 1801 по 1805 г. Александр I произвел следующие преобразования. Были вновь сформированы полки: 15 мушкетерских, 4 егерских, 6 драгунских, 2 гусарских, 5 пеших и конно-артиллерийских батальонов.

Четыре 10-эскадронных полка были разделены на 5-эскадронные и из них сформированы полки: Владимирский, Таганрогский, Нарвский, Нижегородский, Иркутский и Сибирский. А Литовско-татарский полк был разделен на два полка 5-эскадронного состава: конный Татарский и конный Литовский.

31 июня 1801 г. кирасирские полки — Казанский, Киевский, Стародубовский, Черниговский, Ряжский, Харьковский и Тверской — были переформированы в драгунские. 11 сентября 1803 г. Одесский гусарский полк был преобразован в уланский полк цесаревича Константина Павловича.

Полкам были определены составы: Преображенскому — 4 батальона, всем остальным (как гвардейским, так и армейским) — 3 батальона по 4 роты в каждом. Полкам гвардейской кавалерии, кирасирским и драгунским было определено по 5 действующих эскадронов и по запасному полуэскадрону; полкам легкой кавалерии — по 10 действующих эскадронов и одному запасному. Лейб-гвардейскому артиллерийскому батальону был определен состав из 2 батарейных, 2 легких и конной рот, а всем остальным артиллерийским батальонам — из 2 батарейных и 2 легких рот. Пионерный полк был разделен на 2 полка двухбатальонного состава.

Перед началом войны с Францией в 1805 г. русская армия имела следующий состав.

Пехота: гвардии 3 полка и 12 батальонов; 13 гренадерских полков по 39 батальонов; 84 мушкетерских полков и балаклавский батальон; 23 егерских полка в один батальон. Итого 123 полка и 373 батальона отдельных и входивших в состав полков.

Кавалерия: 4 гвардейских полка (20 эскадронов), 6 кирасирских полков (30 эскадронов), 27 драгунских полков (135 эскадронов), уланский полк (10 эскадронов), 3 конных полка (20 эскадронов), 9 гусарских полков (90 эскадронов). Итого 50 полков (305 эскадронов); 3 регулярных казачьих полка (6 эскадронов).

Артиллерия: гвардейский батальон (5 рот), 11 артиллерийских полков (88 рот), 2 военно-артиллерийских батальона (8 рот). Всего 101 рота, артиллерийский понтонный парк (8 рот), 2 пионерных полка (2 роты).

Общая численность армии по штатам 1803 г. насчитывала гвардии 12 620 человек и армии 326 380 человек.

Для комплектования армии в первые четыре года царствования Александра I было произведено три рекрутских набора, причем при приеме рекрутов следовало обращать внимание на здоровье и силы людей.

Одновременно с увеличением численности войск была найдена возможность увеличить денежное содержание офицерам и нижним чинам, изысканы средства для снабжения войск продовольствием и фуражом. Командирам было запрещено входить в подряды для снабжения продовольствием вверенных им частей. Для наблюдения за правильностью отпускаемого от казны довольствия был учрежден инспекторский контроль и утверждены правила для него.

Учреждение министерств вызвало определенные административные преобразования, в числе которых по военному ведомству были преобразованы генерал-аудиторства и военно-медицинской части.

До 4 августа 1805 г. средства для лечения больных находились в ведении Министерства внутренних дел, а дома для размещения больных и снабжение их одеждой и пищей — в распоряжении Военного министерства. Управление медицинской частью было в распоряжении врачебного управления, Министерства внутренних дел. Денежные средства на содержание медицинского персонала отпускались из Военного министерства. Некоторые госпитали и аптеки получали содержание от Военного министерства и Министерства внутренних дел.

«Неудобства подобного положения были очевидны, — говорил в докладе министра внутренних дел. — То начальник части

войск жалуется на дурное качество медикаментов либо на не искусство и нерадивость лекаря, то лекарь ссылается на невыгоды помещения больных и на скудость продовольствия. Инспекторы врачебных управ, коим поручается рассмотрение принесенных жалоб, лишены возможности исполнить надлежащим образом свою обязанность; время длится, и люди гибнут, став жертвами несогласия между военным начальником и лекарем».

Эти причины вызвали издание «Положения для медицинского управления по армии и флоту», в котором определялось: сосредоточить управление по каждой части в руках одного лица, подчинить начальников медицинской части наравне с воинскими чинами и привлечь медицинских чиновников к военной службе.

Общее управление медицинской частью поручалось генерал-штаб-доктору, состоявшему при министерстве. В полках же докторы были подчинены их командирам.

Опыт Аустерлицкого сражения побудил Александра I увеличить численность армии и подготовить ее так, чтобы она была способна вести боевые действия против сильного противника. Под личным председательством Александра I был создан Военный совет, в обязанности которого входило создание планов кампании на случай открытия военных действий и изыскания мер для быстрого формирования войск и их резервов.

Первым решением Военного совета было произвести два рекрутских набора и сформировать новые полки. Из инспекций, на которые в то время делились войска, было составлено 18 дивизий, артиллерия была преобразована из полков в 18 артиллерийских бригад. Манифестом 30 ноября 1806 г. было решено составить временное ополчение в 612 тыс. ратников от 31 губернии. Впоследствии число ополченцев было сокращено до 252 тыс.

Для обеспечения войск офицерами были приняты чрезвычайные меры: призывались дворяне не моложе 16 лет, которые обучались несколько месяцев в кадетских корпусах для фронтовой службы. Их определяли в армию первыми офицерскими чинами. Александр I решил принимать на военную службу студентов дворянских и прочих сословий, окончивших университетский курс наук, после шести месяцев службы представлять их к производству в офицеры. В период 1807–1811 гг., исходя из опыта войны с Турцией, Швецией и Францией, Александр I принял дополнитель-

ные меры по усилению и укреплению армии. Число пехотных дивизий было увеличено до 29, кавалерийских — до 10. Дивизии были соединены в корпуса, а корпуса — в армии.

С вторжением Наполеона в Россию Манифестом от 6 июля 1812 г. было призвано государственное ополчение, давшее армии до 320 тыс. ратников, из которых около 50 тыс. конных.

В связи с увеличением численности армии в Отечественную войну и значительным расширением административной деятельности Военного министерства Александр I разделил военную администрацию на две части и поручил каждую из них отдельному лицу. Все хозяйственные дела были оставлены в распоряжении военного министра, а все прочие дела, такие как комплектование армии и генерал-квартирмейстерская служба, были переданы во вновь образованный при императоре Главный штаб.

Меры, принятые Александром I по укреплению сухопутных сил, системы обеспечения и управления ими, положительно сказались на их боеспособности. Это подтверждается ходом и итогами Отечественной войны 1812 г. и военными походами Александра I 1813–1815 гг., полным разгромом Наполеона и его армии и созданием по инициативе русского монарха Священного союза в Европе. Этим обеспечивались более мирные условия для восстановления разрушенного хозяйства России, ее дальнейшего развития и, конечно, обороноспособности.

После войны, заботясь о раненых воинах и их семьях, Александр I предпринял ряд мер. Под его руководством был создан комитет, который впоследствии был назван Комитетом о раненых. В его распоряжение были выделены большие суммы денег для помощи раненым и семьям убитых.

Разрушенное войной с Наполеоном хозяйство России, ущерб, нанесенный стране, особенно в западных областях, требовали огромных затрат для восстановления и развития. А состояние финансов России было критическим. Нужно было найти выход из этого положения с наименьшими затратами времени, сил и средств. И этот выход был найден: Александр I принял решение о создании военных поселений.

Следующей проблемой, которая обратила внимание Александра I, стала подготовка будущих офицеров, особенно офицеров-инженеров. В этой области наблюдалось засилье иностранцев. Было

решено основать Главное инженерное училище, и оно было создано 21 ноября 1819 г. Не было училища для подготовки офицеров-артиллеристов — оно было основано 9 мая 1820 г. В 1822 г. при корпусе топографов было создано училище по подготовке специалистов-топографов.

В Оренбурге в феврале 1824 г. было основано Военное училище. Туда принимали детей офицеров иррегулярных войск Оренбургского корпуса, детей нерусской национальности и свободных сословий.

Деятельность Александра I по укреплению российской армии и его забота о солдатах и офицерах, их здоровье, быте говорят о его рдении о России, народе, его благополучии и безопасности.

ГЛАВА 2

УПРАВЛЕНИЕ РУССКОЙ АРМИЕЙ

Император Александр I Манифестом от 8 сентября 1802 г. установил новый порядок управления государственными делами через образованные министерства. Военная коллегия была оставлена без изменения под управлением вице-президента Военной коллегии генерала от инфантерии С.К. Вязмитинова, который стал носить звание министра военных сухопутных сил. Вместе с тем оставалась и военно-походная канцелярия Его Императорского Величества, которую возглавлял (с октября 1798 по 1808 г.) генерал-адъютант граф Х.А. Ливен. А с назначением в 1808 г. министром военных сухопутных сил графа Аракчеева военно-походная канцелярия Его Императорского Величества перешла в его полное подчинение.

В именном высочайшем указе 26 января 1808 г. на имя графа Аракчеева было сказано: «Уволить генерал-адъютанта графа Ливена от настоящей должности и дать Вам власть, приличную посту, Вами занимаемому, я поручаю в полное Ваше распоряжение военно-походную мою канцелярию». В том же году 24 июня царь повелел: «Во всех сношениях и переписках именовать министра военно-сухопутных сил короче — военным министром». Впоследствии с увеличением сил войск и приобретением опыта были расширены и обязанности высшей военной администрации.

В 1811 г. в стране состоялось общее учреждение министерств. По приказу Александра I от 28 февраля 1812 г. Военная коллегия была преобразована в Военное министерство, этим же приказом военно-походная канцелярия Его Императорского Величества упразднялась.

В 1812 г. на время отсутствия военного министра генерала Барклая-де-Толли именным высочайшим указом от 22 марта управление департаментами военного министерства было возложено

на генерал-лейтенанта князя А.И. Горчакова, которому была дана особая инструкция. Он занимал эту должность до декабря 1815 г.

С окончанием войны 1812–1814 гг. управление всем военным департаментом приобрело новую организацию согласно утвержденному 12 декабря 1815 г. положению «Учреждение для управления большой действующей армией».

Начальнику главного штаба при Его Императорском Величестве был подчинен военный министр с предоставлением ему права руководить комиссариатским, провиантским, медицинским и артиллерийским департаментами.

На основании этого положения должность начальника Главного штаба Его Императорского Величества занимали князь П.М. Волконский (с 1815 по 1823 г.) и И.И. Дибич-Забалканский (с 1823 по 1828 г.), а должность военного министра с подчинением начальнику Главного штаба Его Императорского Величества занимали генерал от инфантерии граф П.П. Коновичын (с 12 декабря 1815 по 6 мая 1819 г.), генерал от инфантерии барон П.И. Меллер-Закомельский (с 6 мая 1819 по 14 марта 1823 г.), генерал от инфантерии граф А.И. Татищев в звании управляющего Военным министерством (с 14 марта 1823 по 26 августа 1827 г.)

Начало образования должностей по квартирмейстерской части относится ко времени царствования Петра I, создателя русской регулярной армии. В первый раз звания генерал-квартирмейстера и капитана над вожатыми упоминаются в штатах армии, утвержденных 19 февраля 1711 г. В Воинском уставе 1716 г. определены чины по квартирмейстерской части и их обязанности. По штатам 1720 г. полагалось в военное время иметь при полевой армии определенное число чинов с конкретными обязанностями. Чины эти не составляли постоянного состава, а избирались из генералов, штаб-и обер-офицеров строевых войск. Генеральный штаб как особый корпус офицеров, предназначенных для исполнения определенных обязанностей при войсках, впервые был создан в 1763 г. при императрице Екатерине Великой. В этом же году состав Генерального штаба был определен штатом (в 38 человек) и подчинен Военной коллегии. Обязанности офицеров этого органа были установлены тогда же. В мирное время большая часть офицеров состояла при Военной коллегии и занималась геодезическими и картографическими работами, остальные служили при войсках в качестве офи-

церов. В военное время их количество увеличивалось командированием лиц из числа состоявших при коллегии.

В 1773 г. Генеральный штаб был подвергнут новому преобразованию: количество офицеров квартирмейстерской части уменьшили, было установлено определять колонновожатыми в корпуса лиц унтер-офицерского звания; центральное управление квартирмейстерской частью было переименовано в департамент Генерального штаба.

Император Павел I при вступлении на престол упразднил департамент, а офицерский состав был распределен по войскам для строевой службы. В то же время при Павле I в Зимнем дворце была образована особая чертежная, вскоре переименованная в Собственное Его Величества депо-карт, в котором работы производили инженерные офицеры.

В 1796 г. Генеральный штаб был восстановлен и получил название Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, причем часть офицеров состояла при войсках, а часть занималась геодезическими и топографическими работами, составлением карт и планов.

С вступлением на престол Александр I обратил внимание на Свиту Его Императорского Величества. Он начал с того, что пожаловал Свите по квартирмейстерской части красивые мундиры с особым золотым шитьем. Это было начало выделения квартирмейстерского ведомства в отдельное и самостоятельное учреждение. Главная забота Александра I заключалась в том, чтобы это учреждение приносило ту пользу, которую оно должно приносить войскам.

Нужен был человек, который смог бы создать это учреждение, подобрать для него людей, подготовить их и организовать работу. Александр I назначил на эту должность П.К. Сухтелена, человека эрудированного и принадлежащего к числу ученых людей того времени. Он знал латинский, греческий, французский, немецкий, голландский и русский языки, обладал знаниями по военным, математическим наукам и истории. У него была одна из лучших библиотек в России, составленная из разных книг, рукописей, в том числе и по военной тематике, доступ к которой был открыт для всех. По решению Александра I с назначением Сухтелена управление квартирмейстерской частью разместилось в Михайловском замке, там же находилась и его квартира, чем подчеркивались важность

этого управления и внимание к нему Александра I. Деятельность П.К. Сухтелена в должности генерал-квартирмейстера была в основном направлена на подбор и подготовку способных и образованных людей и создание из них хороших съемщиков, картографов и колонновожатых.

Сухтелен энергично и основательно включился в новую деятельность. Ему удалось к 1805 г., к первому столкновению России с Францией, подготовить достаточное количество офицеров квартирмейстерской части, так что армия России была ими в основном обеспечена.

Нужно учитывать то, что конкретная численность Свиты по квартирмейстерской части не была определена, она уточнялась по мере необходимости. В то время в ней состояли 5 генералов, 44 штаб-офицера, 66 обер-офицеров и 60 нижних чинов.

Большое внимание Сухтелен уделял съемкам и подготовке к созданию карт. К 1805 г. уже имелись большие хорошие карты, и шла активная работа по составлению 100-листовой карты. Эта работа была закончена к концу 1805 г. и высоко оценена Александром I.

После участия русских войск в войне 1805 г. Александр I хорошо понимал, что в будущем война с наполеоновской Францией неизбежна, был озабочен этим и принимал меры к переустройству войск и подготовкой к войне. Он приказал Сухтелену произвести съемки западной и юго-западной части России. На это была выделена большая по тем временам сумма — 172 тыс. рублей, которая постоянно возрастала. На этих съемках перебивало более 450 человек — съемщиков-офицеров квартирмейстерской части. Их командировки длились месяцами, а то и годами. Жили и работали они далеко не в комфортабельных условиях.

Естественно, задачи уточнялись в связи с изменениями политической и военной обстановки. Так, например, весной 1809 г. офицеры квартирмейстерской службы были командированы в западные пограничные области России. На них была возложена задача осмотреть местность, дороги, деревни и определить их пригодность для размещения и развертывания войск. Этот материал был крайне необходим для составления дислокационных и маршрутных карт, которых тогда не было. Военный министр граф Аракчеев по указанию Александра I выделил на это большие деньги и сам лично поставил задачу квартирмейстерской службе. Она была не

из легких: офицерам нужно было преодолеть более 25 300 верст и подготовить необходимый съёмочный материал. Эта задача была выполнена. Свита по квартирмейстерской части занималась изучением опыта войн, принимала участие в выработке предложений по организации войск и их применению. Так, к началу кампании 1806–1807 гг. русская армия была разделена на дивизии, каждая из которых имела в своем составе 6–8 полков пехоты, по 3 полка кавалерии, артиллерию и казаков. Дивизии были объединены в корпуса, а корпуса — в армии.

После войны 1806–1807 гг. и заключения Тильзитского мира было обращено должное внимание на устройство штабов. Для изучения опыта штабной службы за образец взяли французское военное управление. Александр I направил во Францию генерал-адъютанта князя П.М. Волконского. Он пробыл за границей два года и собрал интересные и крайне необходимые сведения, составил обстоятельное описание французских военных учреждений и методов их работы. Эта информация изучалась, обобщалась, из нее делали выводы. Полезное и нужное применялось, по возможности внедрялось в систему управления русскими войсками. Полезность внедрения в какой-то мере была проверена на практике во время войны со Швецией в 1808–1809 гг. В этой войне боевой и штабной опыт приобрели многие офицеры и генералы, в числе которых был и князь Багратион.

Надо сказать, что сведения, собранные князем Волконским, имели большое значение и оказали влияние на русское военное законодательство 1811 и 1812 гг. Они сказались и на службе Свиты по квартирмейстерской части. Участие Сухтелена в войне 1809 г. в должности квартирмейстера было последним. Александр I назначил его чрезвычайным послом в Швецию. Его обязанности были возложены на генерал-майора М.Е. Вистицкого. Во главе военного ведомства в то время стоял граф Аракчеев. В 1810 г. произошла смена военного руководства. Александр I назначил военным министром генерала Барклая-де-Толли, а 23 мая того же года управление квартирмейстерской частью перешло к генерал-адъютанту князю Волконскому. Это был хорошо подготовленный в военном отношении человек. Действительную службу он начал с 15 лет в Семеновском полку в должности полкового адъютанта. Шефом этого полка был великий князь Александр Павлович. Они

ежедневно встречались по службе, подружились, и Александр взял его к себе адъютантом. В день коронации Александр пожаловал Волконскому, которому тогда было 26 лет, чин генерал-майора и звание генерал-адъютанта. Волконский был человеком педантичным, аккуратным и исключительно работоспособным. Он имел пятилетний опыт службы в военно-походной канцелярии, принимал участие в боевых действиях в 1805 г. в качестве дежурного генерала при корпусе Буксгевдена, а затем при корпусе Кутузова.

В ходе Аустерлицкого сражения Кутузов писал в своем донесении Александру I: «Волконский показал достоинства. Он не только отличился храбростью, благоразумием, но и хладнокровием». За отличие в Аустерлицком сражении Волконский был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

Свою деятельность в новой должности Волконский начал с организации управления и штатов квартирмейстерской части, которые были утверждены Александром I в ноябре 1810 г. Они предусматривали канцелярию управляющего квартирмейстерской частью. В нее входили четыре отделения: текущих дел, топографическое, маршрутное, казначейско-архивное.

Впервые с 10 декабря 1810 г. была установлена отдача приказов по квартирмейстерской части. Эти приказы рассылали старшие начальники по квартирмейстерской части при войсках. Был выделен отдельный дом для размещения этого учреждения, создана своя библиотека, коллекция карт и съемочных инструментов. В 1821 г. была организована механическая мастерская по изготовлению съемочных приборов.

Создав центральное управление квартирмейстерской частью, Волконский занялся определением обязанностей как самого управления, так и офицеров в мирное и военное время. Было составлено и утверждено «Руководство к отправлению службы чиновников Генерального штаба», которое было отпечатано и отправлено в войска. Оно служило постоянным пособием Генеральному штабу и штабам войск.

До 1812 г. в России действовал устав Петра I, в который периодически вносились небольшие уточнения. В 1812 г. возникла необходимость создания нового органа для руководства войсками и нового документа, определяющего его деятельность, который вошел в историю как «Учреждение для управления большой действующей

щей армией». Общие положения для этого документа были выработаны по указанию Александра I комиссией под председательством военного министра Барклая-де-Толли, членами комиссии были назначены генерал-лейтенант Опперман, генерал-адъютанты князя Волконский и Сен-При, генерал-майоры Кутайсов, Пален и Канкрин, действительный статский советник Магницкий и полковник Перский. Редакционная работа была возложена на особую группу под председательством Магницкого. «Учреждение...» определяло устройство управления армией и деятельность должностных лиц и органов, его составляющих.

Устанавливалось, что командование армией, если Государь Император не изволит начальствовать ею лично, вверялось главнокомандующему, который «представляет лицо Императора и облечается властью Его Величества». В отношении ведения военных действий главнокомандующий должен руководствоваться данным ему планом главных военных операций. Органом главнокомандующего по управлению армией служил главный полевой штаб армии. Кроме того, при главнокомандующем полагалась канцелярия. Главный полевой штаб состоял из четырех частей, которые назывались главными отделениями: начальника главного штаба армии, полевого артиллерийского управления, полевого инженерного управления и интендантского управления. Этими частями руководили начальник главного полевого штаба армии, начальники артиллерии инженеров армии и генерал-интендант, которые, по идее «Учреждения...», все непосредственно подчинялись главнокомандующему.

Начальник Главного штаба как ближайший помощник главнокомандующего получал преобладающее значение. Были определены права начальника Главного штаба передавать начальникам всех частей управления армиями указания главнокомандующего, его право вступать в командование армией в случае болезни или смерти главнокомандующего. Все управления, включая артиллерийскую, инженерную и интендантскую части, назывались Главным полевым штабом армии, что давало право носящему звание начальника Главного штаба армии быть начальником всего Главного полевого штаба в совокупности, а не одной лишь его части.

В 1812 г. Александр I утвердил «Учреждение для управления большой действующей армией». В создании этого документа са-

мое активное участие принимал князь Волконский, и поэтому все, что касается квартирмейстерской части, было разработано полно и точно. В «Учреждении...» впервые устанавливается должность начальника полевого штаба и неоднократно упоминается понятие «генеральный штаб». В нем также указывались обязанности квартирмейстерской службы в Генеральном штабе и в армии. Эти обязанности включали в себя приготовление к военным операциям, приведение их в действие, а также все меры по соблюдению военной тайны. Были созданы штабы корпусов и дивизий и определены их задачи и обязанности, которые были, по сути, схожи с обязанностями армейского штаба.

Александр I приказал приравнять офицеров квартирмейстерской части к офицерам и чинам кадетских корпусов и упорядочить прохождение ими службы. Было также принято решение о создании учебного заведения по подготовке колонновожатых и создании программ обучения для них.

Число обучающихся не должно было превышать 60 человек. К началу 1812 г. квартирмейстерская часть была полностью укомплектована и имела в своем составе 172 человека, в том числе 10 генералов, 58 штаб-офицеров и 99 обер-офицеров. К середине 1812 г. эта численность была увеличена еще на 52 человека. Всеми этими делами занимался князь Волконский.

Начальнику Главного полевого штаба непосредственно подчинялись генерал-квартирмейстер и дежурный генерал с их управлениями. К сфере деятельности первого относились все распоряжения, касавшиеся военных операций; на дежурного генерала было возложено заведывание делами по личному составу армий, по строевой, обозной, военно-политической, а также военно-судной части, по заведованию постами, военными дорогами и госпиталями.

Генерал-интендант занимался снабжением армии продовольствием, жалованьем, вещами, аптечными припасами, лошадьми и подводами. Для облегчения снабжения армии ему подчинялись губернии и области, объявленные на военном положении, которые должны были поставлять все необходимое для армии. С переходом за границу он управлял занятыми неприятельскими областями на правах генерал-губернатора. При нем состояла небольшая канцелярия. Ему были подчинены два больших полевых управления — провиантское и комиссариатское. Довольствие армии про-

изводилось преимущественно за счет средств страны, извлекаемых военными требованиями (реквизициями), а при истощении этих средств — подвозом из империи. Покупки и подряды допускались только как исключение.

Начальники артиллерии и инженеров занимались войсковыми частями соответствующих родов оружия, парками и пр.

Наконец, канцелярия главнокомандующего, руководимая директором, занималась перепиской самого главнокомандующего: представлениями государю и военному министру, другим министрам, делопроизводством по представлениям, приходящим к главнокомандующему от начальников Главного штаба, артиллерии и инженеров и от генерал-интенданта.

Дежурному генералу, кроме его управления (дежурства армии), подчинялись полевой генерал-аудитор, генерал-гевальдигер (начальник военной полиции), комендант главной квартиры, генерал-вагенмейстер (начальник войсковых обозов), директор военных сообщений, директор госпиталей, полевой генерал-штаб-доктор, полевой почт-директор, полевой обер-священник и конвой Главной квартиры.

Из особенностей устройства полевого управления по «Учреждению...» 1812 г. выделяются следующие. Главнокомандующему дается «полная самостоятельность в выборе средств к достижению Высочайше ему указанных целей: ни о каких военных советах в армии нет речи, и главнокомандующий не обязан испрашивать Высочайшее соизволение на разные мероприятия». Степень же его власти характеризуется словами, что он облечен «властью Его Величества».

Указывалось, что все специальные органы, приданные войскам, всегда находятся в двойном подчинении — как строевому, так и специальному начальству.

Все штабы в армии, «составляя одно общее управление», должны были находиться в непрерывном между собой общении, получая от своего специального начальства «руководство о том действии, в котором все действия чиновников Генерального штаба должны быть постоянно направляемы. Зависимость их от сих начальников состоит в исполнении всех их приказаний; но буде бы дано им было приказание, с порядком и правилами несогласное, то они обязаны, исполнив его, донести о том своему начальству (штаб-

ному) благовременно и за исполнение исполняемого приказа не отвечают».

Точно так и все артиллерийские, инженерные, провиантские и комиссариатские чины в армии подчинялись начальникам артиллерии и инженеров и генерал-интенданту, которые следили за их деятельностью, имели право удалять их от должностей и т.п.

Дивизионные квартирмейстеры были подчинены корпусным обер-квартирмейстерам, которые подчинялись генерал-квартирмейстеру армии; точно так же старший адъютант в дивизии — дежурному штаб-офицеру (в корпусе), а этот последний — дежурному генералу армии. В «Учреждении...» слово «чиновник» употребляется в том же смысле, как слово «чин», под ним подразумеваются как офицеры, так и собственно чиновники.

В пехоте и кавалерии не устанавливалось и не имелось общих начальников всех родов оружия — части этих войск состояли в полном подчинении командирам соответствующих корпусов и отрядов.

Двойственность подчинения всех чинов специальных ведомств оказалась плохой для дела. Она вызывала недоразумения, столкновения, переписку; строевые начальники в этих состоявших при них чинах имели не прямых подчиненных, не органы для исполнения своих намерений, а лишь представителей посторонних ведомств, с которыми они должны были переговариваться, которые, даже если они желали, не могли исполнить приказаний строевого начальника без разрешения своего специального начальства и т.п.

Недостатком «Учреждения...» было отсутствие резкого разграничения круга деятельности отдельных лиц и управлений, неопределенным было положение директора канцелярии при главнокомандующем, который по закону должен был лишь вести его личную переписку, но, являясь всегда близким и доверенным лицом главнокомандующего, имел сильнейшее влияние на дела, особенно хозяйственные, восходившие к главнокомандующему от генерал-интенданта и от начальников артиллерии и инженеров.

Кроме того, «Учреждение...» в одной статье предусматривало возможность деления большой действующей армии на частные армии, оговаривая, что в таком случае мера власти командующих этими армиями назначается каждый раз в указах при их определении.

Или, например, дежурный генерал был главным начальником госпиталей. А между тем личный состав чинов хозяйственного

разряда госпиталей подчинялся полевому комиссариатскому управлению. Военные дороги учреждались на совещании начальника Главного штаба с генерал-квартирмейстером и генерал-интендантом, а исполнение их утверждалось главнокомандующим; управление военной дорогой в хозяйственном отношении принадлежало генерал-интенданту, а в отношении устройства станций, их исправности и порядка движения — дежурному генералу.

На практике это положение «Учреждения...» не применялось, так как в течение войны 1812 г. и в последующем над армиями начальствовали главнокомандующие. Были отдельные корпуса, командирам которых была предоставлена почти вся власть главнокомандующего. Император Александр I в начале Отечественной войны сохранял за собой общее начальствование над действующими против французов армиями и их главнокомандующими (Барклай-де-Толли, Багратионом, Тормасовым, Чичаговым), а потом передал его графу Кутузову, оставаясь начальствующими над всеми войсками России.

22 июля 1812 г. Александр I возвратился из Москвы в Петербург. Здесь он получил доклады и письма из армии Барклая-де-Толли от Багратиона с жалобами и упреками на Барклая. Императору Александру были известны причины этих упреков. Он знал достоинства Барклая-де-Толли, был уверен в его преданности и знал, что действия наших войск были необходимостью, вытекающей из его замысла борьбы с Наполеоном. Однако не подлежало сомнению и то, что успех в войне возможен только тогда, когда полководец пользуется неограниченным доверием войск. Только при этой доверительной связи между командующим и вверенными ему войсками он может направлять общие усилия к достижению поставленной ему задачи и цели и может оправдать возложенные на него обязанности.

У Александра I возникла мысль о необходимости назначения нового главнокомандующего с подчинением ему всех русских армий, участвовавших в борьбе с Наполеоном. Александр поручил обсуждение вопроса о выборе кандидата на пост главнокомандующего всеми армиями комитету, составленному из бывшего своего наставника, председателя Государственного совета генерал-фельдмаршала графа Салтыкова, главнокомандующего в Санкт-Петербурге генерала от инфантерии Вязмитинова, генералов гра-

фа Аракчеева и Балашова и действительных тайных советников князя Лопухина и графа Кочубея. Комитет собрался в доме графа Салтыкова и приступил к обсуждению порученного ему вопроса. В начале заседания граф Аракчеев прочел полученные на имя Его Императорского Величества рапорты от главнокомандующих армиями — военного министра Барклая-де-Толли, затем комитету были представлены частные письма князя Багратиона, графа Сен-При и других генералов.

Из донесения Барклая-де-Толли вытекала безнадежность в успехе разрозненно действующих русских сил против огромных сил Наполеона, критика в адрес Багратиона, который, по мнению военного министра, должен был, действуя решительно, отвлесть часть неприятельских войск, воюющих (как полагал Барклай) против 1-й Западной армии. Князь Багратион со своей стороны, не зная полного замысла Александра I, по которому действовал Барклай, настаивал на необходимости перехода обеих западных армий к наступательным действиям и жаловался на военного министра, который, как выражался Багратион, «требуя его мнений, в действиях не согласуется оным».

Разномыслие главнокомандующих можно проследить из их частных писем. Например, князь Багратион, извещая графа Аракчеева о положении дел, выражался со всей резкостью о пагубных последствиях, которые, по его мнению, могли привести к дальнейшему отступлению. Багратион писал: «Вся армия просила меня гласно, чтобы я всеми командовал, но я на это им ничего не отвечал, ибо воля на то Государя моего». «Признаюсь Вам откровенно, — продолжал он в том же письме, — сколько мне было приятно сойтись с первой армией, столько же и прискорбно, ибо продовольствие для меня весьма плохое. Когда один шел, тогда все имел». В другом письме говорилось: «Ради Бога, пошлите меня куда угодно, хоть полком командовать, в Молдавию или на Кавказ, а здесь быть не могу; вся главная квартира немцами наполнена, так что русскому жить невозможно и толку никакого нет. Воля Ваша или увольте меня, хоть отдохнуть на месяц».

Читателю самому судить о докладах и письмах Барклая и Багратиона. Но необходимо пояснить, что Барклай был военным министром, командовал большой 120-тысячной армией и уже был с ней в сражениях с Наполеоном. А Багратион командовал

35-тысячной армией и в сражениях с Наполеоном к тому времени не участвовал. Откуда же у него такие амбиции, переходящие в каприз?

После изучения всех официальных бумаг и частных писем, объясняющих положение дела, комитет единогласно признал, «что не деятельность в военных операциях происходила оттого, что не было над всеми действующими армиями положительной единогласной власти, и сколь в настоящее время невыгодно такое раздробление власти, столь, напротив того, необходимо общее оной соединение». По мнению комитета, «истина сего основывалась как на положении обстоятельств вообще, так и на том, что по действию разных армий на значительном пространстве они обязаны всегда соглашать свои действия и действия одна с другою». Комитет пришел к выводу, что нужно «назначить надо всеми действующими армиями одного общего главнокомандующего».

Главкомандующий 1-й Западной армией, являясь вместе с тем и военным министром, имел распорядительное влияние на действия прочих главнокомандующих, старших в чине, что, может быть, стесняло его распоряжения, и потому комитет утвердительно полагал, что звание военного министра, соединенное с начальством над армией, производило неудобства в достижении желаемой цели.

Затем комитет приступил к рассмотрению кандидатур для назначения общего главнокомандующего. Члены комитета полагали, что кандидатом должен быть человек, известный опытностью в военном искусстве, с отличным дарованием, общим доверием и на старшинстве службы. Рассматривались кандидатуры Беннигсена, Багратиона, Тормасова и даже давно уже бывшего в отставке Палена. Но пришли к выводу, что ни один из них не соответствовал определенным для выбора условиям. Наконец, когда было произнесено имя Кутузова, все члены комитета единогласно одобрили его кандидатуру и постановили просить Александра I верить командование армиями Кутузову, предоставить ему одному власть, определенную положением о большой действующей армии, к тому же предписать начальникам губернских ополчений доносить ему об успехах вооружений и о местах, где уже собраны земские силы.

Вместе с тем предлагалось «предоставить полное управление военным министерством управляющему департаментом генерал-

лейтенанту князю Горчакову». Ему же предлагалось поручить командовать (вместо Кутузова) Санкт-Петербургским ополчением, «тем более что в составе его ополчения находились и регулярные войска».

Кутузов отвечал всем требованиям, определенным комитетом при выборе главнокомандующего. Он был известен в России и армии, имел старшинство по службе над всеми главнокомандующими наших армий, наконец, имя Кутузова, природного русского, было русское, что в Отечественную войну 1812 г. имело большое значение.

Избрав Кутузова, комитет доложил свое мнение Александру I, который заранее предвидел, кто будет выбран, и за несколько дней перед этим событием почтил маститого военачальника изъяснением личной своей благосклонности, возведя его 29 июля 1812 г. в княжеское достоинство с титулом «Светлейшего». А затем 8 августа 1812 г. царь вызвал его к себе и объявил о назначении главнокомандующим всеми действующими армиями и ополчением.

В последние годы войны против Наполеона главнокомандующие по проведению военных операций подчинялись князю Шварценбергу — общему главнокомандующему союзных армий. Однако армия России подчинялась Александру I. Таким образом, роль и значение частных армий, как их понимали составители «Учреждения...», не получила дальнейшего развития. Даже при формировании в феврале 1813 г. в тылу действующих войск резервной армии ее начальнику князю Лобанову-Ростовскому было присвоено звание и права главнокомандующего за некоторыми исключениями.

Как уже говорилось, 11 декабря 1812 г. с прибытием в войска Александра I была образована его Главная квартира. Начальникам штаба Главной квартиры был назначен князь Волконский, генерал-квартирмейстером — генерал-майор Толль, дежурным генералом квартирмейстерской части — полковник Сулявин. Этот состав штаба Главной квартиры Александра I оставался на время войны 1813–1814 гг.

В эти годы служба Главной квартиры и ее штаба усложнялась тем, что Александр I, не приняв на себя главное командование союзными войсками, тем не менее сохранил за собой руководящее влияние на их действия. Столкновения политических, государ-

ственных, военных интересов и личные взгляды союзных государств, разнородный состав их армий осложняли ход военных действий. Все затруднения, а иногда и недоразумения приходилось улаживать начальнику штаба при Главной квартире Александра I князю Волконскому.

На основании опыта войн с Наполеоном 12 декабря 1815 г. из штаба Главной квартиры и квартирмейстерской части по указанию Александра I был образован Главный штаб Его Императорского Величества, первым начальником которого был назначен князь Волконский.

По окончании войны против Наполеона Александр I именным указом от 12 декабря 1815 г. повелел сохранить управление армиями, образованное для войны, и на мирное время. При этом были внесены небольшие уточнения.

В этом указе Александр I подчеркнул: «Трехлетний опыт благополучно оконченной последней войны, в продолжение коей лично присутствовал Я при войсках, явил ощутительную пользу изданного в 1812 г. “Учреждения об управлении большой действующей армией”. Находя необходимым сохранить тот же порядок и в мирное время по управлению всем вообще военным департаментом, признал Я за полезное дать оному новое устройство, примененное в главных основаниях к оному учреждению»¹⁴.

¹⁴ Полное собрание законов Российской Империи. № 26, с. 21.

НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ И ДВОРЯНСТВО

В 1812 г. весть о вторжении Наполеона в пределы России вызвала Обеспокоенность всего русского народа. Всякий, отзываясь на призыв Александра I, был готов отдать для защиты родины свою жизнь и все, что он имел. Достоинство вело себя и дворянство, которое поддержало Полоцкий Манифест Александра I от 6 июля 1812 г., где государь называл дворян «Пожарскими» и «спасителями Отечества».

Дворянство некоторых губерний поголовно пошло в ополчение. Дворянство Смоленской губернии с самого начала войны зарекомендовало себя как верное и преданное Отечеству сословие. Некоторые из дворян сами, на свои деньги вооружали крестьян и составляли из них небольшие партизанские отряды, которые нападали на обозы французов, захватывали отставших и таким образом подавали пример партизанской войны и идею всеобщего вооружения. Многие богатые дворяне за собственный счет сформировали целые полки. Частным пожертвованиям дворян и купечества не было конца.

Смоленский губернский предводитель дворянства Лесли предложил Александру I общее ополчение дворян Смоленской губернии.

После Полоцкого Манифеста о сборе земского ополчения Александр I прибыл в Москву. Очевидцы описывают исключительно почтительное отношение к нему народа, купечества и дворянства. В Москве после двухдневного посещения ее Александром I все делалось во имя спасения Отечества. Точно так же дело шло в Петербурге и других городах, где не жалели средств, спешно и деятельно собирали и вооружали земское войско.

Многие помещики боялись, что приближение французской армии и тайные подстрекательства поднимут против них крес-

стьян и дворовых людей, но их опасения оказались напрасными. Наоборот, в это тяжелое время крестьяне с дворянами и купцами слились в одно целое.

Однако в общем потоке патриотического движения остзейское и лифляндское дворянство вело себя не патриотично. Оно отдавало в ополчение престарелых, слабосильных и больных крестьян, почти голых и босых, поставляло старых и негодных лошадей.

Из собранных ратников формировались конные и пешие полки, дружины и пр. Одежда ратников ополчения отличалась от солдатской: она состояла из кафтана и шаровар светло-серого простого сукна. Шапка украшалась медным крестом, к которому многие ратники прикладывались, прежде чем ее надеть. Ратникам, носившим бороду, было разрешено ее не брить. Вооружение состояло из самых простых сабель и пик. Офицеры и все высшие начальствующие лица имели право носить платье из тонкого сукна с наплечниками.

В губерниях, где формировалось ополчение, учреждались комитеты для принятия и хранения поступающих пожертвований для выплаты жалования ратникам, на обмундирование, вооружение и продовольствие. Комитет принятия пожертвований для ополчения состоял из председателя и трех членов: одного от правительства, другого от дворянства и третьего от купечества. Для каждого ополчения учреждалась особая комиссариатская и провиантская комиссии.

Намерение Александра I образовать общее ополчение в государстве было впервые определено в высочайшем рескрипте, данном им во время пребывания в Дриссе. «Я решился, — писал государь император, — призвать народ к истреблению врага, вторгнувшегося в наши пределы, как к такому делу, которого требует сама вера».

6 июля Александр I отправил с генерал-адъютантом князем Трубецким в Москву воззвание, а затем и Манифест о всеобщем ополчении. Воззвание было следующего содержания: «Неприятель вошел с великими силами в пределы России. Он идет разорять любимое наше Отечество. Хотя пылающее мужеством ополченное российское воинство готово встретить и низложить дерзость его и зломыслие, однако же по отеческому сердолобию и попечению Нашему о всех верных Наших подданных, не можем Мы оста-

вить без предварения их о сей угрожающей им опасности. Да не возникнет из неосторожности Нашей преимущество врагу. Бога ради, имея в намерении для надежнейшей обороны собрать новые внутренние силы, наипервые обращаемся Мы к древней столице предков Наших — Москве. Она была всегда главою прочих городов российских: она изливала всегда из недр своих смертоносную на врагов силу; по примеру ее из всех прочих окрестностей текли к ней, наподобие крови к сердцу, сыны Отечества для защиты его. Никогда не настояло в том вашей надобности, как ныне. Спасение веры, престола, царства того требуют. Итак, да распространится в сердцах знаменитого дворянства Нашего и во всех прочих сословиях дух той праведной брани, какую благословляет Бог и православная наша церковь; да оставит и ныне общее рвение и усердие новые силы и да умножатся ее, начиная с Москвы, во всей обширной России! Мы не уедем Сами стать посреди народа Своего в сей столице и в других государства Нашего местах для совещания и руководства всеми Нашими ополчениями как ныне преграждающими пути врагу, так и вновь устроенными на поражение его везде, где только появится. Да обратится погибель, в которую мнит он низринуть нас, на главу его и освобожденная от рабства Европа да возвеличит имя России».

Как было сказано выше, 6 июля в Полоцке был обнародован Манифест Александра I о сборе внутри государства земского ополчения. В нем говорилось: «Божьей милостью Мы, Александр I, Император и Самодержец Всероссийский и пр. и пр. и пр. Неприятель вступил в пределы Наши и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силой и соблазнами потрясти спокойствие великой сей Державы. Он положил в уме своем злобное намерение разрушить славу ее и благоденствие. С лукавством в сердце и лестию в устах несет он вечные для нее цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставяем в преграду ему войска Наши, кипящие мужеством попать, опрокинуть его, и то, что останется неистребленного, согнать с лица земли Нашей.

Мы полагаем на силу и крепость и твердую надежду; но ее не можем и не должны скрывать от верных Наших подданных, что собранные им разнoderжавные силы велики и что отважность его требует неусыпного против нее бодрствования.

Сего ради при всей твердой надежде на храброе Наше воинство полагаем Мы за необходимо нужное: собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составили бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех.

Мы уже воззвали к первопрестольному граду нашему Москве, а ныне взываем ко всем Нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям, духовным и мирским, приглашая их вместе с Нами единодушным и общим восстанием содействовать против всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он в каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном лице Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества. Святейший Синод и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России. Народ русский! Храброе потомство храбрых славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: с крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют.

Для первоначального составления предназначаемых сил представляется во всех губерниях дворянству сводить поставляемых ими для защиты Отечества людей, избирая из среды самих себя начальника над оными и давая о числе их знать в Москву, где избран будет главный над всеми предводитель».

Убедившись, что французские войска отвлечены от столицы России Санкт-Петербурга, в ночь с 6 на 7 июля Александр I выехал из Полоцка в Москву. На всем пути он остановился только на один день в Смоленске, где дворянство, воодушевленное вековой доблестью своих предков и патриотизмом, объявило через губернского предводителя Лесли готовность выставить 20 тыс. и более воинов на защиту Отечества. Многие из военно-отставных чинов открыто предлагали идти со всеми своими крестьянами на общего врага.

Утром 11 июля по Москве распространились слухи о предстоящем прибытии Александра I. Все площади и улицы наполнились народом. Многие отправились на Поклонную гору, желая вымолить позволение выпрячь лошадей из царской коляски и везти ее на себе. Но пришло известие, что царь в этот день не приедет.

Действительно, Александр I, уклоняясь от торжественной встречи в тяжелое для России время, въехал в Москву около полуночи 12 июля.

15 июля дворянство и купечество собрались в 9 часов утра в залах Слободского дворца. После совершения молебна в Дворцовой церкви Александр I вошел в собрание дворянства и купечества. Городской голова произнес: «Мы все готовы Тебе жертвовать имуществом и жизнью!» Александр I в ответ на это прослезился. Немедленно тут же открылась подписка для пожертвований, и в короткое время было собрано полтора миллиона рублей. Пожертвования московских граждан были настолько огромны, что некоторые иностранные историки называли их невозможными. Русскому православному человеку было все возможно. Все думали только о том, чтобы принести свое состояние и самого себя на защиту Родины.

Посетив дворянство, Александр I выразил свою уверенность в том, что оно принесет все на алтарь Отечества. Дворянство предложило поставить в ополчение по одному человеку из десяти для образования ополчения в 80 тыс. человек, обмундировать их, снабдить продовольствием и даже по возможности оружием.

Одновременно с Манифестом об ополчении было обнародовано воззвание от Святейшего Синода. И то и другое читали повсюду: в церквях, на собраниях дворянских и купеческих, в богатых и скромных домах. Предписано было по всему государству служить во всех церквях ежедневно молебны о даровании победы над врагом, было разрешено молодым людям из духовного звания, не связанным какими-либо обетами, вступать в ряды ратников. К тому же Синод пожертвовал на Смоленское и Московское ополчения полтора миллиона рублей свечных денег.

18 июля был обнародован Манифест Александра I о составлении временного внутреннего ополчения. В нем говорилось: «По воззвании ко всем верноподданным Нашим о составлении внутренних сил для защиты Отечества и по прибытии Нашем в Москву нашли Мы, к совершенному удовольствию Нашему, во всех сословиях и состояниях такую ревность и усердие, что предлагаемые добровольно приношения далеко превосходят потребное к ополчению число людей; сего ради, приемля тайное рвение с отеческим умилением и признательностью, обращаем Мы попечение Наше

на то, чтобы, составя достаточные силы из одних губерний, не тревожить без нужды других.

Для этого учреждаем: 1) округ, состоящий из Московской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Калужской и Смоленской губерний, примет самые скорые и деятельные меры к собранию, вооружению и устроению внутренних сил, долженствующих охранять первопрестольную столицу Нашу Москву и пределы сего округа; 2) округ, состоящий из Санкт-Петербургской и Новгородской губерний, сделает то же самое для охранения Санкт-Петербурга и пределов сего округа; 3) округ, состоящий из Казанской, Нижегородской, Пензенской, Костромской, Сибирской и Вятской губерний, приготовится расчислить и назначить людей, но до повеления не собирать их и не отрывать от сельских работ; 4) все прочие губернии остаются без всякого по оным действия, доколе не будет надобности употребить их к равномерным Отечеству жертвам и услугам, наконец, 5) вся составляемая ныне внутренняя сила не есть милиция или рекрутский набор, но временное верных сынов России ополчение, устраиваемое из предосторожности в подкрепление войскам и для надежного охранения Отечества. Каждый из военачальников и воинов при новом звании своем сохраняет прежнее, даже не принуждается к перемене одежды и по прошествии надобности, то есть по изгнании неприятеля из земли Нашей, всякий возвратится с честью и славою в первобытное свое состояние и к прежним своим обязанностям. Государственные, экономические и удельные крестьяне в тех губерниях, из коих составляется временное вынужденное ополчение, не участвуют в оном, но предоставляются для обыкновенного с них набора рекрут по установленным правилам».

По этому Манифесту первоначально требовалось собрать ополчение в 16 губерниях, ближайших к театру военных действий. С этой целью Александр I предоставил дворянам право собирать в этих губерниях предоставляемых ими для защиты Отечества людей, избирая из своей среды начальников, и докладывать в Москву.

Особого общего положения относительно самого порядка формирования по губерниям ополчения, организации его и укомплектования офицерами заранее разработано не было, поэтому все эти вопросы приходилось решать впервые.

Чиновникам, поступившим в ополчение из гражданской службы, показавшим во время службы усердие и имеющим намерение и способность служить в армии, предоставлена была возможность поступать в армейские полки теми же чинами, какие имели в ополчении, но при этом они должны были представить аттестаты о приложенной службе в гражданском ведомстве.

Для контроля за формируемыми ополчениями и помощи им именным указом Александра I, данным сенату от 31 июля, при нем был учрежден особый комитет, состоявший из генерала от артиллерии графа Аракчеева, министра полиции генерал-лейтенанта Балашова и государственного секретаря вице-адмирала Шишкова. Доклады обо всех делах по ополчениям были поручены министру полиции Балашову. Все представления и донесения по делам внутреннего ополчения присылались на имя Балашова с надписью: «По комитету внутреннего ополчения».

Сформированное по Манифесту ополчение было разделено на три округа. Первый округ был назначен для защиты Москвы; в его состав вошли до 122 тыс. человек. Начальником этого округа единогласно был поставлен граф Растропчин. Ополченцы были разделены на конных и пеших казаков и на пеших егерей. В этом округе было сформировано 36 пеших, 7 конных казачьих и 7 егерских полков. Каждый конный полк состоял из 10 сотен, сотня из 10 десятков, а десяток из 12 человек. Пешие егерские и казачьи полки состояли каждый из 4 батальонов, батальон из 4 сотен, сотня из 10 десятков, а десяток из 15 человек.

Второй округ, назначенный для защиты Санкт-Петербурга, состоял из ратников Санкт-Петербургской и Новгородской губерний, всего до 24 тыс. ратников. Начальником был сначала избран Кутузов, а после него сенатор, тайный советник Бибииков. В этом округе вместо полков были сформированы 28 дружин по 281 человеку в каждой, большей частью из людей одного уезда и даже одного селения. Кроме ружей, отпущенных из казенных арсеналов, ратники имели лопаты и топоры.

Третий округ, составлявший резерв для первых двух, под водительством графа Толстого состоял из ратников шести губерний в количестве 64 тыс. человек.

Из-за отдаленности губерний от театра военных действий формирование ополчения этого округа производилось постепенно

и в два призыва. Округ выставил 21 пеший и 4 конных полка, 5 пеших батальонов, 3 конных сотни и 3 артиллерийские роты.

Все ополчение в трех округах составляло до 220 тыс. ратников; оно было обмундировано, снаряжено и вооружено дворянством, которое обеспечивало ополчение продовольствием в течение трех месяцев. Начальникам ополченных частей жалованья не платили, офицерам только некоторых губерний из местных средств были выданы единовременные пособия, ратники получали определенное жалованье.

Ополчение 1812 г. формировалось исходя из потребности, а возможности для его формирования были большими. Быстрая развязка борьбы Александра I с Наполеоном в России ограничивала участие ополчения в войне. Однако многие части ополчения первого округа приняли деятельное участие в кампании 1812 г. Они воевали в сражении под Бородином, а некоторые были и в заграничном походе и даже дошли до Парижа. Санкт-Петербургское ополчение приняло участие в боях при Полоцке, Чашниках, Березине и под Данцигом. Многим частям третьего округа пришлось принять участие при блокадах Глогау, Дрездена, в боях под Магдебургом и др.

ПРОТИВОБОРСТВО АЛЕКСАНДРА I С НАПОЛЕОНОМ В ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Восхваление Наполеона и его так называемой военной гениальности как бы затушевывает и даже опорочивает военную деятельность Александра I и имена таких достойных людей, как Кутузов, Барклай-де-Толли и Багратион (о которых написано больше, чем об Александре I). Каковы бы ни были причины действий российских армий, в том числе ее отхода, прежде всего надо определить, кто имел право формировать, утверждать, изменять и отменять планы боевых действий, т.е., кто был общим главнокомандующим всех русских войск в начале войны 1812 г. и в ходе ее ведения. Только выяснив это, можно понять идею и планы всей военной кампании.

Историки относятся к этому вопросу по-разному: одни утверждают, что общего главнокомандующего не было; некоторые ученые совсем умалчивают об этом, другие говорят разноречиво. Неполнота данных о роли Александра I в войне с Наполеоном, восхваление непревзойденности последнего имеют свои причины. Это предвзятость, сиюминутность в оценках той или другой личности.

Нет никакой необходимости утверждать то, что само собой разумеется. Александр I, являясь императором, был Верховным главнокомандующим всей армии России как в мирное время, так и во время войны. Согласно обнародованному перед войной «Учреждению об управлении большой действующей армией» «присутствие Государя слагает с главнокомандующего начальство над армией, разве бы отдано было в приказ, что главнокомандующий остается в полном действии». По закону права общего главнокомандующего всеми армиями России принадлежали Александру I, так как он отдавал приказы Барклаю-де-Толли, князю Багратиону, Кутузову и всем тем, кто командовал отдельными армиями и кор-

пусами. Следовательно, он и фактически пользовался правами общего главнокомандующего.

Решать, где ему находится и откуда управлять армиями, да и к тому же страной, тоже было его правом. Александр I смотрел на себя именно как на государя и общего главнокомандующего. Так, находясь при 1-й армии, в письме к Барклаю-де-Толли он пишет: «Я не буду делать им [корпусным командирам] никаких предписаний, чтобы не расстраивать Ваших распоряжений. И так как Вы, генерал, будете давать им наставления, какие сочтете нужными...», но в том же письме он «счел нужным указать свое право в отношении к князю Багратиону». Оно и естественно, последний был главнокомандующим армией, а потому Александр I лично руководил и его действиями.

Способы передачи приказов Александра I были разными. Например, его воля передавалась князю Багратиону и другим иногда личными Высочайшими повелениями, иногда собственноручными письмами, а иногда и через Барклая-де-Толли как военного министра.

По свидетельству сардинского посланника, графа Жозефа де Местра, Александр I «присутствие свое в Главной квартире объяснял тем, что в России нет генерала с такими полномочиями, как у него, чтобы быть во главе такого огромного войска. Государь же по самой силе сана своего служит объединителем».

Итак, общим руководителем всех русских войск был Александр I, а главнокомандующие и командующие управляли теми войсками, которые им были поручены, но решали только те задачи, которые им были определены и поставлены.

Не выяснив до конца роли Александра I из-за определенной конъюнктуры и предвзятости, не придавая значения его личным замыслам, расчетам и планам, которые в какой-то мере изложены в его переписке, невозможно дать полную характеристику лицам, участвовавшим в событиях того времени.

Первоначальный операционный план войны Александра I представлял собой тайну, в которую были посвящены немногие, и по сей день, к сожалению, он остается не до конца раскрытым. Он не дошел до нас в виде документа, излагающего полностью содержание замысла. До исполнителей он доводился по частям, а когда и как он уточнялся, невозможно определить точно. Трудно су-

дить о содержании замысла и плане войны и по распоряжениям Главной квартиры. Поэтому для решения вопроса о содержании плана необходимо прикоснуться ко многим проектам, доложенным Александру I перед войной, а их было несколько десятков.

Сопоставив эти проекты с действиями русского Военного министерства перед войной и распоряжениями Главной квартиры в ходе войны, видно, что они были глубоко изучены Александром I и стали основой его личного замысла ведения войны и программой всех его действий.

Доложенные Александру I проекты планов предлагали ограничиться обороной и противодействием Наполеону, рекомендовали сначала создать и накопить перевес в силах. Как свидетельствовал Барклай-де-Толли, русское правительство «успело в продолжение 1810 и 1811 гг. усилить почти вдвое армию». Однако перед войной желаемого перевеса в силах создать не смогли, хотя и стремились к нему.

Вторым условием проектов плана был «основательно устроенный базис», и по заявлению военного министра Барклая-де-Толли правительство успело приготовить значительные запасы, пополнить арсеналы оружием, учредить многие парки и пр. При этом расположение магазинов (запасов) на большом пространстве до Двины и Днепра указывает, что базис устраивался для оборонительных операций в войне.

Далее проекты предлагали для обеспечения войск, действующих в поле, ограничиться «немногими крепостями во внутренних областях», способными «доставить с устроенными при них укрепленными лагерями убежище и опору войск, действующих в поле». Барклай-де-Толли пишет, что с 1810 г. успели «привести в оборонительное состояние важнейшие старые и заложить новые крепости...»; при этом действительно ограничились немногими крепостями во внутренних областях, как и рекомендовалось проектами планов. Кроме того, вблизи недостроенной крепости Динабург (у Дриссы) был устроен укрепленный лагерь на заранее выбранном месте.

Кроме армии, действующей непосредственно против французских войск, планировалось «иметь другую армию и расположить ее при самом открытии действий, сообразно с ее назначением» (для диверсий в тылу неприятеля). Как известно, вооруженные силы на

северо-западном театре военных действий были разделены на две армии: 1-я — для прикрытия путей к столице, а 2-я армия назначена для диверсий при открытии военных действий и стояла «сообразно своему назначению», т.е. отдельно от 1-й армии.

«Продолженные фронты обеих армий» по предложению «должны образовать входящий угол. Действия войск должны были состоять в том, чтобы, отступая с той из армий, против коей направляются главные силы противника, из одной крепкой позиции на другую, отвлекать его от действий в направлении столицы, удерживая и ослабляя его постепенно, направить в то же время ему в тыл другую армию, действовать партизанскими отрядами и пр.»

Судя по данным повелениям в первый период войны, а они шли от Александра I, войска буквально следовали всем этим указаниям.

Совпадения идей и распоряжений руководящих лиц нельзя объяснить одной случайностью, можно заключить, что каждое из них вытекало из общего замысла и плана и приводилось в исполнение. Некоторые из них не были доведены до конца по причине меняющейся обстановки в ходе войны.

Как можно предположить, в основе этого плана войны лежала идея давления на операционную линию Наполеона, чтобы вынудить его двигаться в нужном для русской стороны направлении и отвлечь его главные силы от Санкт-Петербурга. Для этого предполагалось действовать двумя армиями по двум наружным операционным линиям при одном предмете действий (наполеоновская армия) и с объединением власти в руках одного общего главнокомандующего.

Для успеха таких действий требовалось значительное численное превосходство над французами, особенно на правом фланге фронта русских войск, что и видно при анализе плана.

К началу войны 1-я Западная армия численностью в 120 тыс. человек под командованием Барклая-де-Толли была расквартирована на пространстве от Россиены до Лиды, отдельный казачий отряд атамана Платова (14 полков) — у Гродно, 2-я Западная армия князя Багратиона силой в 45 тыс. человек — у Волковиска, Главная квартира Александра I — в Вильне.

10 апреля по указанию Александра I в предписаниях военного министра была объявлена общая мысль плана действий: «Каждая из русских армий, атакованная превосходными силами, должна

отходить, между тем как другая, не имеющая против себя превосходных сил, назначается для решительного наступления во фланг и тыл неприятеля».

Ко времени открытия военных действий (12 июня 1812 г.) сведения о французской армии в нашей Главной квартире (далеко не полные) сводились к тому, что силы Наполеона численностью более 220 тыс. человек сосредоточены между Ковно и Меречем, т.е. против фронта 1-й армии.

Так как, несмотря на численное превосходство французов, от принятого плана не отказались, то можно предположить, что Главная квартира считала имеющиеся сведения точными и предполагала, что Наполеон будет действовать в направлении Санкт-Петербурга. Александру I была известна стратегия Наполеона: «нанести в генеральном сражении поражение противнику, занять его столицу и предъявить ультиматум». Так было во всех его военных операциях. В России официальной столицей был Санкт-Петербург. Главные силы Наполеона были сосредоточены на левом фланге (до 300 тыс. человек). Расположение главных сил Наполеона против 1-й армии, без сомнения, казалось благоприятным для выполнения выработанного плана, а потому было предписано: с переходом французов через Неман 1-й армии отходить, увлекая их за собой, отвлекая от направления на Петербург, при этом разрушать дороги, гати и мосты, делая засеки. Корпусу Витгенштейна — закрыть основную дорогу на Петербург, а казачьему корпусу Платова — от Гродно, опираясь на 2-ю армию, у Волковиска атаковать французов, идущих за 1-й армией в тыл и фланг. Все эти распоряжения указывают на желание Александра I отвлечь французов от столицы, заманить главные силы Наполеона в мешок, который должны были образовать две армии, расположенные так, что «продолженные фронты их образовывали входящий угол», который и создавал бы этот мешок.

В случае движения Наполеона на Петербург, т.е. против 1-й армии (что было более всего вероятным, судя по расположению его сил), она могла дать оборонительный бой у Свенця, в то время как 2-я армия должна была атаковать французов во фланг вместе с корпусом Платова; или обе армии могли одновременно атаковать французов с двух сторон. Этот замысел отчасти виден из письма Барклая-де-Толли к князю Багратиону от 12 июня 1812 г.,

в котором говорилось: «Если 1-й армии не можно будет дать выгодного сражения под Вильной, тогда, присоединив к себе корпуса Витгенштейна и Дохтурова, она будет сосредоточена у Свенця, где, может быть, и дано будет сражение. Впрочем, если обстоятельства позволят, то 1-я армия от Свеця и сама пойдет атаковать неприятеля».

Как видно, корпусам 1-й армии были отданы заблаговременные приказания: прикрывая направление на Петербург, отходить, увлекая за собой французов, и затем сосредотачиваться к Свенцянам. Говоря о возможности боя 1-й армии у Вильны, Барклай-де-Толли имел в виду не более, как аррьергардный бой с целью выяснения сил и направления действий французов. Это подтверждается дальнейшими действиями Барклая.

Одновременно с переходом Наполеона через Неман (12 июня 1812 г.) 1-я армия осторожно приступила к выполнению предписанных ей действий. 14 июня Барклай писал Александру I: «Не хочу отходить, покуда достоверно не узнаю о силах и намерениях Наполеона».

С переходом французских войск через Неман и вторжением их в пределы России Александр I непосредственно влиял на действия войск, находясь в районах боевых действий. Зная положение дел в 1-й армии, он беспокоился за связь со 2-й армией и корпусом Платова. Так, 13 июня он пишет Барклаю из Свенця: «Молчание Платова и князя Багратиона меня беспокоит. Так как корпуса Шувалова, Дохтурова, а равно и Тучкова отступают, то если Платов и Багратион не будут действовать с должной осторожностью, то могут быть совершенно отрезаны от сообщений с 1-й армией...». В тот же день он повторяет: «Я чрезвычайно опасаясь, чтобы он [Багратион] не замешкался долго в Волковиске и чтобы не случилось бы с ним чего-нибудь неожиданного, так же как и с Платовым, от которого мы не имеем даже никаких известий. Поручите им, генерал, немедленно начать движение и воспользуйтесь тем временем, пока вы не оставили еще Вильны. Это даст им возможность на несколько переходов приблизиться к Вам. Казаки из Гродно могут идти на Ойжишки, а князь Багратион, не теряя времени, перейти за реку Щару».

Логическая связь этого приказания с его планом и повелениями от 12 июня состоит в том, что оно служит их дополнением

и разъяснением. Оба приказа Платову и Багратиону от 12 июня определительные: Платову предписывались атаки по тылам противника, а задача Багратиона ставилась в выражениях, дающих ему полную свободу действий. Государь повелевал Барклаю самому более точно определить свои задачи, которые, судя по содержанию письма, должны были состоять в сближении с 2-й армией. Из позднейших писем Александра I видна его своеобразная система отдачи приказаний, по которой исполнителям сообщались их задачи не сразу, а по частям. Тем самым соблюдался элемент скрытости и секретности.

Во исполнение последнего письма Александра I Барклай-де-Толли отдал князю Багратиону указание отойти за реку Щару и, «соображаясь с действиями Платова, стараться, чтобы неприятель не мог отрезать дороги 2-й армии на Минск и Борисов». Платов со своими казаками был направлен на Лиду и Сморгонь к Свенцянам. Позднее Александр I в письме к Барклаю разъяснил свои расчеты так: «Мы предполагали, чтобы он [Багратион] отступал на Минск, присоединив 27-ю дивизию, шел на Вилейку и действовал на правый фланг неприятеля, который обратится на нас».

Итак, как мы видим, решено было сблизить обе армии с тем, чтобы по занятии Вилейки 2-я армия вместе с корпусом Платова атаковала правый фланг французов, которые шли на 1-ю армию.

Так как от Вилейки до Свенцянов около 80 верст, то очевидно, такой промежуток между армиями считался достаточным для взаимодействия и вместе с тем необходимым для действия по двум операциональным линиям.

Заметим также, что последние разъяснения делаются Александром I Барклаю-де-Толли, а не князю Багратиону. Дело в том, что Барклай к этому времени был министром, и Александр I не хотел, минуя его, отдавать приказы непосредственно Багратиону.

Александр I внимательно следил за развитием общих событий и обстановки. Благодаря полученным сведениям о движении французов он видел, что необходимо ускорить переход 2-й армии к Вилейке, а потому уже 15 июня 1812 г. он решил изменить направление движения войска князя Багратиона и приказал: «Вместо прежнего направления через Минск идти 2-й армии прямо на Вилейку».

В это время Александра I тревожило новое обстоятельство, которое могло расстроить весь его план: французы (как казалось) не шли в угол, образованный двумя армиями, а упорно шли напролом, угрожая обойти правый фланг 1-й армии, отрезать ее от Дрисского лагеря и открыть путь на Санкт-Петербург. Свое опасение Александр I выражал Барклаю уже 13 июня: «Надо внимательно следить, чтобы неприятель, преследующий этот отряд [Витгенштейна] не оказался в тылу нашей позиции при Свенцянах». А, как известно, корпус Витгенштейна прикрывал направление на Санкт-Петербург.

Позднее эта тревога все возрастала: «Донесения Витгенштейна... заставляют предполагать, что неприятель хочет обойти наше правое крыло и предупредить нас на Двине. Все убеждает в том, что неприятель, находящийся против Витгенштейна, будет продолжать движение к Двине». К тому же было видно, что первоначальные выводы относительно намерений Наполеона идти главными силами на Петербург верны.

При таких обстоятельствах Александр I решил отодвинуть 1-ю армию по направлению к Дрисскому лагерю, а войскам князя Багратиона приказывалось двигаться на Минск для соединения с 1-й армией. Нужно было скорее занять совершенно открытый теперь путь от Вильны на Москву.

16 июня Александр I, находясь при 1-й армии, отдал следующее приказание князю Багратиону: «По движении неприятеля против правого фланга первой армии, найдя необходимым соединить большие силы против одного, дабы нанести ему сильнейший удар и потом действовать наступательно, почитаю нужным предписать Вам, чтобы, перейдя со вверенной Вам армией за реку Щара, тянулись на соединение к 1-й армии через Новогрудок и Белицу, куда из двух мест удобнее будет, оттуда же на Вилейку... действуя таким образом в правый фланг неприятеля, иметь главным предметом вышеупомянутое соединение Вашей армии с 1-й». 18 июня Александр I снова пишет Багратиону: «Соединение Ваше с нами [с 1-й армией] составляет всю мою заботу...» Хотя в обоих этих повелениях говорится о соединении армий, Александр I, как мы увидим из его писем, желал не этого.

В письме Барклаю от 16 июня он так объясняет смысл этого маневра: «Я предписал ему [Багратиону] перейти реку Щару и про-

должать идти на Вилейку, чтобы выиграть время. Первоначально мы предполагали, чтобы он отступил на Минск... и действовал на правый фланг неприятеля, который обратится на нас, но теперь при этом движении он потерял бы много времени, и, следуя прямо на Вилейку, он вскоре достигнет цели».

22 июня Александр I пишет наследному принцу Шведскому: «Я предписал наступать 2-й армии, направляя ее в правый фланг неприятеля, который идет на меня, в то же время как значительный казачий отряд тревожит его».

5 июля в письме Багратиону Александр I пишет: «Направление Ваше на Вилейку было сделано в надежде... что Вы предупредите неприятеля на сих важных пунктах не столько для того, чтобы совершенно соединиться с 1-й армией, как для поставления 2-й армии на направление, имеющее в тылу центр России...»

Итак, мы видим, Александр I отдает приказание о соединении армий, в следующем повелении говорит, что соединение это «составляет всю его заботу», и в то же время объясняет, что желает не соединения. Во всяком случае ясно, что оба повеления (от 16 и 18 июня) не противоречат желанию Александра I, а вытекают из известного только ему замысла и его заботы о Москве.

Князь Багратион, получив приказ о соединении, не мог знать замысла да и того смысла, какой придавал слову «соединение» Александр I, и должен был исполнять повеление по собственному решению, уясняя его и изучая складывающую обстановку.

Повеление от 16 июня князь Багратион получил в Зельве. Исполнителя, непосвященного в замысел Александра I, оно, без сомнения, могло поставить в большое затруднение. Действительно, если целью действий 2-й армии должно быть соединение, и решено «соединить большие силы... и потом действовать наступательно», то 2-я армия не должна вступать в отдельный бой до соединения и, если французы помешают соединению, она должна не пробиваться, а обходить их. В таком случае что же означают слова «действуя в правый фланг»?

Но Багратион уяснил, что от него требовал Александр I 18 июня в ответе на это повеление он докладывает: «Определить времени соединения с 1-й армией не смею, поелику удостоверен, что неприятель будет преграждать путь мой... но по мере сил 2-й армии

и всеверноподданнейшего усердия... поспешу в точности исполнить волю Вашего Императорского Величества».

Следовательно, князь Багратион понял, что целью его действий должно быть только взаимодействие с 1-й армией; в скором соединении он сомневался, потому что французы будут мешать соединению по кратчайшему пути на Вилейку, и, следовательно, необходимо скрытно обходить неприятеля по кружным путям. Обратим внимание на то, что в своем докладе Александру I он совсем не упоминает о второй возложенной на него задаче (действие во фланге), как бы и не замечая ее. Отсюда ясно видно, что слова повеления «действуя в... фланг» были им поняты правильно как введение кого-то в заблуждение, к тому же в следующем повелении от 18 июня совсем не говорится о действии во фланг французам. Значит, князь Багратион был убежден, что правильно понял волю Александра.

В последующих своих действиях он со всем усердием стремится на соединение, избегая боя и обходя французов, когда те преграждали его путь.

Вот как Багратион рассказывает о своих действиях в письме к Ермолову: «Меня повернули на Новогрудок и велели... тянуться к Вилейке на соединение. Я и пошел, хотя и написал, что невозможно, ибо там три корпуса уже были на дороге к Минску... Пришел в Николаев Неман... мне пробиться невозможно было, ибо в Воложине и в Вишневе была уже Главная квартира Даву... Я принужден назад бежать на Минскую дорогу, но он успел и ее захватить... Куда ни сунусь, везде неприятель...»

Очевидно, князь Багратион хотел скрытно идти на соединение с 1-й армией и искал дорогу для этого, не занятую силами французов. А так как последние мешали ему идти на соединение, то он отходил все далее, желая обойти его без боя, сохраняя свои силы, и выполнить задачу, при этом внося определенную нервность и вселяя неуверенность в неприятеля.

После соединения русских войск соотношение сил изменилось. Русские имели 110 тыс. человек против 185 тыс., которые Наполеон мог сосредоточить к Смоленску. Сосредоточение русских войск к Смоленску сначала было понято Наполеоном как желание русских дать генеральное сражение. Однако это было не так. Смоленское сражение было дано Барклаем лишь в целях прикрытия отхода главных сил на восток. Действия русских были расцене-

ны Наполеоном как признак их слабости: «Отныне все кончено с Россией, — заявил он. — Армия ее может лишь присутствовать при падении ее городов, но не защищать их».

После оставления Смоленска возник вопрос о направлении отхода. Барклай-де-Толли считал возможным отводить 1-ю армию в направлении Петербурга, прикрывая его, предоставив 2-й армии Багратиона защиту Москвы. Эти соображения опирались на требования Александра I оградить Петербург от опасности вторжения. Разделение армий к тому же должно было ослабить ударную группировку Наполеона. От этой идеи отказались, так как в конкретной обстановке ее было трудно осуществить. Кроме того, против такого решения резко протестовал Багратион.

Дальнейший отход войск совершил Барклай-де-Толли со стремлением к тому, чтобы за счет пространства выиграть время, заставить французов растянуть свои войска в глубину, оставить как можно больше войск для охраны своих коммуникаций и выиграть время для создания ополчения внутри России. «Я прежде всего полагал, — писал Барклай-де-Толли 10 августа Ростопчину, — продолжать войну до окончательного составления внутренних ополчений, и посему надобно вести войну общими движениями». Именно поэтому Барклай-де-Толли уклонялся от генерального сражения.

Александр I прекрасно знал стратегию Наполеона. В конечном счете русскому царю удалось отвлечь Наполеона от Петербурга, а действиями 1-й и 2-й армий отвести его на Дриссу.

Александр I осознавал, что главная борьба еще впереди и одной армией с Наполеоном не справиться. Нужны силы, а сила — это народ. Но народ нужно поднять, воодушевить и направить на борьбу с неприятелем. Александр I, дойдя с армией Барклая до Дрисского лагеря, убедившись, что удалось отвести главные силы Наполеона от Петербурга, направился в Москву.

Оставив армию, Александр I не назначил главнокомандующего всеми армиями, предоставив обоим командующим свободу действий. Каждый главнокомандующий понимал свою задачу. Барклай-де-Толли полагал, что она состоит в том, чтобы действиями против главных сил Наполеона отвлекать их от петербургского направления. Багратион предполагал в равной мере противодействовать Наполеону, если тот пойдет на Петербург или Москву.

Просматривалась и еще одна цель замысла Александра I: растянуть главные силы Наполеона по фронту и в глубину, затрудняя ему снабжение войск и нарушая их взаимодействие.

Нужно сказать, что маневр Багратиона и Барклай-де-Толли был произведен блестяще. Обе армии отходили в целом организованно, сохраняя свои силы. Западные военные теоретики отмечали, что Барклай-де-Толли «осуществил отход с замечательным искусством». Это в равной мере относится и к Багратиону.

Трудно судить, дал бы Барклай-де-Толли сражение в Царево-Займище или нет, так как в это время в армию прибыл Кутузов. Приняв армию, он осмотрел позицию, после чего приказал отходить.

Главным содержанием первого периода войны, завершившегося Бородинским сражением, стал отход русской армии. Его высоко оценили военные теоретики. «Тот отход, который совершила русская армия в 1812 г. от Немана до Москвы на расстояние в 240 лье [960 км], не допустив себя расстроить или частично разбить такому неприятелю, как Наполеон... должно быть поставлено выше всех прочих», — указывал Жомнин. И действительно, это было главной заслугой Барклай-де-Толли и Багратиона. Русская армия за время отхода от границы до Бородино потеряла убитыми, ранеными и больными 60 тыс. человек. Из 155 тыс. человек к Бородино подошли 95 тыс. За это время были даны Витебское и Смоленское сражения, проведены крупные арьергардные бои.

Результат поразительный, если учесть, что за тот же срок Наполеон потерял 180 тыс. человек (включая также потери у Смоленска и у Соловьевой переправы). Следствием этого было примерное равенство в соотношении сил на момент решительного столкновения. Таким образом, Барклай-де-Толли и Багратион выполнили стратегический план.

Под напором армии Наполеона русские войска уступили огромную территорию и отошли вглубь страны. Нужно было остановить продвижение наполеоновских войск, нанести им определенный ущерб и в какой-то мере обеспечить превосходство над ними в силах и средствах. Необходимо было удовлетворить и общественное мнение в России, которое было крайне негативным. Резкой критике подвергся Барклай-де-Толли, да и в самой армии зрело недовольство отступлением. Все хотели сражения. Еще нуж-

но было решить задачу по формированию ополчения и резервных войск. Вытекающие отсюда проблемы можно было разрешить путем генерального сражения. Оно стало не только военной, но и политической необходимостью.

Было решено дать сражение, так как справедливо считалось, что русская армия превосходит противника в моральном отношении. К тому же оно придаст силы для дальнейших действий. Битва была необходима и для того, чтобы подорвать наступательный порыв армии Наполеона. Считалось, что это решение позволит выиграть время для дальнейшей мобилизации сил и средств, создать превосходство и затем перейти в контрнаступление. Местом для сражения было выбрано Бородино.

Бородинская битва 24–26 августа была одним из самых кровопролитных сражений того времени. Наполеон признавал, что в этом сражении «необыкновенные усилия имели самые неудовлетворительные результаты». Русская армия удержала Бородинскую позицию. «Французская армия под предводительством самого Наполеона, будучи в превосходнейших силах, не превозмогла твердость духа российского солдата, жертвовавшего с бодростью жизнь за свое Отечество», — докладывал Кутузов Александру I после состоявшегося сражения.

Обе стороны понесли огромные потери. Русский штаб считал, что французы потеряли 40 тыс. человек (в действительности эти потери были равны 58 тыс.). Потери русских войск штаб исчислял в ночь на 27 августа в 25 тыс. человек. Позднее выяснилось, что они составили 38,5 тыс.

При сопоставлении потерь Кутузов пришел к выводу, что хотя «баталия и совершенно выиграна», однако русская армия не может немедленно перейти в контрнаступление. «А потому, — докладывал он Александру I, — когда дело идет не о славах выигранных только баталий, но вся цель, будучи устремлена на истребление французской армии... я взял намерение отступить...»

Была еще одна возможность дать новое сражение за Москву. Кутузов попытался стянуть резервные войска, готовившиеся в Ярославле и других городах, и побудить Растопчина собрать московскую силу, о наличии которой последний заверял.

Кутузов писал Александру I: «Намерение мое... состоит в том, чтобы, притянув к себе столько способов, сколько можно только

и получить, у Москвы выдержать решительную, может быть, битву противу Наполеона, конечно, уже несколько пораженных сил его».

Однако Растопчин ничего не сделал для того, чтобы создать ополчение. К тому же Кутузов получил рескрипт Александр I от 24 августа, запрещающий использование резервов, формируемых Лобановым-Ростовским и Клейнмихелем.

Военный совет в Филях, созванный Кутузовым 31 августа, принял решение оставить столицу. «Фельдмаршал, обратясь к присутствующим, сказал, что с потерей Москвы не потеряна еще Россия и что первой обязанностью поставляет он сберечь армию, сблизиться к тем войскам, которые идут к ней на подкрепление, и самым уступлением Москвы приготовить неизбежную гибель неприятелю, и потому намерен, пройдя Москву, отступить по Рязанской дороге».

Замысел состоял в следующем, оставив Москву, втянуть в нее Наполеона, который упиваясь победой, будет пытаться заключить выгодный для него мир. Этим будет выиграно время, необходимое для подготовки условий перехода в контрнаступление. Занять позицию, которая, с одной стороны, прикрывала бы Калугу и Тулу, ставшие базой для русской армии, и, с другой — угрожала бы операционной линии Наполеона. Привести в действие все войска, чтобы силами главной армии нанести поражение основным силам Наполеона, а силами фланговых армий разрушить базу и истребить резервы французов.

После того как русская армия оставила Москву, Кутузов докладывал Александру I: «Я баталию выиграл прежде Москвы, но надобно сберегать армию, и она целехонька. Скоро все наши армии, т.е. Тормасов, Чичагов, Витгенштейн и еще другие станут действовать к одной цели, и Наполеон долго в Москве не пробудет».

Кутузов докладывал Александру I, что наметил район сражения, считая что это произойдет в междуречье между Двиной, Березиной и Днепром. При этом главная роль будет принадлежать объединенной армии, а войска Чичагова и Витгенштейна сначала скуют фланги французских войск, а затем примут участие в совместном ударе. По этому плану Кутузов продолжал боевые действия, занял фланговую позицию у Тарутино, носившую наступательный характер. Она давала возможность осуществить любой маневр.

Благодаря заботам Александра I армия Кутузова получила подкрепление и снова насчитывала 120 тыс. человек. Она была обеспечена оружием, боеприпасами и продовольствием. Приходится лишь удивляться тому, что вся эта работа была проделана в поразительно короткие сроки.

Огромную роль в борьбе с Наполеоном приобрела так называемая малая война. «Поелику ныне осеннее время наступает, — докладывал Кутузов Александру I, — чрез это движения большою армиею делаются совершенно затруднительными, наиболее с многочисленною артиллериею при ней находящейся, то и решался я, избегая генерального боя, вести малую войну».

Малая война стала в период Тарутинского стояния основной формой борьбы. Для ее ведения были привлечены часть иррегулярных войск, ополчение и стихийные крестьянские партизанские отряды. Для участия в малой войне были выделены казачьи полки и егерские части. Из их состава было сформировано несколько крупных отрядов И.С. Дорохова, Ф.Ф. Винценгероде, Д.В. Давыдова, А.Н. Сеславина, Н.Д. Кудашева, в чью задачу входило нанесение внезапных налетов на французские войска и наблюдение за ними на Можайском, Тверском, Калужском и Тульском направлениях. Кроме того, летучие партизанские отряды должны были «угрожать вражеским коммуникациям».

Действия войсковых партизанских отрядов принесли большую пользу. Они давали точные сведения о наполеоновских войсках и позволяли принимать своевременные решения. Широко использовались формирования народных ополчений. Они были сильнейшим средством воздействия на французские войска. Народные ополчения сорвали попытку французов создать вокруг Москвы пояс опорных пунктов, которые они предполагали использовать, с одной стороны, как наблюдательные посты, а с другой — как временные продовольственные базы. Французы делали попытку утвердиться в Богородске, Клину, Воскресенске, расположенных в радиусе 80 км от Москвы, однако Владимирское, Ярославское и Тверское ополчения не допустили этого. Французы были выбиты из Богородска. Еще более опасной была попытка французов расширить сферу действий на Украину.

Они угрожали Черниговской и Полтавской губерниям. Активные действия Калужского, Полтавского и Черниговского ополче-

ний сорвали эту попытку французов. Это было особенно важно потому, что Наполеон намеревался установить вторую коммуникационную линию от Москвы на Волынь. Наконец, народные ополчения довольно успешно охраняли границы своих губерний.

Составной частью малой войны были действия крестьянских партизанских отрядов. Кутузов докладывал Александру I: «Крестьяне, горя любовью к Родине, устраивают между собою ополчения... Ежедневно приходят они в Главную квартиру, прося убедительно оружия и патронов для защиты от врагов. Просьбы сих почтенных крестьян, истинных сынов Отечества, удовлетворяются по мере возможности, и их снабжают ружьями, пистолетами и порохом».

Малая война имела огромное значение. Она получила в то время глубокое содержание; это была организованная народная война. Успех ее был велик. Наполеон потерял более 30 тыс. человек в боях с партизанами и ополченцами. Французский император имел не более 110 тыс. человек. Русская армия укрепилась и уже располагала 120 тыс. человек.

Александр I считал, что Наполеон долго в Москве не пробудет и в ближайшее время начнет отступление на запад. Единственным реальным путем для отступления у него могла быть та операционная линия, по которой он наступал к Москве. Александра I не смутило демонстративное движение Наполеона на Петербург с целью заставить русскую армию оставить Тарутинскую позицию и перейти на Тверскую дорогу. Русская армия не поддавалась на хитрость Наполеона и не двинулась с места.

Армия во главе с Кутузовым взяла инициативу в тот момент, когда Наполеон готовился к отходу в междуречье. Считалось, что со стратегической точки зрения не исключена возможность отхода французских войск из Москвы не через Можайск, а через Калугу. Отходя по этому маршруту, Наполеон мог овладеть калужской базой и уничтожить военные заводы в Туле и затем в Брянске. На эту мысль наталкивало расположение войск Мюрата.

Было решено нанести первый удар по войскам Мюрата, чтобы очистить путь для движения войск на новую Калужскую дорогу. Победа под Тарутином позволила русским войскам захватить инициативу. Мюрат потерял здесь значительную часть кавалерии, столь необходимой Наполеону для несения арьергардной службы.

Наконец, нужно подчеркнуть, что Тарутинский бой имел большое моральное значение. Это была первая победа русских войск в период контрнаступления. Удар русской армии был своевременным, он ускорил выход французских войск из Москвы, и теперь Наполеон действовал в худших условиях. Он должен был двигаться к Малоярославцу под угрозой флангового удара русской армии. Попытки Наполеона скрыть свои намерения посредством переговоров не удались.

Своевременно полученные доклады о движении французских войск по новой Калужской дороге позволили Кутузову сделать вывод о необходимости движения к Малоярославцу — важному узлу дорог, обладание которыми имело большое значение. Здесь столкнулись две армии. Сражение под Малоярославцем имело столь же большое значение, как и Бородинское. Для русских войск оно стало завершением борьбы за инициативу. Только победа давала возможность Наполеону спасти свою армию, однако он не сумел удержаться в Малоярославце. Он вводил в сражение свои войска последовательно и этим исключал возможность нанесения решительного удара. Наконец, он отказался от обходного маневра к Медыни и потерпел поражение.

Таким образом, русские войска преградили Наполеону дорогу на Калугу, затем не дали совершить обходной маневр и, наконец, заставили армию французов отойти на Боровскую дорогу.

Победа русских войск под Малоярославцем имела огромное значение. С этого времени русские войска прочно держали инициативу и не упускали ее до полного истребления французских войск.

Кутузов с 50-тысячной армией энергично действовал на широком фронте с востока. С севера нажимала 30-тысячная армия Витгенштейна. 25-тысячная армия Чичагова вышла к Березине и овладела Борисовом, отбросив остатки войск Домбровского навстречу отходящим войскам Наполеона. Концентрическое наступление русских войск, превосходящих по численности французов, обещало привести к капитуляции всей французской армии.

Однако ценой огромных потерь Наполеону удалось переправиться через Березину и прорваться. Но из 7 корпусов ударной армии и 3 корпусов фланговой группировки, насчитывавших в начале похода 300 тыс. человек, ему удалось спасти только 9 тыс. Он отступил в Литву.

Однако Бонапарт уже не смог организовать оборону в Литве. В его распоряжении были 10-й корпус Макдональда, 7-й корпус Ренье, корпус Шварценберга, гарнизоны и остатки ударной армии. Они насчитывали более 100 тыс. человек, но все эти войска были разбросаны на театре военных действий. Непосредственно против главных сил русских Наполеон не имел боеспособных войск. Ему не оставалось другого выхода, кроме как бежать во Францию для формирования новой армии, поручив Мюрату спасти жалкие остатки войск.

Александр I поставил новую задачу — истребить остатки французских войск и оторвать от союза с Францией Пруссию и Австрию. С первой задачей справиться было легко. Русские части нанесли французам ряд ударов, заставляя французов отходить. Сложнее было решить другую задачу. Корпус Шварценберга отошел вслед за корпусом Ренье, как только стало известно о Березинской катастрофе. Корпус Макдональда, в составе которого действовали прусские войска Иорка, стоял на месте и не проявлял активности. Лишь после того, как Макдональд узнал о поражении Наполеона на Березине, было решено отходить к Кенигсбергу. Но в это время русские войска вышли на фланг и стали угрожать этому корпусу с юга. В результате переговоров войска Иорка прекратили сопротивление, и остатки французской дивизии из корпуса Макдональда поспешно отошли к Кенигсбергу, а затем к Данцигу. Контрнаступление завершилось выходом русских войск к западной границе.

Наполеон считал, что «переход из состояния обороны в наступление есть одна из самых сложных операций». Эту задачу блестяще решила русская армия под командованием Кутузова. В Вильне он докладывал Александру I: «Война окончилась за полным истреблением неприятеля».

Захватчик очистил границы. Надо заметить, что Карл XII вошел в Россию с 40 тыс. воинов, а вышел обратно с 8 тыс. Наполеон вошел с 480 тыс., а вышел меньше чем с 20 тыс., оставив в России не менее 150 тыс. пленных и 850 пушек.

Победа русской армии над французской имела огромное значение. Здесь, на полях России, был нанесен решающий удар по империи Наполеона. Русская армия во главе с Александром I спасала Европу от угрозы долголетнего господства на ней французского императора.

Русский народ показал всем народам Европы путь освобождения от наполеоновского засилья. «Уничтожение великой наполеоновской армии при отступлении из Москвы, — указывал Ф. Энгельс, — послужило сигналом к всеобщему восстанию против французского владычества на Западе».

Понимая необходимость дальнейшей борьбы с Наполеоном, Александр I смотрел на кампанию 1812 г. как на преддверие к продолжению войны, к которой кроме России необходимо всякими путями привлечь поработанные Наполеоном государства Европы.

Александр I полагал, что новое, еще более сложное наступление русской армии в пределах Европы может повлечь за собой полный разгром Наполеона, освобождение Польши и переход на русскую сторону Пруссии, Австрии и других государств Европы. А самое главное — оно обеспечит мирное развитие России и осуществление его планов, которые были нарушены вторжением Наполеона.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ

Изгнание Наполеона из России спасло Россию от порабощения, но остальная Европа от берегов Вислы до Атлантического океана и Средиземного моря еще оставалась под его властью. Наполеон диктовал европейским государствам законы как верховный правитель. Он набирал в этих государствах людей для своих войск, держал в их крепостях свои гарнизоны, налагал по своему усмотрению контрибуции и назначал государей, которые не смели противиться его воле. Государи Австрии, Пруссии и других немецких земель были связаны по рукам и ногам договорами, насильно заключенными Наполеоном.

Этот человек имел непомерное честолюбие, он хотел создать всемирную монархию и распоряжаться ее судьбой. К тому же немцы, итальянцы, испанцы, голландцы и швейцарцы уже стонали под властью Наполеона и его ставленников, они думали о своем освобождении, понимая, что их спасителем могла быть только Россия. Александр I считал продолжение войны с Наполеоном крайне необходимым делом для обеспечения дальнейшего развития России и для освобождения народов Европы и, конечно, для того, чтобы сломить могущество Наполеона.

В то время в Европе никто не мог даже думать об этом. Наполеон был еще силен и энергичен. Он вернулся в Париж после поражения в России, чтобы поднять новые силы, сформировать новую армию, двинуть их против Александра I и занять прежнее положение в Европе. Война 1812 г. продолжалась.

Накануне 1813 г. ночью казаки и партизаны подступили к прусскому городу Мариенвердеру, где находились в то время французский маршал Виктор и несколько генералов. Казаки ворвались в город, перебрались во двор маршала Виктора и чуть было не захватили его в плен. Французы бросили 15 орудий и успели спастись через

Вислу по льду. В этот день весь правый берег нижней Вислы, кроме двух крепостей (Данцига и Торна), был в руках русских войск.

В день нового 1813 года русская гвардия под командованием цесаревича Константина Павловича в присутствии Александра I после молебна перешла Неман. Оба берега реки огласились победоносным «Ура!» русских войск. Тут же было объявлено воззвание к народам. В нем Император Александр I объявил свои истинные намерения, которые заставили его перейти границу. Особенно дружелюбно он обращался к Пруссии, которой обещал в память старой дружбы восстановить ее государственность. Александр I требовал от своих войск самого дружеского обхождения с народом Пруссии. Главная армия пошла на Полоцк. Население всех городов и деревень встречало Александра I с благодарностью, а русских солдат — как братьев-освободителей.

В это же время левое крыло войск продвигалось на Варшаву. В конце января Милорадович занял этот город. Дворянство, купечество и духовенство во главе с городскими властями поднесли ему хлеб-соль и ключи от города. Через несколько дней он торжественно вошел в Польскую столицу. Доброе и великодушное обхождение русских убедило поляков в том, где их друзья, а где враги. Они напечатали воззвание к своим братьям, которые еще сражались в наполеоновских войсках, призывая их возвратиться на родину. В этом воззвании говорилось: «Наполеон нисколько не помышлял сделать нас счастливыми; он только хотел нашей кровью, нашими силами и храбростью наших войск поработить народы и сделаться едино властителем. Храбрые воины, сражающиеся под знаменами Наполеона! Оставьте эти знамена, возвратитесь к своим сподвижникам и ожидайте всякого блага от великодушия императора Александра. Заклинаем вас Священною нашей верой — возвратитесь!» Император Александр получил в Полоцке донесение о взятии Варшавы. Со слезами радости, с криком «Ура!» он обнял фельдмаршала Кутузова. Это душевное «ура» подхватили присутствующие войска. Старый фельдмаршал был глубоко взволнован таким обхождением с ним и признательностью своего монарха.

В конце января все герцогство Варшавское и вся Пруссия до Одера были освобождены от наполеоновских войск. Остатки французской армии, частью собранные во Франкфурте-на-Одере, а частью разбросанные по землям Пруссии, насчитывали до 120 тыс.

человек — вот все войска, которые могли удержать наступление русской армии на Эльбу. Но Наполеон взбудоражил французский народ, он не жалел никаких издержек, чтобы сформировать новую армию, набирал в пехоту матросов, возвращал старые полки из Испании, забирал всю молодежь — готовил 400-тысячную армию. Русские силы на театре военных действий не превышали 140 тыс. человек, на территории России оставалась резервная армия силою до 180 тыс. человек.

Ослабленная Пруссия не сразу смогла выделить войска для борьбы с Наполеоном, в середине февраля был заключен договор Пруссии с Россией. Это первая союзница России была и самой дорогой союзницей, потому что за ней могли проследовать другие государства. Император Александр I уже мог надеяться поднять всю Европу против Наполеона. По прежним договорам и обязательствам Пруссия не могла содержать более 40 тыс. войск, но в 1807 г. она приняла решение побольше ежегодно призывать молодежи под знамена и, обучив их в короткое время, распускать по домам. Благодаря этому Пруссия за три недели смогла собрать до 150 тыс. человек войска, половина которого была готова и поступила в распоряжение Кутузова; остальные войска предназначались для крепостей и резерва. В первых числах марта Император Александр выдвинулся из Калиша в Бреславль, где состоялась его встреча с Фридрих-Вильгельмом.

Александр I вышел из коляски, и оба монарха молча сжали друг друга в объятьях. Собравшийся народ хранил глубокое молчание, но потом сразу раздался оглушительный радостный крик. Каждый пруссак сознавал, что в этой трогательной дружбе заключается судьба его Отечества. Их величества поехали в одной коляске, а под Бреславлем сели верхом и вместе въехали в древнюю столицу Силезии. Войска и народ приветствовали их по пути и теснились на улицах, площадях, на крышах домов. Давно уже не ликовал так прусский народ, как в этот счастливый день.

Через две недели король прибыл в Калиш, где состоялась вторая встреча с Александром I, а войска для встречи под командованием Кутузова были в строю в парадной форме. Король благодарил русские войска за их подвиги и вручил Кутузову орден Черного Ора. Потом войска пошли церемониальным маршем. Фридрих-Вильгельм объявил прусскому народу Манифест: «Мой верный на-

род хорошо знает, почему я должен объявить войну Наполеону. Мы изнемогали под игом Франции. Мир, которым она нас одарила, был хуже войны. Вы сами знаете, что вытерпели за семь лет; сами знаете, что будет, если мы не закончим эту войну со славой. Вспомните прежние времена. Не забывайте, что наши предки добыли кровью свободу веры, честь и независимость. Возложите упование на Бога, запаситесь терпением, мужеством, положитесь на помощь нашего союзника Россию, и победа увенчает наши благостные помыслы. Велики будут наши жертвы, но поверьте, они стоят того великого дела, которое мы начинаем. Это последний бой, решительный, иного нам ничего не остается: или почетный мир, или славная смерть. И смело идите ей навстречу, ибо немец, пруссак, не должен пережить бесчестия!»

Все пришло в движение. Все жители этой страны от 17 до 40 лет спешили стать в ряды войск, чтобы идти против Наполеона. Это войско называлось ландвер. Остальное население призывалось в ряды ополчения, известного под именем ландштурм. Пока главная армия находилась в Калише, русские войска под командованием графа Витгенштейна проникали все дальше и дальше в северную Германию. Передовые отряды еще в начале февраля перешли Одер и на третий день внезапно появились перед Берлином, занятым французами. Генерал Ожеро даже не предполагал о возможности такого быстрого развития событий, у него не было аррьергарда, не было принято никаких мер охранения.

Казаки ворвались в город. Через два дня они очистили его от французов. Казаки, партизаны неутомимо рвались вперед и через месяц вступили в Гамбург. В середине февраля были заняты Дрезден и Лейпциг, а через некоторое время в столицу Саксонии вступил император Александр I во главе своей гвардии.

Король саксонский побаивался Наполеона и не вступал в союз с Россией, но в то же время он не хотел отстать от общего движения своего народа. Точно так же поступала Австрия. Она выжидала начала битв, рассчитывая без участия в войне вернуть свои прежние земли и свое значение в Германии. Час битв наступал. В Дрездене узнали о приближении французов.

13 апреля Наполеон прибыл в Эрфрут — сборное место французских войск. Пехота и артиллерия этой быстро собранной армии была обучена и вооружена. Однако конницы было мало, да и та

плохо обучена. Гвардию и 4 пехотных корпуса взял под свое командование сам Наполеон, а кавалерия и 3 корпуса пехоты поступили под начальство вице-короля. В один и тот же день авангарды этих армий должны были двинуться к Эльбе. Союзники рассчитывали внезапной атакой разрезать обе армии, но это не удалось. Французы стойко защищали свои позиции. Наполеон приказал контратаковать союзников, обойти их правый фланг. Союзная армия, потеряв более 10 тыс. человек, стала отступать и отошла за Эльбу.

В начале мая Наполеон прибыл в армию, которая была сосредоточена под Бауценом, недалеко от Дрездена, где стояли союзники, готовые принять бой. Имея перевес в силах в 30 тыс. человек, Наполеон атаковал союзные войска в надежде сразу окончить войну. Но союзники выдержали первые удары и организованно с боями отошли в Силезию.

Войска Ермолова и Милорадовича защищали каждую пядь земли. Несмотря на отход союзников в глубину Силезии, казаки и партизаны продолжали действовать на севере и западе, охватывая французскую армию сетью летучих отрядов. Особенно смелыми были налеты Чернышева, действовавшего на Эльбе, в тылу французской армии. В конце мая он совершил налет на транспорт французов между Ганновером и Магдебургом, отбил 14 пушек, 80 зарядных ящиков, 800 лошадей, обоз с оружием и амуницией. Все это он увез с собой. Потом во взаимодействии с Воронцовым он пошел на Лейпциг, где находились французская конница и большие склады. Казаки и партизаны Чернышева скрытно перешли Эльбу, внезапно напали на кавалерийскую бригаду и, захватив пленных, гнали остальных до Лейпцига. Они уже готовились штурмовать город, но им было объявлено, что заключено перемирие на шесть недель.

Перемирие было необходимо Александру I для того, чтобы за это время договориться с Австрией о совместных действиях против Франции. Кроме того, нужно было пополнить армии резервами и удержать Наполеона подальше от Польши. Замысел Александра I и его активная деятельность были удачными. К концу перемирия Австрия поставила под ружье более 200 тыс. человек; кроме того, на севере Германии высадились шведы. К концу перемирия союзники имели под ружьем более полмиллиона войск. Но и Наполеон напряг свои силы: он собрал до 350 тыс. человек, не считая тех, что

находились в крепостях, а также в Баварии и Италии. При личном свидании всех союзных императоров во главе с Александром I решено было действовать наступательно: главной армии под начальством австрийского фельдмаршала Шварценберга — с юга, армии под начальством Прусского генерала Блюхера — с востока. Русские войска были разделены поровну между этими армиями. Северные войска под командованием шведского наследника составляли шведы, немцы, англичане и русские. По предложению Александра I общее командование было поручено австрийскому фельдмаршалу князю Шварценбергу.

В первых числах августа Блюхер повел свою армию через Бреславль на Дрезден. Наполеон двинулся вперед, но при первой же встрече на реке Канбахе отошел назад, уклонившись от боя. Во время боевых действий Наполеону доложили, что главные силы союзников перешли в наступление в Саксонии с юга. Наполеон был вынужден форсированным маршем вернуться назад и ввел в город 2 корпуса и гвардию. Однако на другой день он вывел свои войска из Дрездена и атаковал союзников. Удары были направлены на их фланги. Мюрат разбил австрийцев на левом крыле, причем захватил в плен целую дивизию.

В ту же ночь началось отступление австрийцев в Богемию. Они отступали в страшном беспорядке: бросали орудия, оставляли сотнями своих раненых солдат. Союзники отступали двумя путями. На одном из них, который находился ближе к реке Эльбе, стоял французский корпус Вандама. Во время дрезденской битвы его удерживал небольшой отряд графа Остермана-Толстого. Он готовился защищать свои позиции до последней капли крови. Под его командованием находилась первая гвардейская дивизия, морской экипаж, лейб-гусары и кирасиры Его Величества. Вандам, узнав от пленных о малочисленности отряда, решил во что бы то ни стало уничтожить его.

В это время Александр I обозревал долину Теплица, услышал пушечную пальбу, ему доложили, что это Толстой защищает дорогу. Александр I немедленно распорядился отправить к нему подкрепление. Прусский генерал Клейст получил приказание повернуть влево и зайти Вандаму в тыл. Александр I послал адъютантов сказать Толстому: «Держитесь как можно долее — от вашей твердости зависит участь армии», а вслед за ним прибыл и сам. Граф

Остерман-Толстой объехал ряды: «Больше не будем отступать — ни шагу назад. Или умереть, или устоять!» Солдаты отвечали победным криком. В 10 часов французы начали наступление; в селениях, садах и кустарниках завязался жаркий бой; на открытых местах дрались штыками и даже врукопашную. Впереди лежащие деревни переходили из рук в руки, пока не остались у французов. Некоторые полки, расстреляв все патроны, отступили, но гвардия стояла твердо, несмотря на то, что ее громили 80 орудий и залпы пехоты. К счастью, волнистая и пересеченная местность не позволяла французам развернуть все силы. В резерве у Толстого оставалась только рота Его Величества Преображенского полка, все прочее было в бою. В 2 часа дня две густые французские колонны двинулись в атаку. Но в это время скрытно спустились с гор драгуны, уланы, кирасиры и под командованием Дибича бросились в контратаку.

Вандам, увидев, что к русским войскам прибывают подкрепления, остановил атаки. Кроме того, он не знал, что у него в тылу находится целый корпус генерала Клейста. На другой день, 18 августа, союзники перешли в наступление: Вандам упорно оборонялся. Часов в 11 он услышал у себя в тылу выстрелы: это войска союзников спускались с высот.

Александр I приказал двинуть все наличные войска вперед на селение Кульм. Вандам силами 4 пехотных бригад дрался за Кульм. Жесток был удар французской конницы при встрече с конницей Клейста. Пруссаки стремились вниз, под гору, французы неслись в гору, все перемешалось. Прусские генералы и офицеры очутились среди французов, французские — среди пруссаков. Стороны сражались не за победу, а старались только пробить себе путь. Французская конница, овладев прусскими орудиями, переколов лошадей, устремилась дальше и успела спастись. Но пруссаки снова сомкнулись и преградили дорогу французской пехоте. Со стороны Кульма русская пехота шла в штыки, конница опережала пехоту, забирала пленных, орудия, обозы. Один кавалергардский полк отбил 16 орудий. Скоро весь корпус Вандама смешался в кучу. Отдельные толпы бросились в стороны, искали спасения в лесу, в горах и ущельях. В полдень сражение окончилось полным поражением французов. 12 тыс. пленных, 2 генерала и сам Вандам, 84 орудия, 100 зарядных ящиков, весь обоз и около 10 тыс. убитых и раненых — такими были потери французов. Удивительно то, что

Наполеон ничем не помог Вандаму, хотя у него была такая возможность.

Александр I получил донесение о победе Блюхера на реке Кацбахе, где французская армия под командованием Макдональда потеряла 100 орудий и до 20 тыс. солдат. Александр I сердечно благодарил всех своих военачальников, гвардию и войска, участвовавших в боях. Солдаты получили по 2 рубля, Преображенскому и Семеновскому полкам, морскому экипажу были пожалованы Георгиевские знамена, а Измайловскому и Егерскому — серебряные трубы. Граф Толстой получил орден Св. Георгия 2-й степени и орден Марии-Терезы, а богемские дамы поднесли ему кубок, украшенный дорогими камнями.

Кульмским сражением и победой начинаются успехи союзников. Наследный принц Шведский разбил маршала Нея, наступавшего на Берлин, и заставил его спасаться за Эльбу. В тылу у Наполеона, за Эльбой, казаки и партизаны по-прежнему действовали дерзко и успешно. Чернышев с пятью казачьими полками стремился на Кассель, столицу Вестфальского королевства, расположенную в 300 верстах за Дрезденом. Брат Наполеона, король Вестфальский, поспешно бежал. Русские казаки во главе с Чернышевым торжественно вступили в город, учредили новое правительство, снарядили там батальон пехоты и ушли обратно. Однако армия Наполеона была еще достаточно сильна. Она могла совершать марши и наносить сильные удары по союзникам. Чтобы сломать эту силу, нужны были наступательные действия одновременно всех трех союзных армий. Решили, что главная армия опять будет наступать с юга, а Силезская, переправившись через Эльбу ниже Дрездена, притянет на себя армии наследного принца, и вместе они преградят пути отступления Наполеону.

В конце августа войска Блюхера двинулись по берегу Эльбы. В 100 км вниз от Дрездена, у Вартенбурга, на позиции стояли 20 тыс. французов, защищая переправу. Войска союзников атаковали французов и после жестокого боя, длившегося 5 часов, одержали победу.

Переправил свою армию через Эльбу наследный принц Шведский Бернадотт. Обе армии соединились недалеко от Лейпцига. Почти в это же время главная армия опять перешла через горы и спустилась в Саксонию. Наполеон разгадал замысел

союзников и стянул свои войска под Лейпциг. Он и его маршалы, старые сподвижники и верные помощники, уже не думали о победе: лишь бы честь спасти и удержать границы Рейна. Вечером 3 октября было принято решение утром следующего дня начать общее наступление. Ночью поднялась сильная буря с дождем. Союзным войскам объявили приказ, в котором, в частности, говорилось: «Настало важнейшее время священной войны. Бьет решительный час. Готовьтесь к бою, русские, пруссаки, австрийцы! Вы сражаетесь за одно дело, за свободу Европы, за свободу ваших сынов, бессмертие вашего имени! Все за одного, каждый за всех! С этим кликом начинайте бой, будьте верны ему, победа останется за вами!»

Все народы Европы, кроме Турции, прислали свои войска на Лейпцигское поле, а само сражение получило название Битвы народов. Войсками командовали лучшие генералы и офицеры союзников. Участниками сражения были два императора: русский Александр I и французский Наполеон; три короля: Фридрих-Вильгельм король Прусский, Мюрат, король Неополитанский и Фридрих-Август, король Саксонский; два наследных принца: шведский — Бернадотт и прусский — Фридрих-Вильгельм. Ни одна битва тех времен не представляла собой ничего подобного — одна половина Европы воевала против другой.

В первый день боя силы противников были почти равны — 200 тыс. человек у каждой стороны. Союзники с часу на час ожидали сильное подкрепление, еще не подошла северная армия, ждали армию из Польши. Французы имели перевес в другом: они подчинялись единой воле одного человека — Наполеона. А союзники были разбросаны вокруг Лейпцига на десятки километров и подчинялись отдельным командующим.

Утро 4 октября было холодное, мрачное и дождливое. Около 10 часов сражение началось канонадой со стороны союзников, наступавших с юга на селение Вахау. На высотах позади него Наполеон поставил 100 орудий, за ними стояли колонны войск. В одно мгновение огнем французов 19 орудий союзников были подбиты, осталось 3. Войска Клейста и принца Евгения Вюртембергского были выбиты из занятых ими селений. В то же время центр богемской армии австрийцев пытался перейти реку Плейсу, чтобы ударить французам в левый фланг. Но французские войска оборонялись мужественно и стойко. К тому же вода поднялась от дождей, мост был

сломан, а противоположный берег насыщен орудиями и стрелками. Союзники встретили сильное сопротивление, нигде не выиграли ни шагу. К тому же Наполеон проявил хитрость. Недалеко от Вахау он скрытно поставил 160 орудий. Они внезапно были выдвинуты на высоту и одновременно открыли огонь. Действие этого огня было настолько эффективно, что в корпусе принца Евгения орудия и те были разбиты. Под прикрытием огня артиллерии двинулась в густых колоннах французская пехота и кавалерия. 80 новых орудий были выдвинуты на замену подбитых.

Наполеон был уверен в успехе. В ослабленных батальонах союзников оставалось не более чем по 100 человек. Они мгновенно построили каре и открыли картечный огонь. Но кирасиры и драгуны французов, имея в своих рядах пехоту, накрыли широкой волной пехоту союзников, захватили две батареи и смяли легкую гвардейскую кавалерийскую дивизию. Затем французы повернули влево и устремились прямо к плотине у деревни Госсе, где стояла бригада русской пехоты и где находились Александр I и король Прусский. Опасность была очень велика, но Александр I не растерялся. Он отдал распоряжение выдвинуть тяжелую конницу и резервную артиллерию. Стоявшая вблизи артиллерия под прикрытием лейб-казаков и конвоя Александра I должна была удерживать французов до прибытия конницы. Прибывшая конница под командованием графа Орлова-Денисова атаковала французов. Эта блестящая атака спасла пехоту союзников от истребления. Почти в это же время ядро оторвало ногу Латур-Мобуру. Французская конница лишилась своего командующего. Полки французов стали колебаться. В них врезались русская легкая гвардейская кавалерия и два полка пруссаков. Французы отступили. Кавалерийский бой закончился, однако пехотный бой продолжался еще два часа.

С прибытием резервов русские войска удержали свои позиции. Прорыв французов не удался. Успехи русской армии в этом бою принадлежат и Александру I, разгадавшему маневр французов. Он вовремя ввел в бой резервы и твердо управлял боевыми действиями.

Этот день был удачным для Блюхера. Против него стоял маршал Мармон, защищавший тыл французской армии. Левое крыло его упиралось в деревню Мекерн, а правое — в Видерич, занимая угол между двумя речками. Блюхер обратился к войскам с короткой ре-

чью: «Кто из вас уцелеет до вечера и не будет праздновать победу, тот дрался как мерзавец». В час дня началась атака на французов. 8 орудий своим огнем произвели опустошение в рядах противника. Французы отступили, потеряв 53 орудия и более 2 тыс. пленных.

Наполеон еще не знал о поражении своих войск и успехе Блюхера, но уже решился вступить в переговоры с союзниками. Пленный австрийский генерал получил от Наполеона приказание ехать к Главной квартире союзников и доложить, что он, Наполеон, готов на мир, если его армии позволят спокойно отойти за Рейн. Только после того как он отправил генерала с предложением о мире, Наполеон узнал о поражении Мармона.

Бонапарт ожидал ответа, но прошел следующий день, наступил вечер — ответа не было. Союзники решили не вступать с ним в мирные переговоры. Французский император, который полгода назад собирался завоевать всю Европу, не был удостоен даже ответом. Это был мощнейший удар по его гордости и честолюбию. Он отдал приказ всем своим войскам выдвинуться ближе к Лейпцигу и встать полукругом между реками Мартой и Плейсой. В этот же день к союзникам подошли сильные подкрепления: русская армия из Польши и корпус австрийцев. Рано утром Александр I выехал на холм, вошедший в историю как Холм монархов.

В 8 часов началось наступление. Французы упорно защищали занятые ими позиции, которые переходили из рук в руки по нескольку раз. Шли тяжелые бои. Русские войска под командованием Ланжерона три раза атаковали французов и в тяжелых боях сломили их левое крыло. Это было в 6 часов вечера. Русский корпус Сакена вел тяжелые бои у самого Лейпцига. Наступал вечер, бой утихал. Было решено продолжать сражение на следующий день, наступая к Лейпцигу.

Наполеон провел целый день возле мельницы, которая стояла на возвышенности и откуда было удобно наблюдать за ходом битвы. Он появлялся то в одном, то в другом пункте своих позиций и возвращался обратно. Когда ему доложили о появлении армии Бернадотта, он встревожился. Французская армия была до крайности изнурена, потери велики, а союзники намного сильнее. Наполеон отдал приказание своему начальнику штаба Бертье, а тот продиктовал приказ окружавшим его адъютантам. Кругом было тихо, Наполеону подали скамеечку, и он, изнуренный, присел и за-

дремал. Возле него безмолвно стояли генералы. Через четверть часа Наполеон проснулся. В 8 часов он сел на коня и поехал в Лейпциг. Здесь, несмотря на крайнюю усталость, он работал до глубокой ночи. У крыльца стояли на всякий случай оседланные лошади.

На рассвете аванпосты союзников доложили, что французы ушли с поля битвы. Оставались лишь небольшие отряды, чтобы задерживать наступающих. Александр в 7 часов утра начал объезжать войска, расставленные в густые колонны, и благодарить их за мужество, оказанное в трехдневном упорном сражении. Как только рассеялся туман, союзные войска двинулись к Лейпцигу.

Защищали Лейпциг войска Понятовского и Макдональда. В стенах города были проделаны бойницы, в садах и кустарниках — рассыпаны стрелки. Войска союзников пошли в атаку. Каждая пядь земли доставалась с кровью. Только в полдень все заставы и предместья перешли в руки союзников. Французы пытались защищать аллеи и городские ворота, но их выбивали штыками. Тогда в рядах французов началась невообразимая паника, все устремились на единственный мост через Эльстер. Но и этот мост взлетел на воздух. Между французскими солдатами арьергарда быстро разнеслась эта роковая весть. Они смешались в нестройные толпы и, не слушая своих командиров, в отчаянии кидали оружие, бросались вплавь через реку и тонули. Маршал Понятовский утонул вместе со всеми. Большие потери понесла и армия Наполеона: до 40 тыс. убитыми, 60 тыс. пленными, 300 орудий, 30 тыс. ружей. И все это за три дня боев.

В полдень следом за войсками в Лейпциг въехал Александр I и с ним король Пруссии. Они с трудом двигались по улицам, заваленным трупами, пушками, переполненными своими и чужими солдатами. Александр I пощадил город. Саксонский король также получил прощение. Как ни высоко стоял теперь Александр I, он оставался таким же великодушным и уважал поверженного неприятеля.

Поражение Наполеона под Лейпцигом было началом полного освобождения Германии от французов, и освободителем ее стал русский государь Александр I.

АЛЕКСАНДР I В 1814—1815 ГОДАХ

Мартовским утром 1814 года Александр подъехал к Парижу. Там у запертых ворот были сосредоточены русские войска во главе с гвардией, а также австрийские, прусские, вюртембергские и баденские части. Как только Александр подъехал, ворота отворили. Марш открывали гвардейские казаки. За ними ехал Александр I в кавалергардской форме. Парижане восторженно приветствовали русского царя. «Мы долго ждали Вас!» — раздался крик из толпы. «Ваши войска виноваты в моем промедлении. Их храбрость помешала мне поспеть раньше», — ответил Александр.

Александр I писал фельдмаршалу графу Н.И. Салтыкову: «Приятнейшую обязанностью себе поставляю известь Ваше Сиятельство, что Промыслом Всевышнего Париж занят нами сегодня после жаркого сражения под стенами сего города... в котором достались нам в руки 2 генерала, 71 пушка и 2 знамени. Жители нас встретили не как врагов, но как избавителей».

Впоследствии Александр I рассказывал: «Наше вхождение в Париж было великолепное. Все стремились прикоснуться ко мне; народ бросался целовать мои руки, ноги; хватался даже за стремяна, оглашали воздух радостными криками, поздравлениями. Но душа моя ощущала другую радость. Она, так сказать, таяла в беспредельной преданности Господу, сотворившему чудо своего милосердия; она, эта душа, жаждала уединения, жаждала субботствования, сердце мое порывалось пролить пред Господом все чувствования мои. Словом, мне хотелось говеть и приобщиться Святых Тайн, но в Париже не было русской церкви. Милующий промысел, когда начнет благодетельствовать, тогда бывает безмерен в своей изобретательности, и вот, к крайнему моему изумлению, вдруг приходят ко мне с донесением, что столь желанная мною русская церковь явилась в Париж: последний наш посол, выезжая из столицы Франции,

передал свою посольскую церковь на сохранение в дом американского посланника. И вот сейчас же насупротив меня наняли чей-то дом, и церковь русская в то же время была устроена, а от дома моего, в котором я жил уединенно, сделали переход для удобного посещения церкви...»

Александр I отказался от отведенного ему Елисейского дворца и принял предложение Талейрана, принца Беневентского, поселиться в его доме на улице Сен-Флорантен. Там происходили совещания с союзниками относительно будущего Франции. Отречение Наполеона признано было необходимым. Выбор состоял между регентством императрицы Марии-Луизы и реставрацией Бурбонов. Последнее решение отстаивал Талейран, доказывавший, что надо опираться на принцип, перед которым ступается оппозиция; таковой же воплощается в Людовике XVIII — легитимном короле. Александр I высказал свое мнение о том, что регентство возможно.

В Фонтенбло маршалы вели переговоры с Наполеоном, убеждая его отречься. В его распоряжении еще имелась 60-тысячная армия. Акту Сената о свержении его с престола и образовании правительства он не придавал значения. В конце концов, под давлением маршалов он согласился отречься, но только в пользу сына. Граф Коленкур, маршалы Макдональд и Ней прибыли к Александру I отстаивать династию Бонапарта. О тогдашнем настроении Александра I можно судить по тому, что он рассказывал Голицыну: «Но прежде, чем я к тому [говенью] приступил, душа моя была однако ж не без смущения: мне совершенно известно было, что грозные еще своим отчаянием полчища Наполеона стягивались в самом близком расстоянии от Фонтенбло, следовательно, союзные армии, так недавно вступившие в стены столицы, должны были вновь готовиться не для одного отдыха и наслаждения; мне скоро надлежало выводить их для нового боя, может быть, отчаяннейшего, чем все прежние; мне надлежало также принять меры, чтобы сдерживать и буйную чернь парижскую, могущую удобно зажигаться и волноваться даже от наималейшего успеха Наполеона. Как же мне, говорю, было спокойно говеть, когда надлежало, может быть, в скорейшее время выводить войска из Парижа».

Александр I внимательно и с волнением выслушал доводы сподвижников Наполеона. В это время к нему прибыл адъютант князя Шварценберга с сообщением, что французские войска, сосредото-

ченные возле Ессона под командованием маршала Мармона, сдались австрийцам. Александр I объявил своим собеседникам о решении союзников восстановить Бурбонов.

«Но и здесь, — говорил Александр I Голицыну, — повторяю то же, что если кого милующий Промысел начинает миловать, тогда бывает без перемен в Божественной своей изобретательности. И вот в самом начале моего говения добровольное отречение Наполеона от престола как будто нарочно поспешило в радостном для меня благовестии, чтоб совершенно уже успокоить меня и доставить мне все средства начать и продолжать ходить в церковь».

Александр I после объявления своей воли маршалам проявил удивительное великодушие. Он сказал, что прощает Наполеону все зло, причиненное им России. Обещает, что на Эльбе тот будет полноправным монархом, денежно обеспеченным. «Если он не примет Эльбы и не найдет нигде убежища, пусть приезжает в мое государство. Я обставляю его великолепно. Я сделаю все, от меня зависящее, чтобы смягчить судьбу человека такого великого и такого несчастного. Он может рассчитывать на слово Александра...»

Эти слова не были пустыми, они свидетельствуют о той борьбе, которую Александру I пришлось выдержать с союзниками, настаивая на отправке Наполеона не на остров Эльбу и за его материальное обеспечения. Талейран, пруссак Гарденберг и англичанин Кэстельре предлагали отправить Наполеона на Азорские острова. Александр I сказал Коленкуру о Наполеоне: «Я не питаю никакой злобы, верьте этому. Наполеон несчастен, и с этой минуты я прощаю ему то зло, которое он причинил России, а Франция, Европа нуждаются в покое. Мы твердо стоим на этом решении. Пусть он требует для себя лично, чего ему угодно: нет такого убежища, которого не согласились бы предоставить ему. Если даже он пожелает принять руку, которую я протягиваю ему, пусть он пожалует в мои владения, где встретит великолепный и, что еще лучше, радужный прием. Мы подадим, он и я, великий пример всему миру: я — предлагая, он — принимая гостеприимство». «25 марта в день Благовещения Пресвятой Богородицы Александр после всенощной исповедался. В Великий Четверг, 26 марта, Александр I причащался с большим благоговением», — пишет Хомутов.

29 марта 1814 года отмечался первый день Святой Пасхи. После обедни, отслуженной ночью в походной церкви, где находи-

лось множество генералов всех наций, «в 12 часов дня был большой парад, и войска, пройдя мимо Александра I, выстроились на площади». Там был совершен молебен за последние победы и за взятие Парижа. Пушки выстрелили 101 раз. Со всех сторон раздавались приветствия: «Да здравствует Александр Первый!» У всех присутствующих были слезы на глазах, и все единодушно преклонили колена перед милостивым Богом, единым подателем всех благ. После молебна Александр I обнял французских маршалов, сказав им, что русские в этот день всегда христосуются со своими друзьями.

Сам Александр I так рассказывал об этом событии в беседе с Голицыным: «Еще скажу тебе о новой и отрадной для меня минуте в продолжение всей жизни моей: я живо тогда ощущал, так сказать, апофеоз русской славы между иноплеменниками, я даже их увлек и заставил разделить с нами национальное торжество наше. Это вот случилось. На то место, где пал кроткий и добрый Людовик XVI, я привел и поставил своих воинов; по моему приказанию сделан был амвон, созваны были все русские священники, которых только найти можно, и вот при бесчисленных толпах парижан всех состояний и возрастов, живая гекатомба наша вдруг огласилась громким и стройным русским пением... Все замолкло и внимало! Торжественная была эта минута для моего сердца; умиротелен, но и страшен был для меня момент этот. Вот, думал я, по неисповедимой воле Провидения, из холодной отчизны Севера привел я православное мое русское воинство для того, чтобы на земле иноплеменников, столь недавно еще нагло наступавших на Россию, в их знаменитой столице, на том самом месте, где пала царственная жертва от буйства народного, принести совокупную, очистительную и вместе торжественную молитву Господу. Сыны совершали как бы тризну по королю Французскому.

Русский царь по ритуалу православному всенародно молился вместе со своим народом и тем как бы очищал окровавленное место пораженной царственной жертвы. Духовное наше торжество в полноте достигло своей цели; оно невольно втокнуло благоговение и в самые сердца французские. Не могу не сказать тебе, Голицын, хотя это и несовместимо в теперешнем рассказе, что даже забавно было видеть, как французские маршалы, как многочисленная фаланга генералов французских теснилась возле русского креста и друг друга толкала, чтобы иметь возможность скорее

к нему приложиться. Обаяние было повсеместно, что оторопели французы от духовного торжества русских».

30 марта Наполеон, прибыв в Фонтенбло, подписал безусловное отречение от престола за себя и членов своей семьи. Ему была назначена рента в размере 2 млн франков и предоставлен остров Эльба (с титулом императора) и около 800 человек гвардии. 8 апреля он простился с Фонтенбло и с гвардией и выехал на юг. Сопровождали его по назначению Александра I комиссары: генерал-адъютант граф Павел Андреевич Шувалов, австриец генерал Коллер, пруссак граф Вальбург-Трухсес и англичанин Кэмбель. Союзники опасались враждебного отношения к Наполеону в южных провинциях Франции, где население было настроено монархически. В письме графа Шувалова к графу Нессельроде от 15 апреля говорилось, что отрекшийся император впервые подвергся оскорблению 14 апреля в Авиньоне. Трагическое положение создалось в деревне Оргон.

В письме от 16 апреля граф Шувалов писал: «Когда мы подъехали к Авиньону, чтобы переменить лошадей, я спал и точно во сне слышал крики, раздававшиеся в действительности и заставлявшие меня грезить: я вижу карету Наполеона, окруженную громадною толпою людей, кричащих, точно сумасшедшие: “Долой тирана! Да здравствует король! Долой Наполеона!” Наконец нам удалось тронуться с места. Какой-то человек заставил слугу Наполеона, сидевшего на козлах, закричать: “Да здравствует король!”»

В Оргоне нас ожидало нечто уже совершенно иное. Подъезжая к нему, я увидел близ въезда в деревню громадную толпу, собравшуюся вокруг виселицы, поставленной высоко, с лестницей и со всем, относящимся к делу. На виселице висел военный, весь окровавленный; на его животе висела надпись, содержащая самые ужасные ругательства в адрес Наполеона: таким образом, повешенный манекен должен был изображать Наполеона. Едва только остановились для смены лошадей, как я увидел толпу, опьяненную ненавистью и вином; она состояла из мужчин, женщин, детей, стариков, рычавших, карабкавшихся на карету, в которой помещался Наполеон с графом Бертрانом, и показывавших кулаки; их крики на провансальском наречии означали: “Откройте двери! Вытащим его оттуда! Отрезать ему голову! Сейчас же растерзать его на части!” Двери были заперты на ключ. Генерал Коллер, я, де Клам бросились из своих колясок; Коллер был схвачен за воротник, но ему тем

не менее удалось оттеснить толпу с левой стороны кареты; я же в расшитом мундире и с выставленной напоказ русской кокардой бросился к правой стороне. Я начал с того, что стал рассыпать, ударяя кулаком направо и налево, и, чтобы не удостоиться самому быть в роли манекена, кричал вместе с тем, что я русский; они остановились на мгновение, и я воспользовался этим, чтобы обратиться к ним с речью, воздействовать на их сердце, пристыдить их поведением и тем, что они хотят запятнать себя преступлением, объект которого — человек и без того несчастный. Я был вынужден кричать во все горло так, что слышалось каждое сказанное мной слово; в конце концов, я охладил их пыл; они сказали мне, что не сделают ничего дурного, но что необходимо, чтобы Наполеон знал их образ мыслей. Во время этой речи удалось отправить карету, и лошадей пустили вскачь; я тоже сел в свою коляску и с трудом выбрался из громадной толпы, со всех сторон теснившейся вокруг меня с криками: «Да здравствуют наши освободители! Да здравствует великий Александр!» Наконец я уехал, и эти крики сопровождали меня на большое расстояние. Я даю Вам честное слово, что, если бы дверца кареты была открыта, то Наполеон, несомненно, заменил бы собою манекен, и не было бы никакой человеческой возможности препятствовать этому. Через некоторое время остановились, Наполеон вышел из кареты, велел своему кучеру пересест в нее, сел на его лошадь и в голубом камзоле, круглой шляпе с белой кокардой понесся вскачь. Так как я оставался несколько позади, то узнал об этом лишь на следующей станции, где собралась такая же толпа, и, когда открыли карету и увидели, что его в ней нет, обшарили все коляски, чтобы найти его, бросили несколько камней. Новый переодетый курьер пронесся через станцию Пор-Рояль и Сен-Каналь и скрылся в комнате дорожной гостиницы, имевшей огороженный двор. Первое лицо, встреченное им, была хозяйка гостиницы, сказавшая ему: «А, значит, Наполеон приедет скоро! Его увозят из Франции, но это опасно: он может вернуться; несравненно лучше было бы убить его; впрочем, ясно, что коль скоро он будет на море, его утопят». Наполеон сам рассказывал об этом на следующий день за завтраком. Ночью предполагалось двинуться дальше».

«Представьте себе мое удивление, — писал Шувалов, — когда, поспав несколько часов, я вошел в комнату и увидел его стоявшем в мундире австрийского генерала с одетой на голову фуражкой

графа Трухсеса с прусской кокардой и с моею форменною шинелью на плечах. Мы выехали в полночь в следующем порядке: впереди генерал Бертран и господин Кулеваев на месте Наполеона, затем я в маленьком кабриолете и, наконец, в небольшой коляске Коллера в две лошади — два австрийских генерала — Коллер и Наполеон. Кулеваев передаст Вам много подробностей, забытых мною здесь».

После этих происшествий Наполеон, который был подчеркнуто холоден с Шуваловым, стал относиться к нему хорошо. «Я знаю, — писал Шувалов, — что, по-видимому, он был очень признателен за то, что Его Величество предложил ему убежище у себя и что он заметил, что император Австрийский совершенно не подумал об этом».

16 апреля 1815 г. Наполеон сел в Фержюсе на английский крейсер, на котором совершил свой переезд на Эльбу.

В эти дни происходили следующие события. 12 апреля 1815 г. Людовик XVIII отплыл из Дувра. При посещении им в Лондоне принца-регента, он сказал, что «восстановлением своего дома на престол Франции он после Всевышнего Промысла обязан принцу-регенту и его советам, непоколебимому постоянству английского народа». Король, конечно, умолчал о главном своем избавителе и предоставленной возможности своего возвращения во Францию — Александре I и русской армии. В этих немногих словах возвращающегося из изгнания короля Франции — будущая его политика.

17 апреля король прибыл в Компьен. Александр I, узнав о его прибытии во Францию, выслал к нему на встречу генерал-адъютанта Поццо ди Борго с письмом, в котором советовал Людовику не уклоняться от либеральных идей, не забывать армию и даровать Франции свободные учреждения. Но этот совет не был оценен по достоинству и был принят весьма холодно. Король удовольствовался неопределенным ответом. Тогда Александр I по своей привычке оказывать личное воздействие на дела, руководствуясь желанием упрочить будущее спокойствие Франции, сам отправился в Компьен, чтобы уговорить Людовика согласиться на условия, предъявленные Сенатом. Король, принимая Александра I, сел в кресло и предложил своему высокому гостю стул, затем он спокойно выслушал его, ничего не отверг, ничего не уступил, но зато

много говорил о Всевышнем Промысле и могуществе великого начала законности.

Александр I не скрыл неудовольствия от своих приближенных. Он сказал князю Волконскому: «Весьма естественно, что король, больной и дряхлый, сидел в кресле, но я в таком случае приказал бы подать для гостя другое». Граф Нессельроде, сопровождавший Александра I в Компьен, высказался так: «Король высказал неуместную надменность в отношении к Государю, которому он был обязан возвращением престола. Император был очень оскорблен этим поведением, и оно повлияло на последующие отношения обоих монархов».

Король продолжал держать себя подобным образом. Прибыв в Париж, он завидовал популярности Александра I среди французов и называл его маленьким королем Парижа. Пригласив однажды к обеду русского и прусского монархов, он вошел в столовую первым и сел на почетном месте; когда же придворный служитель, подавая блюдо, подошел прежде к Александру I, король громко вскрикнул: «Мне, пожалуйста». Александр I, вспоминая этот обед, говорил: «Мы, северные варвары, более вежливы». В беседе с будущим государственным деятелем, крайним роялистом графом Жозефом Виллелем Александр I высказался по поводу неуместного высокомерия короля: «Людовик во время своего наибольшего могущества не принял бы меня иначе; можно подумать, что он возвратил мне утраченный престол. Его прием произвел на меня впечатление, как и ушат холодной воды, который бы мне вылили на голову».

Александр I посетил императрицу Марию-Луизу в Рамбулье. К неудовольствию Людовика он часто виделся с первой супругой Наполеона императрицей Жозефиной и установил дружеские отношения с ее дочерью от первого брака королевой Гортензией. Когда Жозефина после долгой болезни умирала в Мальмезоне, Александр I находился в соседней комнате. Русская гвардейская часть отдавала последние почести первой императрице Франции во время отпевания.

Александр I обещал первой депутации парижан сохранить памятник Наполеону. В день вступления союзных войск в Париж толпа, подстрекаемая роялистами, с криками «Долой Наполеона!» двинулась к Вандомской площади, к колонне, увенчанной статуей

Наполеона. Статуя была зацеплена веревками, народ пытался ее сбросить. По личному распоряжению Александра I прибыл караул лейб-гвардии Семеновского полка и окружил колонну. Народ примирел и разошелся. Позднее во избежание подобных беспорядков статую Наполеона сняли.

Об отношении парижан к Александру I очевидцы пишут: «Нелегко было достигнуть полной, решительной победы и не оставить раздражения у побежденных, приобрести их любовь и уважение. Александр I сумел одержать эту достойную победу. Даровитость, гибкость ума и твердость его воли явились в Париже в полной силе; все эти качества вполне соответствовали блестящей и трудной роли, выпавшей на его долю, — быть вождем государей и народов».

Выдающийся прусский государственный деятель Генрих фон Штейн в своей переписке так отзывался о деятельности Александра I: «Благородный, возвышенный и доброжелательный образ действий Императора Александра покоряет все сердца, насильно отрывает их от тирана, заставляет французов забыть, что в столице распоряжаются иноземцы... Император вел переговоры о внутренних делах Франции, руководствуясь самыми чистейшими, возвышенными принципами. Он предоставил действовать высшим государственным учреждениям, он ничего не предписывал, не принуждал ни к чему — он давал свободу действия, он охранял, не говорил, как владыка».

Префект полиции Паскье, имевший постоянные сношения с Александром I, писал в своих записках: «Замечали, что все исходит от Александра I. Его союзник король Прусский оставался незамеченным, его мало видели, он избегал показываться лично и сохранял всюду свойственную ему застенчивость, которая не могла не принести ему особенного блеска, Александр I ездил верхом по городу по всем направлениям и внимательно осматривал все общественные учреждения».

18 мая 1814 г. в Париже был заключен мир. По свидетельству Палеолога, Император Александр I во время переговоров проявлял большую умеренность, заботился о будущем и желал в интересах политического равновесия в Европе иметь сильную Францию. Он возражал Кэстерле, Меттерниху, Гарденбергу и военным, желавшим до крайности использовать победу союзников. Франции оста-

вили границы 1792 г. с небольшими приращениями. Контрибуции и возмещения убытков не нее наложено не было. 21 мая союзные государи уехали из Парижа, а 24 мая из Парижа убыли все иностранные войска. Людовик XVIII остался хозяином своего государства.

Из Парижа Александр I вместе с Фридрихом-Вильгельмом направился в Англию. 26 мая он высадился в Дувре, приветствуемый пальбой орудий и народом. Как только Александр I вышел на берег и сел в экипаж, народ отпряг лошадей и повез его на себе в город.

На следующий день рано утром он ехал в Лондон в коляске графа Толстого, за которого и был принят в пути. В путешествии его сопровождали фельдмаршал граф Барклай-де-Толли, атаман донских казаков граф Платов, граф Нессельроде и др. По пути следования, по свидетельству В.Р. Марченко, население угощало их миндальными пирогами. Александра I радостно приветствовали в Лондоне.

Особой популярностью пользовались военные. 31 мая народ повез на себе выходившего из церкви Платова. Барклаю-де-Толли в Лондоне преподнесли шпагу, украшенную бриллиантами.

Александр I остановился в новой части города в отеле, который занимала его сестра великая княгиня Екатерина Павловна. Лондон выбрал русского государя почетным гражданином, а 2 июня в Оксфордском университете происходило торжественное собрание, на котором ему был торжественно преподнесен диплом на звание доктора права. Александр I, обращаясь к ректору, сказал: «Как мне принять диплом? Я не держал диспута». «Государь, — возразил ректор. — Вы выдержали такой диспут перед народами, какого не выдерживал ни один доктор во всем мире».

Целью поездки Александра I было желание привлечь на свою сторону Англию для совместных действий на предстоящем Венском конгрессе. Но он, как и его сестра, не мог побороть недоброжелательное чувство к принцу-регенту, будущему королю Георгу IV, правившему с 1811 г. Отец последнего, король Георг III, окончательно помешался и ослеп. Регент, с юных лет отличавшийся безнравственным поведением, бросил свою жену Каролину, до замужества принцессу Брауншвейгскую, и открыто сожительствовал с другой женщиной. Подчеркнутое неодобрение всего этого со стороны Александра I усилило его популярность у англичан и вызвало озлобление регента. Он был обижен еще и тем, что его не наградили орденом Андрея Первозванного. Раздраженный регент заставил

прождать 25 минут приехавшего к нему великого князя Николая Павловича, который на следующий день умышленно опоздал на 15 минут на парадный обед.

Меттерних, присланный императором Францем в Лондон, сумел использовать сложившееся там положение. Он сблизился с регентом и привлек к себе его расположение. Вскоре он сообщил императору Францу, что с каждым днем регент и английские министры придают все меньше значения русскому государю. Меттерних получил от регента приглашение приехать вновь вместе с прусским министром Гарденбергом для выработки общего плана действий в Вене.

Покинув Англию 11 июня, Александр I прибыл в Бельгию. Там его горячо приветствовали. Ненадолго остановился он в Бадене, где после долгой разлуки виделся с императрицей Елизаветой, гостившей там у матери.

12 июля Александр I прибыл в Павловск после долгого отсутствия. Столица готовила ему торжественную встречу. Перед прибытием в Россию 7 июля петербургский главнокомандующий генерал Вязмитинов получил от Александра I следующий Высочайший рескрипт: «Сергей Кузьмич! Дошло до моего сведения, что делаются разные приготовления к моей встрече. Ненавидя оные всегда, почитаю их еще менее приличными ныне. Единный Всевышний причиною знаменитых происшествий, довершивших кровопролитную брань в Европе. Перед Ним все мы должны смириться. Объявите повсюду мою непременную волю, дабы никаких встреч и приемов не делать. Пошлите повеление губернаторам, дабы ни один не отлучался от своего места для сего предмета. На Вашу ответственность возлагаю точное исполнение сего повеления».

Александр I согласился на просьбу государственных учреждений и народа принять наименование «Благословенный», но постановку памятника не разрешил. 14 июля он присутствовал на торжественном молебне в Казанском соборе.

30 июля в Санкт-Петербурге торжественно встречали первую гвардейскую дивизию. Александр I лично встретил гвардию у триумфальных ворот, сооруженных в честь ее подвигов, начавшихся на берегах Немана и закончившихся в Париже.

Отпраздновав день памяти Александра Невского, Александр I выехал в Вену. 3 сентября по дороге он заехал в Пулавы к кня-

зю Адаму Чарторыйскому. Княгине-матери Александр I сказал: «Теперь меня более всего занимает Польша. Еду на конгресс, чтобы работать для нее, но надо двигать дело постепенно. У Польши три врага: Пруссия, Австрия и Россия и один друг — это я. Если бы я хотел присоединить Галицию, пришлось бы сражаться. Пруссия соглашается восстановить Польшу, если ей отдадут часть великой Польши. Да, я хочу отдать польским провинциям около двенадцати миллионов жителей. Составьте себе хорошую конституцию и сильную армию, тогда посмотрим». Из этих слов видно, что Александр I в планах восстановления Польши, еще недавно воевавшей с Россией, готов был идти далеко.

В конце сентября 1814 г. начались заседания Венского конгресса. В нем принимали участие монархи России, Австрии, Пруссии, Дании и ряд германских государей. Уполномоченными России были назначены бывший посол в Вене граф Разумовский, граф Нессельроде, посол в Вене граф Стакельберг. Александр I пользовался содействием по иностранным делам генерал-адъютанта Поццо ди Борго, барона Анстета и графа Каподистрия, а также прусского барона Штейна.

Сразу выяснились два трудных вопроса — польский и саксонский. Александр I намеревался удержать за собой Варшавское герцогство, восстановив наименование Польского королевства. Князь Чарторыйский, находившийся в Вене как друг и советник Александра I, удивлялся настойчивости, высказанной Александром в переговорах по польскому вопросу. Чарторыйский писал, что «все кабинеты против него, никто не говорит нам доброго слова. Не помогает нам искренно».

Александр I мог рассчитывать только на поддержку Пруссии, притязания которой присоединить Саксонию могли осуществиться лишь при поддержке России. Он высказался за передачу Пруссии части саксонских земель взамен отошедших от нее, как он намечал, польских владений. Австрия, откажись она от Галиции, получила бы Ломбардию, Венецию и Далмацию. Против этого плана, как всегда, восстали Меттерних и Талейран. Австрия не желала усиления России и Пруссии. Меттерних сказал Талейрану: «Мы менее расходимся с Вами, чем Вы полагаете; я обещаю Вам, что Пруссия не получит ни Люксембурга, ни Майнца; мы также вовсе не желаем, чтобы Россия увеличивалась сверх меры; что же касает-

ся Саксонии, то мы употребляем все усилия, чтобы сохранить по крайней мере часть ее». Талейран, чувствовавший презрение к себе русского государя, еще так недавно дорого оплачивавшего его измену Наполеону, был особенно рад помешать планам Александра I.

Палеолог, вспоминая в связи с конгрессом платные услуги Талейрана, приводит выдержки из его письма к Александру I от 13 июня 1814 г., полного лести и выражений любви. Талейран, выступая по саксонскому вопросу, отстаивал принцип легитимизма, провозглашенный конгрессом. Палеолог, говоря о защите Талейраном прав короля Саксонского Фридриха-Августа, упоминает о получении им за несколько дней перед этим от последнего крупной суммы денег и добавляет, что он действовал по особому указанию короля Людовика XVIII, приходившегося двоюродным братом саксонскому монарху, остававшемуся до конца верным Наполеону. Мать Людовика была дочерью Августа III, саксонского курфюрста и польского короля. Австрия и Франция вскоре заручились поддержкой английского представителя лорда Кэстельре. Англия, обязанная Александру I устранением опаснейшего для нее врага — Наполеона, сразу начала действовать против усилившейся России, которой теперь грозит опасность. Однажды в Вене создалось очень сложное положение. Обострялось оно взаимной неприязнью Александра I и Меттерниха. Пробовали даже бряцать оружием. Но войны никто серьезно не желал. Постепенно начали искать выхода в частичном земельном урезании Саксонии в пользу Пруссии.

В начале октября 1814 г. Александр I совершил поездку в Венгрию. Принимавший в ней участие Михайловский-Данилевский писал: «Истинно дружеское обращение с ним венгерцев и их непритворное расположение к русским более и более меня к ним привязывали».

Отмечает он и отношение к Александру I местных сербов и других славян. Некоторые из последних говорили: «Мы приехали в Офен издалека, чтобы увидеть монарха славянского поколения. Все, что мы о нем слышали, уверяет нас, что он печать царей».

Далее он пишет: «Неоднократно греческие духовные лица из Иллирии и Далмации имели у Его Величества аудиенцию, и когда замечено было, что сие не нравилось другим дворам, то после сего Государь два раза принимал их втайне. Таким образом, однажды

в темный вечер мне было приказано одного греческого исповедания архимандрита спрятать на дворе за стеною дворца и потом провести его скрытно к Государю. Архимандрит, который, видимо, испросил эту аудиенцию, вопреки приказанию Венского двора, дрожал, чтобы его не узнали австрийские чиновники, находившиеся при нашем Императоре».

В Вене политическая игра продолжалась. Особенно интриговал Талейран. Александр I чувствовал, что против него ведется закулисная игра, но не предполагал, что она может зайти так далеко. Тайная работа велась Талейраном так активно, что в декабре 1814 г. он предложил английскому дипломату Кэстельре подписать совместно с Австрией «маленькую конвенцию» с целью обеспечить права саксонского короля. «Конвенция — то есть вы предлагаете союз?» — спросил его английский дипломат. Талейран ответил, что из этого может выйти союз, если Англия пожелает. Меттерних, Кэстельре и Талейран 22 декабря 1814 г. подписали конвенцию, по которой Австрия, Англия и Франция обязывались выставить каждая по 150 тыс. войска в случае войны, условиться насчет главнокомандующего, заключить мир не иначе, как с общего согласия. Предложено было пригласить к участию в союзе Баварию, Вюртемберг, Ганновер и Нидерланды. Талейран возлагал еще надежды на Турцию и Швецию, учитывая, вероятно, недавно проигранные ими войны с Россией и возможное их желание реванша.

Австрийский главнокомандующий князь Шварценберг составил подробный план военных действий. Он предполагал, что в марте 1815 г. французская армия начнет кампанию. Талейран, посылая конвенцию Людовику XVIII на утверждение, умолял его об ускорении подписания и просил привлекать к этому делу людей, испытанных насчет тайны. Всю свою жизнь интриговавший, изменявший и продававшийся Талейран писал королю: «Теперь коалиция расстроена, и это навсегда. Не только Франция не изолирована более в Европе, но и располагает такою федеративною системою, что, кажется, и пятьдесят лет переговоров не могли бы Вам доставить ее». Так говорилось о коалиции, победившей Наполеона, возвратившей Людовику трон его предков, и закреплялся заговор против главного спасителя Европы. Александр I не раз говорил: «Людская благодарность так же редко встречается, как белый ворон». Вскоре ему пришлось в этом убедиться еще раз.

Прусский министр Гарденберг 8 февраля 1815 г. представил новый проект вознаграждения Пруссии. У Саксонии отрезались земли с 800 тыс. жителей, и принималось предложение Меттерниха предоставить Пруссии еще некоторые земли по Рейну.

10 февраля Австрия приняла этот план. Казалось, что можно было идти и дальше против России. Однако в это время произошло событие исключительной важности: Наполеон покинул остров Эльбу.

Меттерних пишет, что в ночь с 22 на 23 февраля 1815 г. у него проходило заседание уполномоченных пяти держав, закончившееся в 3 часа утра. Отправляясь спать, он запретил будить его, даже если какие-то известия поступят ночью. Но вопреки запрету ему около 6 утра принесли депешу. На конверте значилось «Срочное», и посылал ее консул из Генуи. Не выспавшись еще, Меттерних не стал знакомиться с ее содержанием, но заснуть больше не смог. Около 7 часов он вскрыл конверт и прочел следующее: «Английский комиссар на острове Эльба Кембель прибыл в порт Генуи, чтобы ознакомиться, видел ли кто-нибудь Наполеона, исчезнувшего с острова. По получении отрицательного ответа английский фрегат, не задерживаясь, снова вышел в море».

Около 8 часов Меттерних был с докладом у императора Франца. Последний выслушал его и поручил ему доложить Императору Александру и королю Прусскому, добавив просьбу, дать приказ австрийской армии двинуться в направлении Франции. Он выразил уверенность в том, что оба монарха его поддержат. Так и случилось, когда Меттерних доложил о случившемся Александру I. О приеме его Александром I Меттерних пишет: «Нам не пришлось долго обсуждать меры, которые следовало принять, — решение последовало быстрое и категорическое. Император сказал мне: “Нам остается еще окончить личную распрю. Мы оба христиане, наша святая вера заповедует нам прощать обиды. Обнимем друг друга, и пусть все будет предано забвению”».

Утром Меттерних собрал у себя министров четырех великих держав. Производились нужные приготовления. В то историческое утро было положено начало новой борьбе с Наполеоном.

Пять суток ничего не было известно о Бонапарте. Потом начали поступать сведения. Наполеон отплыл с острова Эльба на корабле, носившем пророческое название «Inconstant» («Непостоянный»).

1 марта 1815 г. он высадился около Канн, имея 900 человек, увеличив число сподвижников до 1100. Население встретило его холодно. Наполеон, помня свое «путешествие» по югу Франции, опасался следовать на Лион по главным дорогам. Он решил захватить Гренобль и по реке Роне добраться до Лиона. По мере продвижения войско его увеличивалось все больше и больше. Маршал Ней, посланный против него королем, обещал через неделю привезти Наполеона в Париж в клетке. Когда его войска встретились с Наполеоном, он сразу же перешел на сторону своего императора. Людовик XVIII бежал в Лилль и вскоре обосновался в Генте (Нидерланды). 20 марта Наполеон вступил в Париж.

Но еще 13 марта восемь держав опубликовали в Вене воззвание, обличавшее Наполеона как врага и нарушителя спокойствия в мире. Россия, Австрия, Англия и Пруссия обязались выставить каждая по 150 тыс. солдат и прекратить военные действия не раньше лишения Наполеона возможности нарушать спокойствие. Англия, кроме того, обязалась предоставить этим державам 5 млн фунтов и 3,5 млн фунтов германским государям, выставившим войска против Франции.

Александр I выставил против Наполеона 167 тыс. человек под командованием графа Барклая-де-Толли (постепенно армия увеличилась до 225 тыс.). Русские войска находились в это время на берегах Немана и Вислы, и требовалось время для их подхода к границам Франции. Начать борьбу с Наполеоном довелось английским и прусским войскам.

Тотчас по прибытии в Париж Наполеон пробовал завязать отношения с Александром I через свою падчерицу Гортензию, но потерпел неудачу. Однако в его руках оказалось средство, которое могло поссорить Александра I с союзниками. При поспешном бегстве короля и его чиновников из Парижа ими был оставлен тайный договор от 3 января 1815 г., направленный против России. По одним данным он оказался в письменном столе Людовика, по свидетельству Палеолога, его нашли в ящике стола чиновника министерства иностранных дел Жакруа. Наполеон, ознакомившись с этим документом, отправил его Александру I с находившемся в Париже секретарем русской миссии Бутягиным. Последний 27 марта вручил его в Вене Александру I.

Граф Иоан Каподистрия (русский министр иностранных дел) рассказывал, что Александр I послал за ним, приказав явиться немедленно, не переменяя платья. В кабинете Александр I ходил скорым шагом по комнате, уши у него горели (он был очень сдержан в выражении гнева: по мере того как он сердился, уши его все более и более краснели). Государь остановился и, подойдя к письменному столу, сказал Каподистрии: «Вы были правы; вот что я получил от Наполеона». Это был подлинный трактат и при нем письмо Наполеона, который указывал на ненадежность союзников Александра I. Каподистрия прочел этот возмутительный документ с омерзением, но без удивления. «Какие же намерения Вашего Величества?» — спросил он. Помолчав немного, Александр I ответил: «Пока Наполеон будет жив и в силе, никогда не будет мира в Европе, а мир нужен истощенному человечеству; я все-таки пойду против него со всеми этими малодушными правительствами. Дело должно быть общее — или мы все пропадем. Пускай никто не знает, что этот трактат дошел до моего сведения». Александр I, пригласив к себе барона Штейна и ознакомив его с документами, имел в его присутствии объяснение с Меттернихом. Он показал Меттерниху бумагу и спросил: «Известен ли Вам этот документ?» Князь не изменился в лице и молчал, придумывая себе оправдание. Он хотел заговорить, но Александр I прервал его словами: «Меттерних, пока мы оба живы об этом предмете никогда не должно быть разговора между нами. Теперь нам предстоят другие дела. Наполеон возвратился, а потому наш союз должен быть теперь крепче, нежели когда-либо». С этим Александр I бросил трактат в пылавший камин и отпустил обоих министров.

Король Баварский пришел к Александру I с извинениями. «Вы были увлечены, я забыл об этом деле», — последовал царственный ответ. Благосклонно принял Александр I и представителя Нидерландского короля. Шильдер пишет, что в разговоре с Каподистрией Александр I разъяснил ему свой взгляд на секретный договор. «Конечно, — сказал он, — люди, которые работали над этим соглашением, не рассчитывали, чтобы в настоящую минуту я признал его как бы не существующим. Тем не менее я не скажу им ни слова и приказываю поступить точно так же. Достаточно будет, если я удвою бдительность в договоре, который будет заключен для возобновления войны и при открытии похода».

Александр I председательствовал на военном совете союзников, выработавшем план кампании, начало которого было назначено на 20 мая. 23 мая Александр I прибыл в Гейльбронн на Некаре, избранный местом для русской Главной квартиры. Однако через два дня он переехал в Гейдельберг, где находилась Главная квартира австрийцев, желая быть в центре военных действий и там же ожидать приближения к Рейну русской армии.

Наполеон, собравший значительные силы, не пожелал защищаться во Франции и решил сам ударить по флангу союзников. Этот фланг составляли две армии, сосредоточившиеся в Нидерландах. Первой командовал герцог Веллингтон, второй — Блюхер, недавно пожалованный титулом князя.

Наполеон задумал не допустить соединения их сил. 2 июня он сосредоточил армию около Шарлеруа. На дороге оттуда в Намюр стоял Блюхер, на дороге в Льеж — Веллингтон. В ней завязал горячее сражение с последним, Наполеон же при Линьи вел бой с Блюхером и одержал победу. Переоценив свой успех, он не стал преследовать пруссаков. Это дало возможность Блюхеру собрать силы и сообщить Веллингтону, что 5 июня он двинется к нему на помощь. В этот день Наполеон атаковал Веллингтона на высотах Сен-Жан, расположенных к югу от Брюсселя. Положение англичан и их союзников — ганноверцев, нассаусцев, брауншвейгцев и нидерландцев — было очень тяжелым. Атаки французов следовали одна за другой. В самое опасное время подошел прусский корпус Бюлова. Веллингтон, лично ведя войска, отбил встречной атакой последний резерв Наполеона — гвардию. Далее последовало окружение французов. Вырвавшихся из него преследовали пруссаки под началом графа Гнейзенау. Гвардейские конные егеря окружили Бонапарта и вывели из сражения. Но карета его была захвачена пруссаками. Под Ватерлоо судьба Наполеона была решена.

13 июня в Елисейском дворце под давлением Палаты представителей Наполеон вынужден был подписать отречение. 25 июня Блюхер занял Париж, 26 июня в Париж вернулся Людовик XVIII. Против его дворца разместились лагерем пруссаки. Наполеон опоздал с выездом в Америку. Когда он прибыл в Рошфор, гавань уже была заперта английским флотом. Бонапарт написал письмо английскому регенту, отдаваясь под покровительство Англии. Капитан английского корабля, на который он вступил, принял его

как военнопленного. Английское правительство с согласия своих союзников назначило местом его заточения уединенный остров Святой Елены в Атлантическом океане. 18 октября 1815 г. корабль «Беллерофонт» доставил туда Наполеона.

Союзные государи получили известие из Ватерлоо 9 июня в Гейдельберге. Четвертый корпус русской армии к этому времени приближался к Рейну, переправа через который у Мангейма могла состояться по прошествии недели. 13 июня Александр I выехал из Гейдельберга в Париж, сопровождаемый сотней казаков. Путешествие это представляло опасность, так как положение не контролировалось, союзники в этой местности еще не укрепились. Сторонники Наполеона пытались организовать партизанскую войну. 28 июня Александр I прибыл в Париж, где его с нетерпением ожидали Веллингтон и Гнейзенау. Удивленный неприязненным отношением к ним французов, он остановился в Елисейском дворце. На этот раз он не жил у Талейрана, проявившего такое вероломство в Вене. Парижане были в восторге: «Вот Александр I, вот наш избавитель!»

В тот же день Александра I посетил вернувшийся Людовик XVIII, рассыпавшийся в любезностях. Король нуждался в поддержке русского государя. Дружеская беседа их длилась два часа; установились добрые отношения. Вскоре стало известно, что Александр I воспротивился желанию Блюхера взорвать Йенский мост, напоминавший о поражении Пруссии в 1806 г. Передавались слова Александра I, сказанные Блюхеру, что он вполне удовлетворен тем, что русские войска прошли в Париже по Аустерлицкому мосту. Йенский мост охранялся в 1815 г. русскими.

30 июня в Париже начались мирные переговоры, участниками которых были лица, заседавшие раньше в Вене. Пруссия требовала от Франции огромных территориальных уступок. 8 сентября Гарденбергу и Гумбольту удалось убедить некоторых уполномоченных поддержать их требования. Французскому правительству был предъявлен ультиматум. Спасение Франции могло прийти только от Александра I, который решительно высказался против лишения власти Людовика XVIII, ссылаясь на заявление держав о том, что целью войны было низвержение Наполеона и возвращение к порядку, установленному Парижским миром. Русский дипломат, генерал-адъютант корсиканец граф Поццо ди Борго убедил

Людовика XVIII уволить Талейрана, к которому, естественно, не был расположен Александр I.

Король легко согласился, поскольку сам с презрением относился к этому умному, но порочному и изменчивому государственному деятелю, отказавшемуся во время революции от епископства. Еще до его увольнения Людовик обратился к Александру I с горячим письмом, прося взять обратно предъявленные требования, столь ужасные для Франции и могущие вызвать его отречение от престола. Александр I предъявил это письмо союзникам и убедил их отказаться от своих требований. Дальнейшие переговоры велись главным образом о временной оккупации некоторых департаментов Франции.

После увольнения Талейрана председателем Совета министров и министром иностранных дел Франции был назначен герцог Арман Эммануэль дю Плесси Ришелье, пользовавшийся особым расположением Александра I. Принадлежа к историческому роду, отличаясь благородством и способностями, эмигрировавший в самом начале революции Ришелье по прибытии в Россию участвовал в войне с Турцией, с 1803 г. был генерал-губернатором Одессы и Новороссийского края, много заботился об их благоустройстве. Александр I убедил его принять назначение министром.

По Парижскому договору от 8 ноября 1815 г. Франция понесла весьма умеренные потери и сохранила границы 1790 г.

Для обеспечения уплаты контрибуции в 700 млн франков и охранения спокойствия страны союзными войсками были заняты 17 крепостей в северо-восточных департаментах. Пребывание войск в числе 150 тыс. человек было ограничено пятилетним сроком, который мог быть сокращен.

В Вене завершились переговоры, и 9 июня 1815 г. был заключен мирный договор. Позднее он был несколько дополнен и изменен в соответствии с постановлением Парижского мира от 8 ноября. Россия получила герцогство Варшавское, за исключением Познани, и образовала из него Царство Польское. Галиция осталась за Австрией. Последняя вместо Нидерландов и юго-западных немецких земель получила Тироль с Зальцбургом, в Италии же — Ломбардию и Венецию. Главным приобретением Пруссии на востоке было отделение от Саксонии земель с 845 тыс. жителей. На западе большинство присоединенных к Пруссии земель

(в Вестфалии и Прирейнской области) были населены католиками. Пруссия оказалась разделенной на две части: большую — восточную и меньшую — западную, включая соперничавшие средние и мелкие государства. Англия получила в Европе Гибралтар, Мальту, Ионические острова, как всегда выгадав и заняв господствующее положение в Средиземном море. Она удержала хлопковые округа Нидерландской Индии, отдельные острова в Западной Индии и Иль-де-Франс (остров Св. Маврикия) на восток от Мадагаскара. Франция вынуждена была уступить герцогство Бульонское, крепости Филиппвиль и Мариенбург Соединенным Нидерландам; Саарлуи, Саарбрюкен с окрестностями — Пруссии; левый берег Лаутера с городом Ландау — Баварии, часть Савойи и Ницу — Сардинии. Франции оставили ее завоевания и приобретения до 1790 г. Испания и Португалия остались в прежних границах. Швеция была вознаграждена за отошедшие в 1809 г. Финляндию с Норвегией тем, чтобы оба государства имели одного и того же монарха. Дания за свою преданность Наполеону лишилась некоторых земель. В созданное под скипетром Оранского дома королевство Соединенных Нидерландов вошли старинные Бургундские земли, Голландия и Бельгия. Италия была разбита на несколько государств, в число которых вошло Ломбардо-Венецианское королевство, ставшее австрийской провинцией.

В то время когда в Париже шли переговоры о мире, Александр I решил 29 августа провести парад своих войск. Место для парада он выбрал между Шалоном и Монтмирейленем в долине Вертю, где в 451 г. на Каталунских полях вождь вестготов Аэций остановил нашествие орд Атиллы. Смотр войск обязывал их привести в порядок материальную часть, что было нелегко. Обувь, амуниция и одежда обносились, обновлялись с трудом, а требуемого материала для ремонта не было.

3 августа была заключена конвенция с французским правительством, согласно которой вместо натуральной реквизиции сукна, белья, предметов обмундирования для офицеров и разных мелких вещей для войск была отпущена некоторая сумма денег. Например, 7-му корпусу было отпущено: для нужд офицеров 89 400 франков, а для нижних чинов — 48 тыс. франков. В этом корпусе было около 20 тыс. нижних чинов, на каждого, следовательно, приходилось многим более 2 франков, т.е. по тогдашнему курсу — менее рубля.

В начале августа 1815 г. корпусам был разослан приказ «О имеющем быть у населенного пункта Вертю смотре войск» или, как его тогда называли, ревю. А для этого немедленно с получением приказа войска должны были начать «репертит», сначала побатальонно, затем полками, потом бригадами и наконец дивизиями в пунктах своего расположения. 25 августа к полудню все русские войска должны были сосредоточиться у Вертю; 26 и 27 августа предписывалось опять провести репетицию, а 29 августа предполагалось само ревю. По корпусам была разослана довольно объемистая и подробная диспозиция. Там было предусмотрено все до последнего командного слова. По этой диспозиции ревю разделялось на четыре маневра, т.е. на четыре группы движений. В начале были помещены общие правила, где предписывалось «исполнять все без суеты и неторопливо, ибо в противном случае может сделаться беспорядок». Затем предписывалось «особенное внимание обратить на церемониальный марш, ибо в оном Александр I в подробности узреть может выправку людей и ревность, и прилежность господ офицеров, и смотрение за своими полками господ шефов и командиров». Потом упоминалось о том, что «во всех случаях артиллерия не должна мешать движению пехоты и держаться в тех правилах, которые в диспозиции изложены, хотя для сего и нужно было бы оной остановиться и пропустить мимо себя пехоту» и т.д. Порядок движений, приемов, построений и прочее был разработан весьма подробно.

В строю на смотре было 150 545 человек, в том числе 87 генералов, 4413 штаб- и обер-офицеров и 146 045 нижних чинов.

26 августа по случаю годовщины Бородинской битвы Александр I пожелал провести примерное ревю. Немедленно по прибытии в Вертю войска приступили к чистке, скоблению, зашиванию и прочим манипуляциям, необходимым для приведения заношенных вещей в приличный вид.

Спать не пришлось никому, но зато, как только восходящее солнце окрасило крышу башни на вершине Монт-эмэ, находящуюся посередине Вертю, вся армия была уже выстроена и неподвижно стояла в так называемом боевом порядке, правым флангом к селению Бержер, а фронтом — к высоте Монт-эмэ.

Впереди стояли 3 пехотные корпуса с 21 артиллерийской ротой, расположенные в три линии: на правом крыле — 3-й кор-

пус Дохтурова, в центре — 5-й корпус Сакена, на левом крыле — 4-й корпус Раевского, на флангах пехоты в две линии были построены гусарские дивизии графа Ламберта и Чаплица и при каждой из них — по конной роте артиллерии. За серединой пехоты находилась 2-я Драгунская дивизия генерала Корфа с двумя конными ротами артиллерии, и за нею в резерве находились корпуса: Гренадерский Ермолова и 7-й Сабанеева, расположенные в четыре линии с 16 пешими артиллерийскими ротами. По флангам их стали генерал Винценгероде со 2-й Кирасирской и 2-й Уланской дивизиями и генерал Пален с 3-й Кирасирской и 3-й Уланской дивизиями. У каждого из них было по 2 конных артиллерийских роты. Это построение армии впервые именовалось боевым порядком.

Сигналы для команды подавались выстрелами из орудия, стоявшего на горе Монт-эмэ. По первому выстрелу, возвестившему прибытие Александра I, войска взяли ружье «от ноги», по второму сделали «на караул», раздалось «Ура!», заиграла музыка, застучали барабаны и загромыхали батареи, которые произвели по пять выстрелов беглым огнем. По третьему сигналу войска свернулись в колонны (пехота побатальонно во взводные, а кавалерия — в полковые эскадроны), по четвертому и пятому выстрелам войска построились в огромное каре, три фаса (стороны) которого образовала пехота, а четвертый — кавалерия. Артиллерия разместилась за фаса́ми пехоты. Александр I под крики «Ура!» объехал каре и остановился посередине его. Затем по шестому выстрелу пехота и кавалерия построились для прохождения торжественным маршем. По восьмому выстрелу войска начали движение мимо Александра I церемониальным маршем. Пехотные полки проходили побатальонно, тяжело и глухо отбивая шаг. Плы́вущая над идущими воинами пыль давала возможность видеть только ближайшие к Александру I колонны и барабанщиков с музыкантами, шагающими впереди каждого полка, да и то не везде, так как между шедшими один за другим полками дистанция была только 25 шагов, а между бригадами — 100 шагов.

После пехоты пошла кавалерия шагом поэскадронно на взводных дистанциях. Пешая артиллерия следовала побатарейно за соответствующими пехотными бригадами, конная вся вместе — побатарейно за кавалерией. К Александру I подъезжали только корпусные, дивизионные и бригадные командиры. Пропустив пос-

леднюю батарею, он шагом поехал на Монт-эмэ, и как только он возвратился туда, раздался девятый выстрел, по которому войска построились в первоначальный боевой порядок. По десятому выстрелу армия отдала честь, прогремев троекратное «Ура!» с музыкой и барабанным боем. По одиннадцатому выстрелу был открыт батальонный огонь, т.е. артиллерия сделала по три, а пехота по шесть холостых выстрелов.

Следующие дни, 27 и 28 августа, войска повторяли пройденное, а из Парижа в это время съезжались гости во главе с королем Прусским, лордом Веллингтоном, князем Шварценбергом, принцем Леопольдом Кобургским, императором Францем. Все они приехали с многочисленными свитами. Официально приглашенными из французов были только генерал барон Дамас и генерал граф Сен-При. Кроме того, съехалось множество лиц совершенно не приглашенных, а просто пожелавших видеть русскую армию.

Из окрестностей Шалона, Парижа, Реймса, Труа и других городов прибыло много французов и француженок, которым, впрочем, пришлось перенести по прибытии в Вертю множество неудобств. Дело в том, что Вертю с окрестными местечками километров на 10 вокруг были заняты официальными гостями. Еще 11 августа барон Дибич доносил князю Волконскому рапортом о том, что в самом Вертю возможно поместить только нашу Главную квартиру, а находящееся рядом местечко Бежер надо предназначить для чиновников Главной квартиры. Для союзных квартир можно отвести селения Ле-Мениль, Авиз или Фер-Шампенуаз. В ночь перед смотром все эти селения представляли собой чрезвычайно оживленную картину: горели костры, сутились люди, фыркали лошади, привезшие своих разряженных хозяев на этот общий импровизированный бивак, где более состоятельные провели ночь в своих дормезах, а лишенные такой роскоши — просто под открытым небом. Всего набралось около 10 тыс. зрителей.

В ту же ночь войска опять спали немного, так как даже по официальным сведениям к 3 часам ночи полки должны были быть совершенно готовы к выступлениям с биваков. В начале восьмого часа вся армия неподвижно стояла в том же боевом порядке, на том же месте. Император Александр I со свитой молча шагом выехал из Вертю и, поздоровавшись с войсками, стал во главе строя. Далеко впереди показалась многочисленная группа всадников: это

двигались союзные монархи со свитами. Увидев их, Александр I обнажил шпагу, дал шпоры и поскакал навстречу королю Прусскому, которому представил строевой рапорт, равно как и императору Францу.

Князь Волконский вручил такие же рапорты фельдмаршалам Веллингтону, Шварценбергу и Верде. Множество экипажей и любопытных стеклись к этому времени на Монт-эмэ, где на высоте, у башни, была устроена платформа с перилами, откуда зрители могли любоваться этим величественным, не лишенным поучительности зрелищем. Началось ревью почти в том же порядке, как и в первый раз. По первым сигналам русские войска приветствовали союзных государей во главе со своим государем Александром I троекратным «Ура!». Загремела музыка, батареи сделали по 12 залпов. По следующим трем выстрелам раздались бесчисленные команды, и 150 тыс. человек одновременно двинулись, исчезнув в густых облаках пыли. Когда она улеглась, вместо прежнего боевого порядка взорам предстало одно громадное каре.

Монархи со свитами спустились с горы и объехали все фасы каре, приветствуя войска, которые встречали их громким «Ура!», барабанным боем и музыкой. Монархи ехали все вместе, только лорд Веллингтон с несколькими генералами отстал от общей группы и, медленно продвигаясь по фронту, пристально и внимательно всматривался в русских солдат.

Объехав войска, союзные монархи стали внутри каре, и начался церемониальный марш. Пехота проходила скорым шагом, кавалерия — шагом, пешая артиллерия следовала по частям за пехотными бригадами, конная — за кавалерией. В голове последней находился генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Павлович. Он прошел перед головной бригадой гренадеров. Император Александр I, командуя войсками, с обнаженной шпагой обращался к своим союзникам, называя по фамилии корпусных, дивизионных и бригадных командиров, а также номера корпусов и дивизий, имена полков и т.п. Сам Александр I был в особенности доволен гусарами, уланами и конной артиллерией.

Австрийский император и король Прусский были в русских мундирах и все время о чем-то разговаривали между собой и с Александром I. По окончании церемониального марша войска построились в первоначальный боевой порядок, затем взяли на

караул, барабаны ударили поход, во всех полках заиграла музыка и вместе с троекратным «Ура!» офицеры и знамена отдали честь государям. Наконец по последнему сигналу раздался артиллерийский беглый огонь. По словам одного историка, «поколебалась вся окрестность» и войска «скрылись в густых облаках пыли и дыма, затмивших солнце».

С последними выстрелами высокие зрители начали разъезжаться. Только молчаливый лорд Веллингтон, облокотившись на перила ограды, оставался неподвижно погруженным в какие-то мысли. Для историков осталось тайной, о чем он думал. Известно только, что Александр I, заметив его задумчивость, тронул его за руку, Веллингтон вернулся к действительности и начал расточать похвалы нашим войскам. На это Александр I отвечал: «Всеми, что Вы здесь видите, я обязан моим союзникам и противникам...» После этого они вместе отправились в Вертю.

30 августа в торжественный день тезоименитства Александра I русские войска у Вертю молились о здравии и спасении своего Государя Александра I.

На равнине против высоты Монт-эмэ поставлено было на платформах шесть походных церквей в больших шатрах: три для 3-го, 4-го и 5-го пехотных корпусов, четвертая для 7-го пехотного корпуса и 2-й Драгунской дивизии, пятая для 2-й Кирасирской, 2-й Уланской и 2-й Гусарской дивизии и шестая для 3-й Кирасирской, 3-й Уланской и 3-й Гусарской дивизии. Перед войсками на Монт-эмэ возвышалась седьмая церковь для самого Александра I и для Гренадерского корпуса.

Войска расположились кругом каждой церкви, по трем фасам, оставляя свободным четвертый фас, обращенный к Монт-эмэ. В шатрах могли поместиться только генералы и штаб-офицеры, а обер-офицеры оставались во фронте вместе с солдатами.

Во время смотров у Александра I были обеды, происходившие в саду, приведенном в несвойственный ему вид специально для приемов «славыным архитектором Фонтаном». В первый день угощали иностранных посетителей, во второй – русских корпусных и дивизионных командиров, а в третий были приглашены все генералы, командиры полков, артиллерийских рот и корпусные оберквартирмейстеры. Сам Александр I, соизволив принять участие в этом обеде, разговаривал со многими генералами и штаб-офице-

рами исключительно по-русски, благодарил их за усердную службу и называл своими сподвижниками.

После смотра Александр I отдал следующий приказ: «Измена и коварные замыслы врага всеобщего покоя привели вас, храбрые воины, опять на те поля, где год с небольшим перед сим одержали вы победу над неприятелем и по пятам его проложили себе путь к Парижу. Благодарение Всевышнему, храбрость ваша, всему свету известная, не имела нового испытания, ибо меры, предпринятые союзными державами, вообще противопоставили оплот дерзости Наполеона Бонапарта прежде, нежели вознадобилась помощь ваша на поле битвы, и сам он, наконец, достался в плен; но тем не менее вы быстрым переходом от Днепра и Двины к Сене показали, что спокойствие Европы не есть чуждое для России дело и что, невзирая ни на какое расстояние, вы по гласу Отечества и Царя готовы явиться везде, где должно побороть правде. Отпуская теперь вас в любезное Отечество, приятно мне изъявить вам, сослуживцам моим, благодарность за усердие ваше и за ту исправность, каковую нашел я при осмотре рядов ваших на полях Шампани. Смотри сей, где в глазах союзных государей и полководцев их оспаривали друг друга полки и артиллерия в устройстве, движениях и исправности одежды и амуниции, останется навсегда памятником вашим. Благодарю также вас за сохранение строгой дисциплины и за доброе поведение в иностранных землях, которому отдают справедливость сами обыватели.

Главнокомандующему армией генерал-фельдмаршалу князю Барклаю-де-Толли за таковое устройство предводительствуемых им войск объявляю особенное благодарение мое; равно корпусным командирам, генералам Дохтурову, барону фон дер Остен-Сакену, Раевскому, барону Винценгероде, генерал-лейтенантам: начальнику главного штаба армии барону Дибичу, начальнику артиллерии князю Яшвилю, командирам корпусов: Сабанееву, Ермолову и графу фон дер Палену, всем господам генералам дивизионным, бригадным и состоящим при дивизионных начальниках, также полковым и ротным командирам, всем штаб- и обер-офицерам и нижним чинам.

Да сопутствует вам благословение Предвечного на возвратном шествии вашем и мощная десница Его, сохранив вас от зол, войною наносимых, указывает вам ныне путь в недра семейственные.

Восчувствуем благость его к себе, помня беспрестанно святой закон Его и что милосердие Божие везде нам было помощью, ибо всегда возлагали все упование наше на Него».

Выступление войск в Россию было назначено на 31 августа, за исключением 27-й пехотной дивизии, которая выступила 1 сентября.

Интересны следующие данные о войсках и их подготовке к маршу, а главное — об их моральном духе. Всего в обоих корпусах с дивизией числилось по списку 54 955 человек (с офицерами) и 13 163 строевых лошадей. За время движения к Вильне и нахождения там, т.е. около четырех месяцев, в госпиталях числилось всего 251 человек, бежало 97 человек и умерло 46 человек.

РОССИЙСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ КОРПУС ВО ФРАНЦИИ

По решению Александра I во Франции оставался оккупационный корпус, и в довольно шекотливом положении: французы были не особенно расположены к этим 30 тыс. лишних ртов. Король же чувствовал себя на троне неуверенно, боялся всего, держал народ в напряжении ежедневными известиями о побегах, поимках и казнях известных народу и часто достойных людей и держался за оккупационные войска, казавшиеся ему якорем спасения. Поэтому командир оккупационного корпуса должен был обладать большим тактом, чтобы не обозлить ту или другую сторону. Вместе с тем он должен был иметь и сильный характер, чтобы вовремя отстоять интересы подчиненных и не уронить какой-нибудь слабостью достоинство своего народа. Кроме того, он должен был быть человеком кристально честным, так как, находясь за тысячи верст от Отечества, мог при тогдашних порядках злоупотреблять людьми и материальными средствами. Поэтому казалось, что выбран должен быть один из многообещающих и многочисленных иностранных генералов. Однако Александр I назначил командиром оккупационного корпуса молодого генерал-адъютанта графа Михаила Семеновича Воронцова. Выбор действительно был очень удачен, несмотря на то, что самому избраннику было всего 33 года.

Воронцов родился 19 мая 1782 г., на службу был зачислен 20 октября 1786 г. каптенармусом Преображенского полка всего четырех лет от роду. В 1801 г. он был уже произведен в поручики, в 1809 г. — назначен командиром Нарвского пехотного полка, а в 1815 г. был начальником 12-й пехотной дивизии. Несмотря на такое головокружительное производство, граф Воронцов был не только баловнем судьбы и придворным, но и дельным и опытным

офицером. Уже с 1802 г. он участвовал во всех наиболее трудных делах на Кавказе и потом воевал во всех Наполеоновских войнах за исключением 1807 г. Он получил прекрасное по тому времени образование в Англии под руководством своего отца и, несмотря на то что писал правильнее по-английски и по-французски, чем по-русски (что, впрочем, было свойственно большинству дворян того времени), чувствовал совершенно по-русски, а убеждения его, деятельность и любовь к родине делали ему честь.

С этими качествами он соединял еще удивительную ловкость, такт и, выражаясь словами поэта, умел «осторожно сердца привлечь и разгадать». Человек он был в высшей степени гуманный, что по тогдашним понятиям могло даже дать повод к подозрениям и обвинениям в неблагонадежности. Последние черты вместе с мнениями его о службе и отношениях к подчиненным довольно ясно высказываются в дружеском письме генералу Сабанееву: «Ты пишешь, что на мою дивизию в Бреславле жаловались и что, будто отнимая волю у офицеров наказывать солдат, я оных даже избаловал». Затем далее: «Фельдмаршал, который ехал за моею дивизией до самой Праги, везде спрашивал и везде там слышал об нас похвалы, так что он нас дважды благодарил. Потом он высказывает свой взгляд на провинность подчиненных и настаивает на необходимости резкого разграничения взысканий за проступки и за преступления: «что до меня касается, я за это верно гораздо строже многих наших товарищей наказываю: за всякий разбой или кражу у меня гонять сквозь строй неминуемо; что я не позволяю офицерам бить солдат за учение или без учения, что по своевольству, это правда; но не вижу, отчего это вредно.

За настоящие преступления мало в пропорции наказывают. Солдат, который ждет равно наказания за разбой и за то, что он не умел хорошо явиться вестовым, привыкает думать, что грехи эти суть равные... В одном полку так вошло в приятную привычку драться, что два капитана, рассердившись на прапорщика, дали ему двести палок, и когда я за это взялся, то прочие офицеры хотели спасти сих двух капитанов и уверили меня, что один из них лучший офицер в полку, когда оказалось совсем наоборот... То, что я завел теперь в целой дивизии, уже пять лет в Нарвском полку делается, и я ручаюсь, что оный полк еще смирнее прочих стоит на квартирах; напротив того, больше шалит 6-й Егерский, где Глебов бивал

до смерти без разбору и часто без причины... Я всегда в себе думал, что ежели по долгому опыту найду, что военная служба без пустого и без резонного бесчеловечия существовать не может, то я в оной не слуга и пойду в отставку».

Как смотрел граф Воронцов на тогдашнюю муштру, на разные «экзерциции» и вообще на требования обучения войск, можно представить себе из его письма к Маевскому от 16 мая 1815 г. из Ландштуля: «Теперь у меня к Вам имеется просьба. Нас все пугают смотром Государя. У нас плохо знают мелкие штуки парадные, которые, однако, нужны, как то: как держать шпаги, где стоять унтер-офицерам во взводах и полувзводах, где стоять барабанщикам и пр. Не можете ли Вы мне прислать на три или четыре дня офицера, который бы все это твердо узнал в Варшаве и моим полкам бы это показывал?» Как видно, граф Воронцов отличался большим свободомыслием и пренебрежением к «штукам парадным», но знать их он, безусловно, был обязан.

Александр I утвердил дислокацию войск корпуса. Корпусная квартира расположилась в крепости Мобеж, считавшейся крепостью больше по прежним годам. Там, правда, были какие-то захудалые валы, заросшие травой и ни к чему не годные, у подножия которых живописно извивалась река Самбра. Сам Воронцов жил в каменном двухэтажном доме, стоявшем посреди густого сада.

Штаб 9-й пехотной дивизии и командир дивизии генерал-лейтенант Удом разместились в Живэ, где находились также квартира 3-й бригады и штаб 38-го Егерского полка, а штаб 10-го Егерского полка располагался в Фюмэ.

1-я бригада квартировала в Авене, а полки Нашебургский и Апшеронский — в Солр-ле-Шато и Авен. 2-я бригада квартировала в Рокруа, имея Рязский и Якутский полки в окрестностях, 12-я пехотная дивизия под командованием генерала Лисаневича имела штаб в Мобеже, где находились также бригадная квартира 1-й бригады и штаб Нарвского полка. Смоленский полк имел его в Барэй. 2-я бригада со штабом Алексопольского полка находилась в Ландресси, а штаб Новоингерманландского полка — в Солеме. 3-я бригада со штабом Егерского полка была расположена в Ле-Като, а штаб 41-го Егерского полка — в Клари. Штаб-квартира 3-й Драгунской дивизии под командованием генерала Алексеева разместились в Вузьере.

Офицеры имели право пользоваться квартирами бесплатно по отводу, но многие предпочитали платить деньги, занимать лучшие дома в местечках и, имея в виду продолжительное пребывание там, перекраивали эти дома на русский лад. Так, большинство устроили в окна двойные рамы, завели настоящие русские печи, понаделали лежанки и палаты, а некоторые даже выстроили бани. В то же время граф Воронцов приказал сделать съемку всего района, занятого нашими войсками. Эти съемки продолжались около двух с половиной месяцев, одновременно с этим на большей части дорог отмеривались версты, которые и отмечались полосатыми столбами. Французам, конечно, не особенно нравилось, как «эти черти русские» хозяйничали в их стране, тем более что еще три года назад большинство французов были убеждены в том, что Смоленск находится во Франции.

Пока в корпусе происходили все эти события, наша армия возвращалась в Россию и шла по Германии, не видя не только торжественных встреч, триумфальных арок и благодарности, но даже и самых крайне необходимых удобств. Выехавшие на спине русских немцы постарались поскорее забыть это недоразумение и вели себя так, как будто русские были обязаны им своим существованием, как будто они делали русским честь, соглашаясь сражаться бок о бок с ними. По этому поводу из ряда архивных воспоминаний можно привести довольно характерное письмо генерала Сабанеева Воронцову из Эссельбаха от 12 сентября 1815 г. «Представить себе не можешь, любезный друг, какая перемена в обхождении немцев с нами, особенно баварских подданных. Беспрестанные жалобы, грубость неслыханная и всякие притеснения... Увидим, что будет в Саксонии и Пруссии. К несчастью, заурядный корпусной командир мой, да и само главное дежурство армии взяли себе за неперемное правило не делать ничего для выгод армии и все только для жителей. Лишняя подвода есть уже криминальное преступление; словом, нежим всяких немцев и забываем своих русских...»

Впрочем, не только у себя дома, не исключая Саксонии и Пруссии, немцы проявляли самые отвратительные свойства своего характера. В начале декабря 1815 г. граф Воронцов писал своему отцу: «Мы занимаем пять крепостей; из этого числа, я полагаю, в их теперешнем состоянии только Шарлемон может быть назван крепостью. Остальные были заняты пруссаками, которые увезли всю

артиллерию и разрушили все, что не могли увезти с собою. Жители Нанси очень сожалели о нашем отъезде; они привыкли к нам, и настоящее присутствие там баварцев заставляет их еще больше ценить наше поведение».

Пока русские войска размещались и занимались разными хозяйственными работами, пришла зима, и надо было подумать, чем занять войска. Воронцов отдал приказ: «С наступающим зимнем временем всякие учения и маневры корпуса прекращаются; неудобность по теперешним квартирам собираться и необходимость особливо для “здоровья” удерживать войска в трудах и движениях побуждают меня предписать по корпусу делать еженедельные по два раза походные движения по полкам, батальонам и ротам, смотря по расположению сих частей, и на дороги, их соединяющие. Прошу господ дивизионных и бригадных командиров ныне же приступить к исполнению приказа, наблюдая притом следующие правила: 1) все движения делать в полной амуниции; 2) в шинелях никак и ни в каком случае не ходить, а иметь оные, скатанные по положению; 3) при той части, которая соберется вместе, все штаб- и обер-офицеры и штабные чины к оной принадлежащие, непременно должны находиться при своих местах, как и в действительных походах; 4) есть места, как Живе, Авень и Мобеж, где можно с удобностью раза два или три в месяц собирать для сего движения до трех батальонов из одной бригады; в таком случае сам бригадный командир идет с оными для надзора всего предписанного; 5) марши делать не менее 15 и от 15 до 25 верст; 6) так как по всем главным дорогам в кругу нашего распоряжения попечением Свиты Его Императорского Величества штабс-капитана Цветкова поделаны каменные столбы, означающие версты, то движение преимущественно делать по сим дорогам, причем замечать в каждой части, сколько люди делают верст в час, и сему вести особую записку; 7) по правилам бессмертного Суворова после каждых 10 верст делать привал, смотря по усталости и погоде, от получасу до часу.

На подходе идти вольно, весело и живо. Передним идти своим шагом и задних не поджидать, задним же не бежать вдогонку, идти большим вольным шагом. Когда шаг везде ровен и широк, то и причин мало, чтобы отставать. Впрочем, надеюсь, что господа дивизионные и бригадные командиры не упустят во всех необходимых случаях употреблять их распоряжение и наблюдают для правиль-

ного исполнения сего приказа, особливо более нужного для того, чтобы избежать влияния на людей перемены воздуха или погоды и особливо — образа жизни».

Занятиями в оккупационном корпусе утруждали не особенно. Закревский писал Воронцову, что «у Вас пехота и драгуны будут отличные, ибо не так часто учатся, как у нас, следовательно, с охотою, да сверх того жалование и содержание славное и роптать не на что...». Тем не менее хотя 9-я и 12-я дивизии удостоились высочайшего одобрения под Вертю, но и там же было замечено довольно много пробелов в выправке, и даже сам Воронцов писал, что «после Высочайшего замечания на счет носков, господа начальники войск усугубляют старание свое сие исправить». Но, как будет видно далее, исправления эти осуществлялись довольно медленно. Все внимание корпусной командир обращал на линейные учения; он приучал войска к одинаковому шагу, к равнению и соблюдению дистанции между батальонами.

Что касается содержания войск, то оно только внешне казалось хорошим. Содержание это, получаемое от французского правительства, было ежегодно на 4 млн меньше, чем прочим союзным войскам.

Граф Воронцов правильно предполагал, что этого содержания будет недостаточно и прибегал к всевозможным методам, чтобы рядом с английскими войсками выглядеть более-менее прилично.

Выписывая некоторые вещи из России, большую часть, например, верхнее обмундирование, приходилось делать все-таки из заграничного материала. Для его поставки граф Воронцов ввел пользование подрядами, которые заключал после официальных торгов по публикации, не делая из этого государственной тайны, а главное — аккуратно уплачивая деньги и даже возвращая залоги по исполнению подряда, что не совсем согласовывалось с обычаями того времени. Такими необыкновенными мерами он приобрел доверие и уважение поставщиков, и приблизительно с осени 1816 г. солдаты были одеты в обмундирование, сшитое из лучших английских и французских сукон.

Тем не менее положение русских войск по сравнению с прочими было не блестящее. Жалование, например, было столь незначительно, что солдаты не могли купить себе необходимые вещи: мыло, соль, муку и пр. Командир корпуса Воронцова представил

приведенное обстоятельство преемнику Талейрана и с помощью герцога Веллингтона и графа Капо де Истрия склонил его к выдаче войскам сверх положенного по трактату помесечно некоторой суммы денег. Позднее Воронцов умудрился не только снабдить солдат всем необходимым, но даже удовлетворял жителей за понесенные ими убытки от учений, маневров, что не замедлило оказать благотворное влияние на их отношение к русским.

Труды и заботы Воронцова не пропадали даром: принося пользу подчиненным, он приобретал себе уважение и признательность соотечественников. 1 января 1816 г. Закревский писал: «...Насчет попечения Вашего о корпусе и сделанной Вами оному выгоде я лично слышал от Государя, что он всеми распоряжениями Вашими доволен и надеется, что корпус не избалуете...» Вообще в 1816 и 1817 гг. в Петербурге и Москве в высших сферах много говорили о графе Воронцове, восторгались его умом, обходительностью, порядительностью. В письмах, например, такой прямой человек, как генерал Ермолов, называет его не иначе, как «милейший друг и удивительнейший из человеков». Закревский пишет: «Удивляйте и дальше скромностью, как до сего времени делаете, то, наверное, всех обворожите...» Даже немцы ладили с Воронцовым, что можно понять со слов генерала А.П. Ермолова: «Ты немецкому племени важную оказал услугу и в главной колонке, конечно, воздается тебе благодарность. Ты поднес букет и прекрасному немецкому полу. Ты взял Барклая со слабой стороны. Со всем тем, однако же, не возвратишь прежней его нежности, хотя и пинешь Алене Ивановне разные сладости...» Затем далее: «Брата Михаила оценили и по ловкости. Уверяюсь, что нужна была твоя невинность! Корпус у тебя славный и в руках твоих заставит почитать не одну храбрость русских, ты познакомишь французов и с другими нашими свойствами. Хорошо, однако же, что ты ограждаешь молодежь нашу от прелестей француженок и мешаешь им жениться. Остерегись, чтобы старые матушки и бабушки не проклинали имя твое, если возвратись, не все вы тотчас женитесь...»

Воронцов действительно заботился и о том, чтобы «заставить почитать русских», и, несмотря на свое образование и гуманность, несмотря на привычку писать свои дневники по-французски и по-английски, он для этого прибегал к таким мерам, на которые тогда решился бы не каждый. Для примера можно привести

хотя бы следующий случай, имевший место в 1816 г.: враждебное настроение некоторых французов к русским изменилось не сразу, и действия эти довольно медленно сходили на нет, переходя от нападения партиями к нападениям отдельных лиц, всяким придирам, пасквилям и т.п. По окончании полагалось, чтобы пойманные провинившиеся французы выдавались и наказывались своим правительством, но французские суды оказывались в этих случаях очень пристрастными, и виновный редко подвергался заслуженному наказанию. Воронцов долго терпел и только ожидал подходящего случая для решительного поворота дела. Наконец случай представился: французский трибунал умышленно выпустил из-под стражи одного таможенного чина, судившегося за убийство исподтишка нашего казака. К тому же трибунал уведомлял Воронцова, что убийца осужден. Узнав об этом двойном обмане, Воронцов решил покончить с таким неестественным положением дел. Жаловаться было некому. Тогда на свой страх Воронцов объявил французскому правительству, что он, вопреки конвенции, должен будет «почитать себя на военной ноге и всякого виновного наказывать сам».

Между тем на «ногу» Воронцова из Парижа отвечали, что всем подобает «следовать конвенции». Тогда в ответ на это Воронцов написал довольно резкое письмо, где указал, что только Высочайшее Государя Императора повеление может ввести его под положение конвенции. В это же время какой-то злоумышленник убил русского солдата-артиллериста. Виновник немедленно был схвачен и расстрелян. «Сие столь подействовало, — писал в отчете Воронцов, — что вслед за им следовало из Парижа удовлетворительное исполнение моего настояния, и тем прекратилось временное несогласие, подобного коему более уже не случалось. С тех пор судьбы показывали нам не токмо беспристрастие, но даже усердие».

Между русскими войсками и населением установились довольно мирные отношения, которыми не могли похвастаться баварцы, пруссаки и англичане. Русские солдаты относились к французам добродушно, просто, но изредка показывали свое превосходство победителей безобидным подшучиванием, никогда не прибегали к другим мерам для подчеркивания своего положения. Русский человек со скрытой иронией смотрел на какую-нибудь французскую хитрость, без которой его отцы обходились сотни лет, точно так же

относились русские солдаты к существовавшему тогда во Франции общественному порядку. Многие не одобряли его, и нередко можно было услышать такую фразу: «Где уж тут быть толку, когда и мужик — мусью и царский брат — мусью!»

Постепенно русские солдаты и офицеры стали постигать и больные места французского правления и политики и даже позволяли себе критиковать и то и другое открыто. Неудивительно, что симпатии многих офицеров и солдат стали разделяться. Одни, хотя их было мало, хвалили французские порядки. Большинство их ругало. Современники пишут, что можно было иногда слышать и споры в таком роде: «Ну что твой Людовик, хорош гусь! Ну на что он похож? Ведь наш Государь посадил его на престол и велел французам его слушаться, а без того они на него и глядеть не захотели. То ли дело Бонапарте! Вот уж молодец — целый свет заставил плясать под свою дудочку...» Тогда собеседник, очевидно, человек менее «героического» направления мыслей, иногда отвечал: «Али тебе жаль, что он мало жег, резал и грабил нашу матушку Рассею? Разве ты забыл, что мы по милости батюшки Дизвитова [так называли короля] славно живем? Он нас поит и кормит? Тот был больно прыток, везде рыскал; а мой-то Людовик себе на уме — сидел у моря да ждал погоды: вот и дождался — теперь царствует, благоденствует... А где твой Бонапарте, скажи-ка? На море-океяне, на острове Буяне, как бык печеный ест чеснок толченый...»

Подобные разговоры происходили не только между солдатами или офицерами, но даже между ними и жителями. Что это не вымысел современника, можно убедиться из одного приказа графа Воронцова. «Я получал от некоторых жителей жалобы, что из стоящих у них наших воинских чинов многие в разговорах хвалят Бонапарте, хулят теперешнее правительство. Я им, разумеется, отвечал, что сие не может быть иное что, как шутка, коими наши, стоя иногда у людей приверженных к королю, хотят может быть отомстить за дурное обхождение хозяев и что никакой русский не может предпочесть лютого разорителя Москвы почтенному и благородному королю, ныне здесь премудро управляющему. Впрочем, даю на замечание, что и шутки в сем случае неприличны, ибо кроме известной на то Высочайшей воли одна любовь к Отечеству; сие чувство столь сильное в грудях наших, должна оставить навсегда у нас ненависть к памяти изверга, который покушался разорить

Россию и который, будучи поддерживаем почти всею Европою, успел бы в своем намерении, если бы не нашел у нас царя и народ, недоступными ни страху, ни прельщению».

Вообще нельзя сказать, чтобы командир корпуса смотрел слишком благодушно на поведение своих подчиненных; наоборот, иногда он бывал неумолимо строг. Предвидя, что квартирование в обывательских домах неизбежно повлечет сближение русских офицеров и солдат с французами, что не всегда могло принести пользу, он старался вообще отделять их и не давать поводов к особенно близкому соприкосновению с обывателями. С этой целью большинство частей переходило к казарменному порядку в деревнях, а иногда нарочито строились большие дома, в которые старались поместить всех квартирующих в одной деревне солдат. Сначала Воронцов беспокоился, что такое размещение повлечет за собой большую болезненность, но результаты были благоприятны.

Воронцов не был чересчур мягок с подчиненными, а в Петербурге думали, что он даже слишком строг. Так, Аракчеев писал Воронцову: «Замечаем из Ваших приказов, что много гонят сквозь строй нижних чинов за неважные преступления, за которые можно бы было наказать палками; сие может сделать дурное впечатление в войсках, ибо всяк солдат, наказанный шпицрутенами, теряет по службе все привилегии и уважение, которые заслуживаются долговременной службой...» Но дело в том, что тогда «важные» и «неважные» преступления понимались каждым по своему, да и Воронцову нужно было держать войска в повиновении. Несмотря на приведенное о нем мнение, в Петербурге подчиненные боготворили Воронцова.

По словам современников, он составил «дружину» из преданных ему душой людей. Для них он имел непогрешимость, он не мог сделать ничего несправедливого или неискусного, ничего сказать неуместного. Прибегая к строгим наказаниям, он следовал немногим, но определенным требованиям, которые русским солдатам были первоначально малопонятны. Он хотел только, чтобы, возможно, строже наказывали за большую вину, «дабы оставить сильное различие в уме солдатском» и чтобы всякое телесное наказание, как бы оно мало ни было, производилось публично, непременно было внесено в особо заведенную в полках книгу.

Действительно, меры эти были по тем временам правильными. Солдаты почувствовали разницу между проступком и преступлением. Воровство почти вовсе искоренилось, хотя строжайше было запрещено за него наказывать. При соблюдении во всей строгости военных законов солдаты, делая сравнение с соседними иностранными войсками, увидели, что служба у них ничем не легче. Например, в английской армии телесные наказания применялись даже чаще, чем у нас.

Однако положение графа Воронцова в глазах Александра I постепенно распатывалось. Оно подтачивалось мелкими сплетнями и клеветой завистников и подхалимов, неминуемо сопровождающих большую часть выдающихся людей.

Воронцов был очень энергичным и гибким человеком, не стеснялся говорить правду, не боялся громко высказывать свои взгляды на современные явления и требования на многое как в государственной, так и в военной системе. Он не любил и не понимал «мелких штук парадных», им свой корпус не обучал. Он стремился улучшить нравственный уровень подчиненных и строго преследовал всякое упущение по этой части. Он ревниво оберегал достоинство как армии, так и каждого отдельного офицера и солдата. Он старался никогда не выходить за рамки законности, но это обернулось против него, так как тогда многие твердо держались мнения о том, что закон нужен для того, чтобы его обходить.

Желая наказывать действительно виновных, он разочаровался в существующих порядках и резко принялся их ломать. В его «Замечаниях о производстве» можно встретить довольно любопытную фразу: «Часто разбирательства делались потому, что велено бывает разбирать дело, которое совсем не исследовано и никем не представлено. Тогда вместо суждения, виноват или нет человек в том, в чем его обвиняют и какое ему следует наказание, наказывающий должен сам изыскать вину и доказательства. Что совершенно противно смыслу и словам всех законов». Или еще: «Наказывающий должен знать законы, а когда такового нет, то о том командир должен донести начальству и дожидаться разрешения».

Забываясь о поддержании человеческого достоинства среди солдат, Воронцов тревожился и об их быте. Сам тщательно смотрел за этим и с начальниками, виновными в нарушении его требований, не церемонился.

Эти действия Воронцова совершенно не соответствовали тогдашним нравам, царившим в армии. В Петербурге они оценивались и толковались как проявления зловредного «вольного духа», от которого был один шаг до «якобинства».

Толки эти нашли еще более прочную почву для себя тогда, когда стало известно стремление Воронцова распространить грамотность между офицерами и солдатами. Как известно, в военной среде того времени грамотность была не в почете. Не только рядовые, но и фельдфебели были неграмотны. Приказано было первоначально завести в полках школы, к преподаванию были привлечены офицеры и полковые священники.

Воронцов в отчете в Петербург писал, что принятые меры принесли пользу: в короткое время число безграмотных нижних чинов сократилось. Воронцов тогда же обстоятельно докладывал в Петербург князю Волконскому о мерах и предметах, необходимых для заведения таких же школ во всей армии и даже в России. На это он предлагал передать первоначально собранные им 100 тыс. франков.

Донесения эти укрепили мнение о «якобинском» образе мыслей Воронцова. Этому отчасти способствовали и другие обстоятельства. Так, прежде солдаты, будучи за границей, никогда ни с кем не переписывались главным образом потому, что письма почти всегда пропадали. У Воронцова же почтовое дело было приведено в более приличное состояние, а грамотность дошла до того, что за 3 года в Россию было отправлено более 20 тыс. писем. В них офицеры и солдаты писали о своей жизни во Франции.

Очень характерной представляется причина, навлекшая немилость на школы. Они подрывали коммерческую деятельность действующих органов народного образования и тем вызывали недовольство.

Император Александр I вначале интересовался и даже поддерживал эти школы, но под влиянием окружающих тоже стал относиться к ним с недоверием. В дальнейшем во время волнения в Семеновском полку его приближенные были убеждены, что «тут было внушено чуждое, но не военное», приписывая его действию тайных обществ и влиянию заграничных школ.

В 1817 г. было решено уменьшить общее число оккупационных войск союзников, и от русского корпуса решено было отос-

лать в Петербург Апшеронский и 38-й Егорьевский полки. Ходили слухи, что в Апшеронском полку во Франции произошла какая-то история. Известно только, что командиром этого полка был тогда граф де Полиньяк, чистокровный француз, неизвестно каким образом попавший в командиры русского полка, ему абсолютно чужого и неинтересного. По этому поводу Закревский писал Воронцову о том, что он хорошо сделал, посылая офранцузившийся Апшеронский полк в Россию, где солдаты исправятся при хорошем полковом командире.

Немедленно по прибытии обоих полков в Петербург князь Волконский произвел им смотр, результаты которого вызвали оживленные разговоры. Волконский и присутствовавшие генералы пришли в ужас от представившегося им зрелища. Говорили, что если бы их увидел сам Государь, то или реформировал бы полки, или прогнал их с глаз долой.

Чтобы приготовить эту бригаду к царскому смотру, который должен был состояться приблизительно через месяц во время предстоящих маневров, немедленно наводнили ее офицерами, унтер-офицерами и ефрейторами из гвардии и поручили «приучить полки к здешнему порядку» специалисту по этому делу генерал-майору Бистрому.

Самому же Воронцову было дано предписание, где ему приказывалось вменить в обязанность командирам «дабы они держались твердо уставу военному», а в конце прибавлено было, «что ежели и в прочих полках корпуса есть подобные ошибки, объясненные в приложенной к сему ниже записке, то также не худо приказать бы оные исправить и впредь не повторить».

Вся эта история сильно повлияла на самолюбие Воронцова. Он стал говорить, что замечает недоброжелательное к себе отношение, что ему «никак нельзя более служить». По этому поводу существует интересная переписка, в которой на Воронцова сыплются комплименты, как из рога изобилия. Одни прямо укоряли Воронцова за то, что он при своем уме «решается на такие поступки, не подумавши». Другие хвалили и восхищались: «Не Вам служба нужна, но Вы — Отечеству. Вы и все в России благомыслящие люди знают, что у нас Воронцовых немного». Тем более что великий князь Михаил Павлович, специально посланный в начале 1818 г. для инспекций корпуса, остался виденным доволен.

Воронцов решил дотянуть командование до конца, который к счастью пришел довольно скоро. На Ахенском конгрессе решено было ограничить срок пребывания оккупационных войск на два года, т.е. три года вместо пяти.

С конгресса Александр I отправился в Мобеж, где смотрел корпус и был очень милостив к Воронцову. 13 октября Воронцов дал блестящий бал, на котором присутствовали и иностранные высшие чины. На этом балу он удостоился чести получить ордена Св. Владимира 1-й степени и орден Св. Людовика.

15 октября Александр I отдал приказ корпусу, согласно которому войска должны были возвращаться в Россию двумя колоннами. Левая, состоящая из сводной Драгунской дивизии, 12-й пехотной дивизии с артиллерией, жандармской команды и команды артиллерийского депо, должна была двигаться на Ахен и Кассель под личной командой графа Воронцова. Первая — из полков и артиллерийских рот 9-й пехотной дивизии и 2 казачьих полков — двигаться на Мангейм и Бамберг под командой генерал-майора Удома.

Приказ этот был исполнен. Сам граф Воронцов за день до выступления сдал командование корпусом генерал-лейтенанту Алексееву и сразу же уехал в Париж. Многие искали в этом поступке какую-то тайную причину, говорили про немилость Александра I, про интриги Ожаровского, Потоцкого и др.

Но дело объяснялось просто: Воронцов был холост и последние годы стал серьезно помышлять о женитьбе. В Париже он познакомился и увлекся молодой графиней Браницкой, которой и сделал предложение, а через некоторое время сыграл свадьбу.

Об отношении населения Франции к уходящим русским войскам и Воронцову можно судить только по некоторым фактам. Жители Мобежа, Като-Камбрези, Авена, Валаньенна выбили медаль с изображением Воронцова и изъявлением ему благодарности. От корпуса Воронцову был преподнесен громадный кубок.

Ровно полгода шел корпус в свое Отечество — Россию. 15 февраля 1819 г. по прибытии его в Царство Польское на имя генерала Алексеева был получен приказ Александра I. В нем предписывалось корпус расформировать. Вся 12-я дивизия распределялась в 14-ю, 7-ю, 6-ю и 26-ю дивизии, а 9-я — в 10-ю, 16-ю и 17-ю дивизии.

Так тихо и незаметно окончилось пребывание во Франции русского оккупационного корпуса. Но эти тишина и незаметность были иллюзорными...

Судьба Воронцова сложилась вполне благополучно. С 1823 г. он был в должности Новорижского генерал-губернатора и наместника Бессарабской области, с 1824 г. — Кавказским наместником и главнокомандующим. Он стал Светлейшим князем и фельдмаршалом.

СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ

Незадолго до своего отъезда из Парижа Александр I составил Акт Священного союза. В его редактировании приняли участие А.С. Стурдза и граф Каподистрия. Как известно, «Договор братского христианского союза», задуманного Александром и названного Священным союзом состоял из трех статей, по которым союзники обязывались: 1) пребывать соединенными неразрывной братской дружбой, оказывать друг другу помощь и содействие, управлять подданными своими в том же духе братства для охранения правды и мира; 2) почитать себя членами единого христианского народа, поставленными Провидением для управления тремя отраслями одного и того же семейства; 3) пригласить все державы к признанию этих правил и к вступлению в Священный союз». 14 сентября 1815 г. в Париже Акт Союза был подписан.

Ученые, глубоко изучавшие Акт, приходили к противоречивым заключениям. В глазах историка Ж. Пиренна Священный союз был «просто алтарем для русской политики. Царь пытался заменить четверной альянс мировым альянсом». Историк Грюнвальд опровергает такой подход. Он считает, что усердие, с которым русский государь работал над созданием Священного союза, было вызвано «искренним порывом». Александр I был «истинным рыцарем Священного союза, его вдохновителем, творцом, а, возможно, и единственным убежденным защитником». Историк Буркен пошел дальше: «Царь считал Наполеона Антихристом, а спасителем, который восстановит на земле царство Божие, будет “человек с Севера”, как предсказал Иов, следовательно, он и есть Избранник Божий!..»

Австрия, Пруссия, Франция, Норвегия, Испания, Пьемонт, Королевство обеих Сицилий, Нидерланды, Дания, Саксония, Бавария, Вюртемберг и Португалия, а затем Швеция и малые гер-

манские государства присоединились к Союзу. Однако Папская область, Англия, Америка и Порта по разным причинам отказались поставить свою подпись под пактом. Его Святейшество — из-за того, что католицизм несовместим с надконфессиональным христианством, которое проповедовал царь; король Англии — в силу своей конституционной неправомочности; султан — потому что видел в пакте призыв к новому крестовому походу.

Стремясь положить конец пересудам и слухам, участники Союза опубликовали Акт в начале 1816 г.

Позднее Меттерних оценил его как «ничтожную болтовню», «гору бессмыслиц», «голый и пустой остов», а Генц — как «политическую недействительность».

Еще в 1804 г. Александр I говорил о нем Питту. Черпая вдохновение в «Проекте постоянного мира» аббата Сен-Пьера и в «Гении христианства», Шатобриана царь сам написал проект договора, хотя, несомненно, он испытал на себе влияние пиетизма.

Через несколько дней после опубликования Акта Александр I выехал из Парижа в Польшу. Генерал Данилевский отмечал в своем дневнике, что по дороге из Цюриха в Базель император много шел пешком, восхищался богатством страны, часто заходил в дома крестьян, где он пробыл до 8 ноября 1815 г. Александр I направился в Варшаву, столицу его нового Царства Польского. Он торжественно въехал в город в польском мундире в сопровождении местной знати и генералов. Толпа приветствовала его продолжительными возгласами: «Да здравствует Александр I! Да здравствует наш король!»

На следующий день после большого бала у князя Чарторыйского хозяйка дома записала в своем дневнике: «Все это показалось мне сном. Польша существует. Я видела короля Польши, одетого в национальный мундир и с польскими орденами. У меня есть Родина, и я оставляю ее моим детям». Появлявшийся повсюду только в этой форме Александр I многое делал, чтобы завоевать сердца своих новых подданных. Он снял арест с конфискованного имущества, раздавал награды, должности, титулы, пенсии, денежные пособия и создал новый польский двор. Он был любезен со всеми. Но как он ни старался, полностью достичь своих целей ему не удалось, ибо многие поляки жили мечтой и требовали возвращения Литвы и других областей.

С нетерпением ожидалось назначение вице-короля в соответствии с новой конституционной хартией. Одно имя явно выделялось: князь Адам Чарторыйский, подлинный патриот, замечательный дипломат, человек высокообразованный, осторожный, честный, бескорыстный, преданный и к тому же друг Александра I. Накануне отъезда из Варшавы Александр I пригласил Чарторыйского. «Было около двух часов ночи, — рассказывал генерал Михайловский, — когда князь быстро вышел из кабинета Александра I и, явно взволнованный, стал бегать по комнате из угла в угол. Я стоял около двери вместе с князем Волконским и статс-секретарем Марченко, но он не обратил на нас никакого внимания и даже не поприветствовал. Казалось, он потерял разум из-за нанесенной его самолюбию раны...» Князь только что узнал от Александра I, что вице-королем станет генерал Зайончек — ничтожная личность, к тому же одноногий, а ему достанется лишь должность председателя Сената.

Еще более неудачным было назначение великого князя Константина командующим польской армией, насчитывавшей в мирное время 35 тыс. человек (3 пехотные, 2 кавалерийские дивизии и 3 артиллерийские бригады). Грубый, жестокий, беспощадный и своенравный брат Александра I вскоре вызвал всеобщую ненависть и немало способствовал растущему недовольству поляков. Он отдавал приказы по-русски солдатам, не понимавшим этого языка, и наказывал за их неисполнение. Он широко ввел палочные наказания. Александр I совершил и третью ошибку, назначив имперским комиссаром при Государственном совете Новосильцева. Этот циник, пьяница и развратник приговорил многих к пожизненному заключению без права обжалования.

В донесении посол Лебцельтерн указывал Меттерниху на антирусские настроения, царившие в различных слоях польского народа, на возросшую активность тайных обществ, конечно, не без помощи Австрии.

После продолжительного пребывания за границей Александр в декабре 1815 г. вернулся в Санкт-Петербург. Русские люди радовались и говорили: «Великая душа вернулась в свое великое тело!» Вскоре в церквях был вывешен Акт Священного союза, а вслед за ним — вызвавший всеобщее изумление благодарственный Манифест.

Александр I ошибся, предположив, что Священный союз обеспечит спокойствие во всех странах. Ни этот ни другие акты или договоры того времени не привели к созданию некоего постоянного органа, необходимость которого была бы очевидной. Вскоре Акт стал рассматриваться как инструмент абсолютизма и угнетения. «Белый террор» свирепствовал во Франции; в Испании Фердинанд VII приказал распустить все масонские ложи, стал преследовать членов тайных обществ и восстановил инквизицию. Карбонарии свирепствовали в Италии. Народные волнения потрясли Папское государство, тюрьмы были переполнены узниками. В Германии студенты сжигали акты конгресса с криками «Да здравствует свобода! Гибель тиранам и их подлым министрам!» В Англии дело «ограничилось» экономическим кризисом.

Видя превосходство Англии в морях, Александр I предлагал провести одновременное сокращение всех вооруженных сил. Он искал сближения с Францией, Испанией, Соединенными Штатами Америки и все время размышлял о том, какие права он мог бы предоставить русскому народу и как поправить разоренное войной хозяйство России. «После 1815 года, — отмечал историк Никольсон, — время и события лишь усиливали отчуждение Англии и стремление России вмешиваться во внутренние дела других стран. С каждым новым конгрессом пропасть расширялась...»

13 марта 1818 г., через три года после предыдущего визита, Александр I посетил Варшаву, встретившую его восторженно. Он произнес в Сейме взволнованную речь, выразив надежду на то, что и в России будут установлены либеральные порядки. Два года спустя Александр I присутствовал на второй сессии Сейма, который к его живейшему неудовольствию 120 голосами против 3 отклонил проект закона об уголовном судопроизводстве. С этого момента отношения между Санкт-Петербургом и Варшавой стали ухудшаться.

1 октября 1818 г. Александр I, император Австрии, король Пруссии и их министры встретились в Ахене на конгрессе Священного союза. Франция попросила и, благодаря вмешательству Александра I, добилась сокращения долга, уменьшения численности оккупационной армии и получила членство в европейской директории. Александр I выдвинул несколько предложений: о взаимных гарантиях неприкосновенности территории и формы

правления для всех европейских государств; о принятии международного статуса лиц еврейской национальности; о создании межсоюзнического штаба; о сокращении вооруженных сил государств. Ни одно из этих предложений не было принято.

В заключительном докладе австрийский дипломат Генц заверил, что «государи и их министры могли в ходе конфиденциальных встреч, глубокого обсуждения убедиться в необходимости сохранить в нетронutom виде систему, которая на сегодняшний день является единственно действующей, единственно отвечающей интересам всех держав и спасительным якорем для Европы». Однако же он писал: «Все европейские государства без исключения терзает изнутри жгучая лихорадка, она сопровождает или предвосхищает самые бурные конвульсии, которым когда-либо был подвержен цивилизованный мир со времен падения Римской империи...»

Пытаясь выработать способы борьбы с революционными настроениями, волнениями и беспорядками, делегаты Австрии и десяти германских государств собрались несколько месяцев спустя в Вене, а затем в Карлсбаде. 1 сентября 1819 г. после Карлсбадской конференции Меттерних писал своим близким: «То, чего не смогли дать в течение тридцати лет революции, было достигнуто в три недели нашей работы в Карлсбаде. Впервые был принят ряд направленных против революций правильных и своевременных мер. Мне удалось сделать то, о чем я мечтал с 1813 г., то, что несносный император Александр I всегда портил, и удалось только потому, что его здесь не было...» «Царь сочетал в себе стремление выглядеть покровителем мира и порядка в Европе. Его доверенный человек Каподистрия рассылал повсюду либеральные послания», — писал историк Мазад.

17 июля 1820 г. Меттерних писал австрийскому императору по поводу революции в Неаполе: «Это событие глубоко огорчит Александра I, тем более что бунтовщики хвастаются поддержкой с его стороны. Начиная с 1815 г. Италия наводнена русскими, которые никогда не переставали распространять ложную мысль о том, что все так называемые либеральные движения найдут покровителя в лице их Государя!..»

Меттерних писал 8 августа того же года: «Не так давно царь сделал следующее признание: "Начиная с 1814 г. я неправильно судил

об обществе: сегодня я нахожу ложным то, что мне казалось истинным вчера"».

Да, есть много ошибок, которые признают, когда они уже совершились. Человек, который позволяет ошибке свершиться, не может быть государственным деятелем, однако если он признает, что заблуждался, то он, по крайней мере, честен.

После народных возмущений в Испании, Португалии, Пьемонте и особенно в Неаполе Александр I и монархи Австрии и Пруссии с 20 октября по 20 декабря 1820 г. провели встречу в Троппау (Силезия). Англия и Франция прислали туда наблюдателей. Меттерних отмечал: 21 октября 1820 г. «во время трехчасового разговора с императором Александром я нашел у него те же любезные манеры, которыми любовался еще в 1813 г., но он стал по сравнению с тем временем гораздо более рассудительным. Я попросил его самого объяснить мне причину такой перемены. Он ответил с полной откровенностью: "Вы не понимаете, почему я не остался прежним? Я Вам скажу: между 1813 и 1820 годами прошло семь лет, и эти семь лет кажутся мне длиною в целый век. В 1820 г. я ни за что не сделаю то, что я делал в 1813 г. Не Вы изменились, а я"».

4 ноября 1820 г. «Император не только не вернулся к своим прежним взглядам, но и занял позицию, совершенно противоположную той, на которой находился несколько лет».

10 ноября 1820 г.: «Император России по-прежнему настроен ко мне благожелательно. Это возврат к 1813 г. Если бы в 1815 г. он был таким же, как в 1813, то не было бы событий 1820 г.».

Отношение австрийского канцлера к Каподистрии, напротив, оставляло желать лучшего, если судить по такой записи Меттерниха от 27 ноября: «Каподистрия не злой человек, но, откровенно говоря, он отъявленный и законченный дурак; это извращенный ум, каких свет не видывал. Он живет в мире, куда отвратительные кошмары иногда могут переносить наши души. И в то же время его тщеславие превосходит всякое воображение. Подумать только, такой человек, а занимает такое положение!...»

15 ноября 1820 г. австрийский курьер из России, а вскоре за ним и царский фельдъегерь привезли в Троппау важное известие: в одной из рот Семеновского полка в ответ на чрезмерную строгость командира вспыхнул бунт; виновники были посажены в Петропавловскую крепость, что вызвало мятеж целого батальона.

Александр I был поражен, ведь семеновцы в свое время участвовали в государственном перевороте против его отца, и новый бунт случился в самом центре Санкт-Петербурга. Мятежники были приговорены военным трибуналом к наказанию кнутом и каторжным работам на рудниках. Александр I, принимая во внимание долгое предварительное заключение, а также боевой послужной список солдат, изволил освободить их от позорного наказания кнутом и приказал дать им наказание шпицрутенами, после чего сослать на каторжные работы в рудники.

В этом восстании не было ничего политического, это был досадный инцидент, происшедший из-за звериной жестокости одного из полковников. Именно он, достойный ученик царевича Константина, должен был подвергнуться наказанию и разжалованию. Но Александр I увидел в бунте признак того, что революционные идеи проникли из-за границы в Россию и более того — в его гвардейский полк! Он еще раз встретился с Меттернихом и признался, что жалеет об увлечении либерализмом и теперь посвятит все свои силы старому строю и поддержанию политического порядка.

Торжествующий Меттерних написал: «Кажется, что только сегодня он появился на свет и открыл глаза. Сегодня он дошел до отметки, где я был 30 лет тому назад!..»

Используя свою хитрость и исключительные умение и настойчивость, Меттерних сумел превратить Священный союз из идеологического пакта в скрытый инструмент абсолютной монархии. И не только Меттерниха стало «заносить». Вседозволенность и вольность привели его к огромному самомнению. Он стал даже поучать государя. 15 декабря 1820 г. он передал Александру I свой нескончаемый «символ веры», из которого приведем некоторые выдержки.

«Что должны делать правительства?

Они должны заставить замолчать доктринеров внутри своих государств и выразить презрение к подобным людям за их пределами!

В смутные времена больше, чем в любые другие, они должны проявлять сдержанность в своем продвижении к реальным улучшениям, не подчиняясь требованиям момента, чтобы само благо не повернулось против них, что произойдет всякий раз, когда при-

нимаемые правительством меры покажутся продиктованными страхом!

Они должны уделять пристальное внимание состоянию финансов своей страны, чтобы путем облегчения общественных повинностей и налогов дать вкусить их народам от благотворности не воображаемого, а реального мира!

Они должны быть справедливыми, но сильными, благожелательными, но строгими! Они должны сохранять религиозное начало во всей его чистоте и не допускать, чтобы догматы веры подвергались нападкам, а мораль толковалась в духе общественного договора или сектантских видений!

Они должны подавлять тайные общества, эту гангрену общества!

И наконец, великие монархи должны укрепить их союз и доказать миру, что если такой союз существует, то приносит только пользу, ибо он обеспечивает политический мир в Европе; что он силен только в деле защиты и спокойствия в то время, когда мир подвергается стольким нападкам!

Это сильный союз, заключенный между государствами на принципах, которые мы перечислили, победит и саму смуту».

Воспользовавшись с обычной ловкостью сложившейся ситуацией, Меттерних добился подписания Александром I заявления, гласившего: «Державы имеют право по совместному соглашению принять предупредительные меры против государств, политические перемены в которых, вызванные бунтом, пойдут против законной власти, особенно, если этот дух возмущения сообщится соседним государствам через посланных его распространять эмиссаров».

Франция и Англия отказались подписать эту декларацию. Александр I писал, что надо найти лекарство против «империи зла», которая быстро расширяется, и использовать при этом все тайные средства. «Это превосходит жалкие людские возможности. Лишь Господь может это дать силой своего Божественного слова...»

Следующий конгресс заседал в Лейбахе с января по май 1821 г. На нем обсуждались события в Неаполе, Турине и в Греции. В его работе участвовали императоры Австрии, России и король Неаполитанский; Меттерних, Винценц и Генц от Австрии; Нессельроде, Каподистрия и Поццо ди Борго от России; Харденберг

и Бернсторф от Пруссии; Фероней, Караман и Блака от Франции; лорд Кленвильям, лорд Стюарт и Роберт Гордон от Англии. Меттерних с невиданным высокомерием и самомнением отмечал в своих мемуарах: «Главное орудие моей деятельности здесь [на конгрессе в Лейбахе] — это полное взаимопонимание с императором Александром I». Это было написано 10 января 1821 г. 7 февраля того же года он записал: «Этим вечером я провел три часа с императором Александром. Я не могу точно передать, какое впечатление на него произвожу. Мои слова звучат как голос из потустороннего мира. Впрочем, царь внутренне очень изменился, и я думаю, во многом благодаря мне...»

Вот запись от 23 февраля: «Никто не верит в полное взаимное понимание, что существует между императором Александром и мною, однако оно есть. Влияние последних четырех месяцев победило: сильнейший увлек за собой слабейшего в соответствии с законами механики, физики и морали. Русский премьер-министр оказался внизу: сумеет ли он когда-нибудь подняться?..»

15 марта Меттерних написал: «12 числа меня разбудили очень рано новостью о военных мятежах в Александрии и Турине. Я сказал принесшему мне новость “Это очень хорошо, я этого ожидал!”. Потом я встал и пошел к моему августейшему Властелину и к императору России. Мы еще раз встретились у императора Франца, после чего в полдень короткие приказы были составлены и разосланы. Вот они:

“Неаполитанская армия должна ускорить ход своих операций, не обращая внимание на происходящее в Пьемонте.

80 тыс. солдат должны выйти из Вены и ее окрестностей и направиться в Италию.

90 тыс. русских солдат должны перейти через наши границы”

После этого мы расстались и встретились, как обычно, за обедом».

22 апреля 1821 г. была сделана следующая запись: «Не Россия нас ведет, а мы ведем императора Александра, высказывая ему ряд очень простых доводов. Он нуждается в советах, но потерял всех своих советников. Каподистрия выглядит в его глазах предводителем карбонариев. Он не доверяет своим министрам, дворянству, народу. Тот, кто находится в таком положении, не может повести за собой».

9 мая Меттерних пишет: «Сегодня я снова долго разговаривал с императором Александром. Я думаю, что в этом мире нет достаточно умного и сведущего человеческого существа, которое могло бы допустить даже возможность разговора, подобного тому, что мы действительно вели с императором. Если кто-нибудь когда-нибудь из черного превращался в белого, так это он! Моей самой большой заслугой в этом является то, что я могу использовать свое сегодняшнее влияние, чтобы помешать ему перейти за грань справедливости и добра, ведь зло начинается там, где кончается добро».

10 мая Меттерних послал Александру I длинное письмо, в котором благодарил его за твердость, проявленную к бунтовщикам, и перечислил принципы, на которых сотрудничество могло бы продолжаться: безграничное взаимное доверие, искренний союз «на основе наших целей». Меттерних писал: «Монархи должны противопоставить этому плану всеобщего разрушения принцип сохранения всего законно существующего. Единственный способ достичь этой цели состоит в недопущении нововведений».

12 мая 1821 г. конгресс закончил свою работу. За пять дней до этого Наполеон, которому еще не исполнилось 52 лет, умер на острове Святой Елены.

Меттерних сообщал Францу 23 июля 1822 г.: «Император Александр и я пришли к одному и тому же взгляду на происходящее. Однако император уехал, поэтому нельзя утверждать, что он останется верным точке зрения, которую мы приняли, — я легко, а он с большим трудом. Окружение, в котором человек находится, оказывает на него большое влияние; необходимо иметь большую силу духа, чтобы сопротивляться его воздействию, и еще большую силу, чтобы им пренебречь. Император пока что держится хорошо, но он находится в одиночестве среди своих. Одни из них доказали, что хотят обратного тому, что он; у других нет силы чего-нибудь хотеть. Чтобы не пойти ложным путем, надо отделить царя от его окружения. Он хочет того, чего хочу я. Но его окружение хочет обратного».

Запись от 23 октября: «Царь верит в меня так же, как и мой августейший Государь, и такое положение наиболее благоприятно для ведения дел».

Запись от 9 ноября: «В России и во всей русской дипломатии за границей есть две партии, которые открыто обозначаются имена-

ми Меттерниха и Каподистрии... Эти две партии ненавидят друг друга и противостоят одна другой, как правые и левые во Франции, Александр называется меттерниховцем, поэтому его партия и хороша; другую партию надо предоставить ее судьбе!»

Австрийцы легко одержали победу над повстанцами под Риети и Андрокко и вошли в Неаполь. Меттерних направил царю благодарственное письмо. Самый слепой абсолютизм был восстановлен.

Начиная с марта 1821 г. Греция, вновь попавшая под оттоманское иго, делала отчаянные попытки освободиться. Генерал-майор русской службы Ипсиланти возглавил движение и обратился за поддержкой к союзникам. Его призыв был поддержан Каподистрией, но отвергнут Меттернихом. Александр I согласился с последним, который записал в своих мемуарах: «Император вновь доказал свой благородный и честный характер; его взгляды и принципы оказались совершенно созвучными взглядам и принципам моего августейшего Государя... На заседании совета, где присутствовали Их Величества, было решено “предоставить события самим себе”».

Александр I и Франц одновременно заявили Константинополю, что, оставаясь верными публично высказанным принципам, они никогда и нигде не будут поддерживать противников общественного порядка, никогда не окажут никакой помощи восставшим. Они предоставляют Порте самой обеспечивать свою безопасность. Турция «оставалась в стороне от европейских дел, поэтому они не чувствуют себя вправе вмешиваться в ее дела».

Почувствовав, что у нее развязаны руки, Порта стала действовать с невиданной жестокостью: в Константинополе православный священник был повешен вместе с сотней греческих; повсюду греки подвергались массовым избиениям. На Хиосе турецкие солдаты вырезали 23 тыс. человек и увели 47 тыс. жителей в рабство. Греки защищались с такой храбростью, что турецкая армия была вынуждена отступить из страны, вскоре провозгласившей независимость.

Узнав о злодеяниях турок, Александр I направил Порте угрожающую ноту и предложил союзникам организовать военную интервенцию. Опасаясь всеобщего столкновения, державы от нее отказались. После того как направленный Турции ультиматум остался без ответа, русский посол покинул Константинополь.

Следующий конгресс проходил с 20 октября по 14 декабря, в Вероне. На этот раз коронованные особы присутствовали в большем количестве. Там были австрийский император, русский царь, прусский, неаполитанский и сардинский короли, Великий герцог Моденский, прусские принцы Вильгельм и Карл.

К моменту открытия конгресса порядок уже был восстановлен в Пьемонте, Неаполе и в Греции, однако восстания вспыхнули в Каталонии, Мадриде и испанских колониях.

Несмотря на сопротивление английской делегации во главе с герцогом Веллингтоном, Австрия, Франция, Пруссия и Россия пришли к согласию. Их министры подписали протокол с указанием трех случаев, когда их взаимные обязательства незамедлительно вступали в силу (это коснулось, в частности, нападения Испании на французскую территорию). Франции поручалось самой руководить всевозможными военными действиями.

28 января 1823 г. Людовик XVIII объявил об отправке 100-тысячной армии, чтобы «сохранить трон за внуком Генриха IV, уберечь королевство Испании от разрушения и примирить его с Европой». Вскоре все крупные испанские города были оккупированы французами.

На Конгрессе Александр I сказал: «Не может быть политики английской, французской, русской, прусской или австрийской; есть только одна общая политика, которая для всеобщего спасения должна совместно проводиться народами и королями... Провидение поставило под мое начало 800 тысяч солдат не для того, чтобы я тешил свое самолюбие, но для защиты религии, морали и права, для обеспечения торжества принципов порядка, на которых зиждется человеческое общество...». Такая позиция Александра I подверглась резкой критике в России, особенно в офицерской среде.

После Веронского конгресса Шатобриан отметил: «Тысячи мелких неприятностей, завистей и наветов сталкивались между собой; взаимная ненависть скрывалась за показной любовью; за закрытыми дверями рвали на части соседа, которому на общей лестнице пели дифирамбы. Мир не изменился!.. У царя была сильная душа, и при всех обстоятельствах он оставался верным другом Франции... Однако, дав конституцию полякам, он приостановил ее действие, заставив дать хартию, и затем с беспокойством наблюдал за вызванными ею движениями. Пожелав независимости Греции, он

осудил греческое восстание 1820 г. Он увидел в эллинской революции лишь исполнение приказа, отданного руководящим комитетом из Парижа. На Троппауском, Лейбахском и Веронском конгрессах задумал спасти Европу от анархии, как когда-то спас ее от деспотизма Наполеона».

В глазах Шатобриана, выражавшего мнение европейской элиты, Александр I был самой великой фигурой наполеоновской эпохи.

ЗАБОТА АЛЕКСАНДРА I О РАНЕННЫХ И СЕМЬЯХ ПОГИБШИХ

18 августа 1814 г. Александр I учредил особый Комитет. В Рескрипте о его учреждении было сказано: «Воины! Год тому назад, в тот самый день на полях Кульмских, где грудь ваша остановила стремление неприятеля в Богемию, приносил Я с вами торжественное благодарение Всевышнему за неизреченное к нам милосердие Его. Всегдашние спутники ваши — мужество, храбрость, терпение и любовь к вере и Отечеству — увенчали вас новыми после того лаврами, отворяли врата Парижа, даровали мир и доставили лестное воину удовольствие возвратиться со славою в свое государство. Оно признательно к службе и трудам, вами понесенным; именем его изъявляю Я вам благодарность; от лица его приветствую с возвращением в Отечество. Геройские подвиги ваши всегда обращали внимание мое. Чтобы вящее ознаменовать оные и в особенности день 18 августа, я отверзаю ныне путь, удобный всем увлеченным в последнюю, незабываемую по громком делам своим войну: генералам, штаб- и обер-офицерам как вышедшим уже в отставку, так и тем, кто от ран и увечий в войну эту оставят вперед службу и не имеющим другого состояния. Кроме определенного при отставке пенсионера, прибегать во всех нуждах сих ко мне. А чтобы просьбы их без всякого промедления были рассматриваемы, повторяемы и подносимы мне, учреждаю особый Комитет из находящихся при мне генерал-адъютантов: генерала от кавалерии Уварова, генерал-лейтенантов графа Строгонова и Голенищева-Кутузова, генерал-майоров Закревского и Сипягина. Обязанностью Комитета этого будет принимать просьбы, письма о доставлении возможного вспомоществования неимущим, изувеченным генералам, штаб- и обер-офицерам и представлять о них доклады свои через состоящего при мне генерала от артиллерии графа Аракчеева».

Состав этого Комитета, на который было возложено попечение о раненных, впоследствии обновлялся назначением новых членов. Вначале он именовался Комитетом, Высочайше учрежденным 18 августа 1814 г. По указанию Александра I, ему было отведено помещение в императорском дворце, что подчеркивало его важность.

При учреждении Комитета его задачами и заботами были определены отставные генералы, штаб- и обер-офицеры, раненные в Отечественную войну. Впоследствии забота комитета была распространена на всех неимущих раненых без различия войн, в которых они были ранены, и на лиц как офицерских званий без различия отставных и служащих, так и на нижних чинов, равно и на семейства, оставшиеся после убитых на войне или умерших от ран.

Высочайшим приказом 18 августа 1814 г. на Комитет была возложена обязанность своевременно предоставлять возможную помощь отставным неимущим раненым. Распределять раненых на тех, кто в состоянии работать и нести какую-то службу, а также приобретать средства к своему существованию, и на тех, кто по состоянию здоровья этого делать не может. Приступив к работе, Комитет, чтобы, с одной стороны, доставить каждому из отставных раненых средства к существованию, а с другой — предотвратить излишние расходы на их содержание, разделил раненых на две категории. К первой он отнес таких, которые по тяжкому увечью (за лишением рук, ног, глаз и т.п.) не в состоянии обеспечивать и обслуживать себя, а ко второй — таких, раны которых не препятствуют им работать или нести гражданскую службу. Раненым первой категории Комитет постановил выдавать пожизненные пенсии из сумм, предоставленных в его распоряжение; а других — определять на службу или работу. При этом, естественно, возник вопрос: на какие именно должности могли бы быть определены Комитетом состоящие под его покровительством отставные раненные офицеры, способные к гражданской службе. Этот вопрос был внесен в Комитет министров, в котором была составлена и утверждена Александром I записка о тех должностях, которые каждый министр по своему министерству определял замещать отставными ранеными офицерами. В этой записке значилось 138 наименований различных должностей.

Было установлено правило о том, чтобы при просьбах, подаваемых раненым в Комитет, должны прилагаться документы о службе просителя, медицинское свидетельство о полученной на войне ране, свидетельство местного губернатора о недостаточном состоянии просителя и о его способности или неспособности к гражданской службе.

Число офицеров, желающих поступить на гражданские должности и признанных способными к занятию последних, всегда и значительно превышало количество тех вакансий, которые имелись, поэтому была установлена очередь на упомянутые должности. При таком порядке некоторым офицерам приходилось долго (иногда по несколько лет) ждать определения на должность. Этим раненым офицерам ежегодно выдавалось (вплоть до определения на службу) кандидатское пособие из инвалидного капитала: до 400 рублей прапорщику, до 800 рублей ассигнациями полковникам, чтобы сравнять по обеспечению с теми тяжелоранеными, которым по неспособности их к гражданской службе Комитет назначал пенсии из инвалидного капитала.

Учитывая просьбы раненых офицеров, что одни из них проживают в городах, а другие — в деревнях, где условия обеспечения лекарствами и врачебной помощью различны, Александр I принял решение удовлетворить их. 18 июня 1815 г. он повелел и в городах, и в деревнях выдавать лекарства и обеспечивать медицинской помощью бесплатно.

По ходатайству Комитета Александр I повелел отставным раненым штаб- и обер-офицерам, определенным на гражданские должности по представлениям Комитета, выдавать сверх жалования по должности пенсии из казны, данные им при увольнении с военной службы. «Да послужит постановление таковое, — сказано в Высочайшем указе правительствующему Сенату 30 августа 1815 г., — новым доказательством признательности Нашей к ревностной службе храбрых воинов, запечатлевших ранами и увечьями любовь свою к Отечеству».

Комитет ходатайствовал о том, чтобы отставным раненым офицерам, определенным на гражданские должности, выдавались деньги на проезд их от места жительства к месту назначения. На это ходатайство (14 декабря 1815 г.) последовало положительное решение Александра I («в вящее облегчение нужд их», как сказано в Высочайшем повелении).

Исходя из опыта Комитет признал необходимым ходатайствовать о том, чтобы раненые офицеры, определенные на должности по назначению его, в случае совершения ими каких-либо противозаконных поступков по службе были отрешаемы от должностей не иначе как по следствию и суду и с ведома Комитета.

На это ходатайство последовало решение Александра I о том, что «оправданный по суду может обращаться в Комитет с просьбой и ходатайством ему законного удовлетворения». Этим постановлением раненым, определенным на должности по назначению Комитета, было дано такое преимущество, каким не пользовались чиновники гражданских ведомств. Последние могли быть уволены от должностей по усмотрению своего начальства (работодателя) без объяснения причин увольнения.

Кроме указанных выше видов помощи, Комитет ходатайствовал еще о том, чтобы за теми, кто потерял зрение на войне, закрепить денщиков. Это ходатайство также было удовлетворено Александром I. Оно было уточнено. Вместо денщиков стали выдавать деньги для найма гражданской прислуги, кроме того выдавались единовременные денежные пособия.

Какие же суммы находились в распоряжении Комитета о раненых, из которых он выдавал пенсии и пособия состоящим под его покровительством лицам? И откуда брались эти деньги?

Это были деньги из патриотических пожертвований членов императорской фамилии, а также частных лиц, сословий и обществ. Кроме того, деньги на выдачу пособий отпускались (до 1819 г.) Комитету о раненых из кабинета Александра I. Первое по времени и по значительности коллективное пожертвование в пользу инвалидов поступило от офицеров лейб-гвардии Гренадерского полка, предоставивших для этой цели 6 тыс. рублей ассигнациями, а самое крупное личное пожертвование, послужившее основанием инвалидному капиталу, сделал коллежский советник Павел Павлович Пезаровиус.

В 1813 г. он учредил газету «Русский инвалид» с целью направлять выручаемые от издания деньги для помощи инвалидам, раненым и увечным в годы Отечественной войны. Частью из доходов от издания «Русского инвалида», а частью из патриотических пожертвований Пезаровиус составил капитал, из которого выдавали инвалидам и раненым нижним чинам единовременные посо-

бия и ежегодные пенсии. Этот капитал вырос к концу 1815 г. до 395 тыс. рублей ассигнациями. Эти деньги Пезаровиус предоставил Александру I как учредителю Комитета о раненых. Вместе с этой суммой он передал и список из 1200 инвалидов и раненых отставных нижних чинов, получавших от него ежегодные пенсии. «Отдавая справедливость столь похвальному подвигу коллежского советника Пезаровиуса, сказано в данном по этому случаю Александром I указе правительствующему Сенату 21 декабря 1815 г., наградить его орденом Св. Анны 2-й степени с алмазным украшением; а дабы преподать ему способ быть и впредь полезным для изувеченных воинов, повелеваю правительствующему Сенату: определить Пезаровиуса членом Комитета, учрежденного по приказу моему 18 августа 1814 года, поручив в дирекцию его канцелярии Комитета. Собранную Пезаровиусом сумму отдать в распоряжение Комитета для приобщения к прочему инвалидному капиталу. Как от коллежского советника Пезаровиуса получают пенсии 1200 инвалидов, то производство оных и впредь предоставить равномерно Комитету». С этого времени началась забота Комитета и об отставных нижних чинах.

Александр I сам лично совершил благородный поступок. Он отдавал свой ежегодный доход по званию шефа лейб-гвардии Преображенского полка в инвалидный капитал в сумме 28 253 рублей 14 копеек

В инвалидный капитал ежегодно стала поступать на основании рассмотренного и утвержденного Александром I (1 февраля 1816 г.) доклада графа Аракчеева сумма из капитула орденов. Граф Аракчеев объяснял: «По ордену Св. Георгия положено кавалерам 1-й степени производить каждому выплату по 700 рублей в год; но в российской армии находится кавалеров сего ордена только два, для чего и благоугодно было Вашему Императорскому Величеству предназначить остающуюся сумму от десяти кавалеров к производству в пенсии кавалерам 4-й степени сверх 100, определенных по статуту военного ордена, дабы приблизить к сему пособия пострадавших в Отечественную войну офицеров. Эта благодетельная цель не может, однако, скоро быть исполнена, ибо поступают в комплект кавалеры по старшинству, а в таком случае увеченные, требующие пособия, не всегда могут быть старшими. Применяясь к милосердному вниманию Вашего Императорского Величества на

судьбу изувеченных воинов, я по долгу возложенного на меня попечения о них осмеливаюсь всеподданнейше представить, не соизволите ли указать: остающиеся 7 тыс. рублей или сколько случится от некомплекта кавалеров ордена Св. Георгия 1-й степени отсылать ежегодно из капитула орденов в Комитет, который назначал бы из сей суммы единовременно находящимся в отставке кавалерам Св. Георгия 4-й степени, изувеченным в последнюю войну, а равно и кавалерам Св. Владимира 4-й степени с бантом, смотря по увечью их, единовременные пособия не более 300 рублей каждому».

Таким образом, изыскивали и выдавали отставным раненым генералам и офицерам дополнительные деньги, известные под названием «единовременные денежные награждения по орденам». Выделенные из капитула орденов в Комитет раненых деньги шли непрерывно.

Еще более благодарную память о себе оставил граф Аракчеев ходатайством об установлении вычетов в пользу инвалидов, которыми обеспечивалось дальнейшее существование инвалидного капитала. В докладе Аракчеева по этому вопросу, рассмотренному и утвержденному 23 марта 1816 г. указом, говорилось: «...осмеливаюсь всеподданнейше испрашивать Высочайшего вашего Императорского Величества утверждения на нижеследующие предположения, предварительно рассмотренные в Комитет министров и одобренные иным».

До этого времени заботой со стороны Комитета о раненых пользовались только инвалиды и раненые генералы и офицеры. Теперь же сюда включались и нижние чины. В докладе Аракчеева Александру I говорилось о бедственном положении семей оставшихся после убитых на войне или умерших от ран офицеров и нижних чинов. Сердобольный ко всем погибшим и признательный к их заслугам и подвигам на полях войны и пролившим свою кровь за Отечество Александр I не мог оставить эти семьи в беспомощном положении. «С прискорбием видел я, — писал Александр I в именном указе, данном 9 ноября 1816 г. Комитету, — при обозрении некоторых губерний, что вдовы, сироты и матери офицеров, умерших от полученного во время войны увечья, испрашивают себе пропитание. Лишенные способов к существованию, они имеют полное право взывать к Отечеству, для спокойствия коего пожертвовали мужьями, отцами и детьми, и просьбы их заслуживают

всякого внимания. Сожалея о сих несчастных, я дал уже просьбам вдов направление через Комитет министров, а участь сирот и матерей признаю полезнейшим вверить Комитету, пекущемуся об изувеченных воинах; а потому повелеваю: 1) всеми просьбами сирот и матерей офицеров, умерших от увечья, войною причиненного, заведовать оному Комитету; 2) для просьб сих не ограничивается ни чин просителя, ни время войны; 3) Комитету по сим просьбам собирать справки: а) о службе умершего; б) не получал ли он аренды или значащего денежного пособия от казны; в) о состоянии просителей, и излагать свое мнение: кому дать пенсии или единовременное вспоможение и в какой мере, какое оказать пособие сиротам до известного возраста, когда можно разместить их по воспитательным заведениям и как самое размерение делать... дабы и в самом вспоможении делать различие семействам, оставивших службу с честью против бывших под наказанием или отставленных за пороки».

Таким образом, на Комитет о раненых была возложена забота о сиротах и матерях, оставшихся после убитых на войне или умерших от ран воинов.

12 декабря 1816 г. были увеличены оклады и пенсии из суммы государственного казначейства, назначаемые по военному ведомству.

Комитет о раненых ходатайствовал о распространении решения и на тех генералов и офицеров из числа раненых во время Отечественной войны, которые вышли в отставку по ранениям до 1817 г. Это ходатайство было одобрено и утверждено Александром 14 ноября 1817 г.

Отставной надворный советник Зеленый, лишившийся двух сыновей — капитана и штабс-капитана, убитых на войне, обратился в Комитет о раненых с прошением о назначении ему пенсии из invalidного капитала за убитых сыновей. В докладе Комитета о раненых Александру I объяснялось: «Изнемогая от старости, когда помощь детей уже по одной природе становится столь необходимой, надворный советник Зеленый получил весть, что оба сына его пали, сражаясь под русскими знаменами. Как верный подданный он обязан принести всякую жертву, но как отец, который лишился всей опоры, заслуживает вспоможения». Поэтому Комитет испрашивал разрешение о выдаче надворному советнику сверх получа-

емого им пенсионера из казны (по 450 рублей) еще по 800 рублей в год инвалидного капитала, и чтобы, подобно матерям, приняты были на попечение и отцы, сыновья которых погибли от ран, полученных на войне, и которые находятся в бедности, по старости лет, слабости сил, увечьям и болезням не в силах заработать себе на жизнь, а по доброму поведению своему заслуживают внимания. Александр I удовлетворил и это ходатайство.

Высочайшим указом от 9 ноября 1816 г. на Комитет о раненых возлагалась обязанность заботиться и о воспитании детей раненых или убитых на войне. Имея дело только с неимущими, Комитет пришел к мнению, что мало определить того или другого из детей в какое-либо учебное заведение, а надо еще обеспечить их средствами для того, чтобы они могли доехать от места своего жительства, до города, где находится учебное заведение, в которое каждый из них определен. Поэтому Александр I приказал отпускать на этот предмет прогонные деньги из инвалидного капитала.

Инвалидный капитал постоянно пополнялся вычетами, установленными 23 марта 1816 г., поэтому представилась возможность относить на него те расходы, которые прежде производились из государственных и других источников. Это позволило с 1819 г. прекратить отпуск средств из Кабинета Его Величества на выдачу пособий раненым.

В 1813 г. было отменено назначение для раненых казенных денщиков, а вместо них установлено назначать из инвалидного капитала по 150 рублей ассигнациями на наем прислуги для ухода за ранеными. Было решено также пенсии вдовам офицеров, убитых на войне или умерших от ран, назначавшихся прежде из государственного казначейства, назначать из инвалидного капитала, из него же выдавать им и пособия.

При жизни Александра I заботам учрежденного им Комитета о раненых пользовались отставные раненые генералы, штаб-и обер-офицеры; семьи генералов и офицеров, убитых на войне или умерших от ран; отставные раненые нижние чины. Призрение лиц первой категории заключалось в зачислении их кандидатами на гражданские должности; в выдаче некоторым из них (тяжелораненым) до определения на должность каждого годного кандидатского пособия из инвалидного капитала; в определении их на гражданские должности; в производстве пенсии из инвалидного

капитала тем из них, которые от влияния ран были не в состоянии нести какую-либо службу; в ходатайстве об определении казенных денщиков или назначении суммы из инвалидного капитала для найма вольной прислуги тем, которые нуждались в постоянной помощи другого лица для ухода за ними; в выдаче единовременной помощи по орденам Св. Георгия 4-й степени и Св. Владимира 4-й степени с бантом, пожалованным за военные отличия; в выдаче единовременных пособий на лечение болезни от ран или на уплату долгов, сделанных с этой целью; в назначении пенсии из казны, не данной при отставке или данной из неполного оклада, а также в назначении пенсии из казны из новых, увеличенных окладов вместо назначенной, из прежней, меньшей.

Несмотря на огромные расходы, инвалидный капитал не только не сокращался, но возрастал, постоянно пополняясь установленными с этой целью вычетами. Александр I как учредитель Комитета имел полное право с гордостью сказать: «Капитал сей сделался залогом благосостояния воинов, изувеченных в священной брани. Каждый из них имеет право прибегнуть к оному и получать из него верное вспоможение против своих нужд и недостатков».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Александр убыл из Франции 15 сентября 1815 г. и совсем в другом настроении, чем в 1814 г. Он был разочарован. У него не было прежнего внутреннего подъема. Французский историк Пьер де ла Горе писал: «Среди такого множества несчастий столь тягостна была участь Франции, если бы не явилась ей спасительная помощь со стороны Александра I. Он тоже мог испытывать раздражение. Но он был наделен великодушием. Прусская алчность покорила его, он усмотрел злоупотребление последней».

Сопровождавший его Михайловский-Данилевский пишет: «На всем пространстве, заключающем в себе более пятисот верст, ни один вооруженный не сопровождал Государя, хотя мы ехали по земле неприятельской, где умы находились в чрезмерном брожении. Жители мест, отдаленных от большой дороги, старые и молодые мужчины и женщины толпились на почтовых дворах, чтобы взглянуть на благодетеля Франции и спасителя ее, как на настоящего своего Монарха».

На конгрессе в Ахене герцог Ришелье, опираясь на дружественное к нему отношение Александра I, смог получить разрешение держав вывести оккупационные войска из Франции на два года раньше назначенного срока. В ноябре 1818 г. все они покинули Францию.

Когда в 1825 г. во Францию пришло известие о кончине Александра I, французы, скорбя и вспоминая его, говорили: «Какое несчастье! Он был настолько же мил, насколько добр!».

Наполеон на острове Святой Елены не раз вспоминал поход в Россию. Он говорил: «Все чувства любви к Отечеству и веры были возбуждены в русских. Легко было предвидеть, что трудностям и лишениям, которые мы терпели в Литве, последуют все ужасы народной войны. Нам предстояла новая Испания, но Испания без границ, населенная высоковерующим народом во главе с милым и добрым Александром I».

Страдая и испытывая большие притеснения со стороны английского губернатора Гудеона Лоу, Наполеон обращал свои мысли к Императору Александру I.

В бумагах русского представителя в международной комиссии на острове Святой Елены (в 1816–1822 гг. генерал-майор граф А.А. де Бальмен) имеются соответствующие записи по этому поводу.

В апреле 1818 г. он доносил в Петербург, что по имеющимся у него сведениям «Император, удрученный горем, подверженный на этой скале бесчеловечному обращению, всеми оставленный, хочет написать Императору Александру, единственному своему заступнику...», но он, Бальмен, на основании общих инструкций не имел права принимать каких бы то ни было писем. К тому же все, что писал Наполеон, подлежало уничтожению.

Историк С.М. Соловьев писал: «Всякий исторический деятель в известной степени есть произведение своего века, и значение его деятельности определяется тем, что он содействовал решению задач своего времени относительно своего народа и относительно других народов, в обществе которых его народ живет, ибо эти две стороны неразрывно связаны».

Личность Александра I, его энергия власти приобретались и сложились под влиянием политических бурь, страшной внешней и внутренней борьбы между разрушением и созиданием. Обязанный по своему положению принять самое активное участие в событиях Александр I по свойствам личной природы воспитания, положения и веры пришел на это поприще, которое требовало разобратся в развалинах, нагроможденных историческим развитием.

Спокойные равноправные соглашения между государствами и их правительствами о становлении отношений между народами, спокойное, свободное, независимое развитие внутренних отношений в каждом государстве были основой системы деятельности Александра I. Однако перед ним появился воинственный, хитрый, коварный Наполеон, и нужно было вступить в тяжелую борьбу с тем, кто был вооружен и насилием пытался подчинить себе всю Европу.

Александр I принял этот вызов, который представлял собой небывалое в истории явление. С одной стороны, опытный, ковар-

ный государственный и военный деятель с сильной хорошо вооруженной армией, с другой — сознание того, что ничего этого нет в равной степени в России, и вместе с тем необходимо начать борьбу и вести ее до конца, не отступая ни перед какими трудностями. Решение показало нравственную силу Александра I, опирающегося на православную веру и народ, завоевавший победу в тяжелой неравной борьбе. В историю человечества было вписано небывалое по своей идее и величию явление — ведение войны не для завоевания, не для покорения других народов, а для освобождения государств и их народов. В этом заключена благородная деятельность Александра I.

Россия имеет полное право гордиться Александром I. Страна по своей обширности великая сама по себе не могла иметь завоевательных устремлений, она нуждалась в спокойном внутреннем развитии и реформах, так же как в защите народов от насилия извне. Это хорошо понимал Александр I и делал все, что мог, для развития и защиты своего государства и его народов.

После победы над Наполеоном Александр I приступил к исполнению задач, которые определил себе еще в начале царствования. Трудны были эти задачи — задачи созидания через примирение и соглашение противоположных внутренних и внешних интересов постоянно сталкивающихся внутри и между собой. Александр I и в этой борьбе проявил ту же твердость и волю, какие проявил в борьбе с Наполеоном.

Россия после войны с Наполеоном, после потерь и лишений требовала прежде всего мира. Мира для восстановления разрушенного и дальнейшего развития. Это зависело и от Европы, которая и сама нуждалась в мире. Мирные условия нужно было создавать. Александр I это прекрасно понимал и своим непрерываемым авторитетом и примером согласовывал интересы разных держав. Иногда эти интересы были противоположными, могли даже привести к новому господству силы и насилия. От этого Европа была спасена в том числе и образованным для обеспечения мира Священным союзом, инициатором создания которого был Александр I. Россия получила возможность и время для восстановления после наполеоновского нашествия и дальнейшего развития.

Александр I скончался в 1825 г. от брюшного тифа в Таганроге. При жизни его называли Благословенным, это стало его официальным титулом. После кончины благословенного царя в народе ходили упорные слухи, что он не умер, а продолжает жить в Сибири, в Томске, под именем Федора Кузьмича. Остались не очень надежные свидетельства и о том, что старца навещали члены августейшей семьи. Сама эта легенда больше говорит о роли Александра I в истории России, чем многие тома, написанные равнодушной рукой историков по специальности.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Краткая хроника событий Отечественной войны 1812 года (даты приводятся по старому стилю)

Июнь

10	Объявление Наполеоном приказа о начале Второй польской войны
11	Главные силы армии Наполеона подошли к Неману; корпус Макдональда подошел к Тильзиту
11–12	В ночь с 11-го на 12-е началась переправа армии Наполеона через Неман против Ковно
12	Занятие Ковно армией Наполеона; корпус Макдональда переправился через Неман у Тильзита
13	Армия Наполеона тремя колоннами выступила из Ковно; приказ Александра I по армии о переходе армии Наполеона через Неман и о начале войны
16	Занятие армией Наполеона Вильны
18	Корпус Макдональда прибыл в Россиены
19	Главные силы 1-й Западной русской армии прибыли в Свенцьяны; встреча Балашова с Наполеоном в Вильне; 2-я армия прибыла в Слоним; Платов с казаками прибыл в Лиду
22	Корпус Жерома выступил из Гродно и Белостока с целью атаковать Багратиона
22–23	Переправа 2-й армии через Неман у Николаева; Багратион получил известие о занятии армией Даву Вишнева

- 26 Корпус Макдональда выступил из России.
- 28–29 2-я армия выступила из Несвижа к Слуцку
- 27–29 Войска 1-й армии вступили в лагерь на Дриссе

Июль

- 1 2-я армия расположилась у Слуцка
- 2 Начался выход 1-й армии из Дрисского лагеря
- 5 Командир 1-го отдельного пехотного корпуса Витгенштейн получил от Барклая предписание остаться близ Дриссы для прикрытия дороги на Петербург
- 6 2-я Западная армия собралась в Бобруйске;
1-я армия прибыла в Полоцк
- 7 В Бобруйске Багратион получил повеление Александра I двинуться через Могилев и Оршу на соединение с 1-й Западной армией; часть войск двинулась в тот же день
- 8 Армия Наполеона заняла Могилев
- 9 Авангард 2-й Западной армии (Раевский) достиг Старого Быхова
- 10–11 Сражение войск 2-й Западной армии с войсками Даву у Салтановки
- 11 1-я Западная армия прибыла в Витебск
- 12 2-я Западная армия отступила к Новому Быхову; главные силы армии Наполеона в Бешенковичах
- 13–14 Сражение при Островне
- 14 Корпус Удино занял Полоцк; главные силы 2-й Западной армии переправились через Днепр у Нового Быхова

15	Русские войска очистили Динабург; сражение между арьергардом Палена и армией Наполеона около Витебска
16	Русский арьергард оставил Витебск; корпус Удино выступил из Полоцка по пути на Петербург
17	Кутузов избран командующим Санкт-Петербургским ополчением
18	Корпус Удино подошел к Клястицам
18 и 19	Сражение при Клястицах
19	Адмирал Чичагов выступил из Валахии на Вольнь
20	Сражение при Боярщине
20	К Смоленску прибыла 1-я Западная армия
22	К Смоленску прибыла 2-я Западная армия
27	Платов разбил под Инковым (при Молевом болоте) авангард Себастьяни
28	Дохтуров с двумя пехотными и двумя кавалерийскими корпусами перешел к Мошинке, куда перенесена и Главная квартира
29–30	Войска 3-й Западной армии сосредоточились у Городечны
31	Сражение у Городечны

Август

1–2	Армия Наполеона перешла через Днепр у Расасны и у Хомина и направилась через Ляды к Красному

2	Сражение под Красным (Неверовский); начало переправы армии Наполеона через Днепр
4–6	Сражение под Смоленском
4	2-я Западная армия днем вернулась в Смоленск
5 и 6	Сражение при Полоцке
6	В ночь на 6 августа войска, оборонявшие Смоленск, начали сниматься с позиций и переходить через Днепр
6	Наполеон вошел в Смоленск
7	Винцингероде подошел к Витебску; сражение при Лубине (при Валутиной горе)
8	Указ Александра I о назначении Кутузова главнокомандующим; части 1-й Западной армии переправились через Днепр у Соловьевой переправы
11	Кутузов выехал из Петербурга к армии
В ночь с 11-го на 12-е	Русские армии отошли к Дорогобужу
В ночь с 12-го на 13-е	Русские армии начали отступление к Вязьме
15	Русские армии расположились у Вязьмы
16	Русские армии отступили к Федоровскому
17	Войска Тормасова отступили за реку Стырь; русские армии отступили к Цареву-Займищу; Кутузов прибыл в Царево-Займище; армия Наполеона заняла Вязьму
19	Русские войска снялись с позиции у Царева-Займища; 1-я и 2-я армии прошли через Гжатск
20	Наполеон прибыл в Гжатск
21	Главные силы 1-я и 2-я армий отошли от д. Дурыкина к Колоцкому монастырю

- 22 Русская армия отступила к с. Бородину;
в с. Бородине к русской армии присоединились
ополчения Московское и Смоленское
- 23 Сражение между арьергардом русской армии
и конницей Мюрата у Гриднева
- 24 Сражение между арьергардом русской армии
и конницей Мюрата у Колоцкого монастыря;
бой при д. Шевардине и Доронине
- 25 К вечеру вся армия Наполеона стояла около
д. Валуевой
- 26 Сражение при Бородине
- 27 Русские войска до рассвета снялись
с Бородинской позиции и отступили за
Можайск к с. Жукову
- 28 Русские войска отошли к Землину
- 29 Русские войска отошли за р. Нару к с. Крутицам
- 31 Александр отправил к Кутузову Чернышева
с планом захвата Наполеона в плен

Сентябрь

- 1 Русская армия, выступив от Мамоновой,
двинулась к Москве и расположилась на
бивуаках в 2 верстах от Дорогомиловской
заставы; состоялся военный совет в д. Филях
- В ночь на 2-е Главные силы русской армии выступили
с Поклонной горы
- 2 Вступление авангарда армии Наполеона
в Москву; вечером вспыхнул пожар
в нескольких пунктах Москвы; русская армия
дошла до Панки и здесь ночевала

- 3 Из Петербурга к Себежу выступил первый отряд Санкт-Петербургского ополчения; Наполеон перенес в 6 часов утра главную квартиру в Кремль; дневка русской армии у д. Панков
- 4 В полдень начался пожар в Кремле; переход Наполеона из Кремля в Петровский дворец; донесение Кутузова из Жилина Александру I об оставлении Москвы; главные силы русской армии переправились по Боровскому мосту за Москва-реку
- 5 Русская армия форсированным маршем перешла от Боровского моста на дорогу Москва — Кашира; главные силы русской армии двинулись по правому берегу р. Пахры по направлению к Подольску; арьергард под сильным натиском неприятеля переправился через Москва-реку
- 6 Русская армия достигла Подольска
- 7–9 Дунайская армия прибыла на р. Стырь
- 8 Главные силы русской армии перешли к с. Горкам; опубликовано правительственное сообщение о занятии Москвы армией Наполеона; русская армия достигла селения Горок на Старой Калужской дороге
- 9 Главные силы русской армии расположились у с. Красная Пахра
- 9–16 Рейд генерала Дорохова из с. Десны на Старую Смоленскую дорогу. В ночь на 10-е корпус Понятовского выслан к Подольску и Мюрату отдано приказание преследовать русскую армию по пятам
- В ночь с 9-го на 10-е Наполеон получил донесение, что его авангард потерял из вида русскую армию

10 и 11	Армии Тормасова и Чичагова переправились через р. Стырь
15	Главные силы русской армии отошли к д. Бабенково
16	Русские войска перешли в д. Бабенково; арьергард занял позицию при Красной Пахре
17	Мюрат атаковал русский арьергард у Красной Пахры, но был отбит
19	Русская армия отступила к Спас-Купле
20	Главные силы русской армии вступили в лагерь при Тарутине
22–6 октября	Русская армия и армия Мюрата стояли друг против друга
23	Свидание Кутузова с Лористоном
27	Дорохов занял Верею
28	3-я Западная армия заняла Брест-Литовский

Октябрь

3	Корпуса Шварценбергера и Рейнье вытеснены 3-й Западной армией за Буг в герцогство Варшавское
4	Начало наступления войск Витгенштейна к Полоцку
5	Сражение при Полоцке
6	Сражение при Тарутине на р. Чернишне
В ночь с 6-го на 7-е	Армия Наполеона стала сосредоточиваться под Москвой (у Калужской заставы) для выступления

7	Корпус Штейнгеля подошел к Полоцку с правого берега Двины; армия Наполеона выступила из Москвы
В ночь на 8-е	Корпус Сен-Сира оставил Полоцк
9	Наполеон перенес Главную квартиру в Плесково (близ Игнатова)
10	Войска Дорохова выступили из Тарутинского лагеря по направлению к Фоминскому
В ночь с 10-го на 11-е	Мортье ушел из Москвы, взорвав Кремль
11 (утром)	В Москву вступил отряд Иловайского 4-го
11 (вечером)	Русская армия выступила из Тарутинского лагеря к Спасскому; армия Наполеона вступила в Малоярославец; переход корпуса Витгенштейна на левый берег Двины
12	Сражение при Малоярославце
14	Отступление Наполеона от Малоярославца; русская армия отведена от Малоярославца назад по Ново-Калужской дороге
В ночь на 15-е	Милорадович отвел авангард от Малоярославца к Афанасову; в то же время Даву очищал Малоярославец
На рассвете 15-го	Русские передовые посты заняли Малоярославец
15	Главная квартира Наполеона перешла в Верею
16	Авангард корпуса Витгенштейна занял д. Высокие Стены; Чичагов двинулся из окрестностей Пружан к Минску; Наполеон с гвардией вышел на большую Смоленскую дорогу

- 17 Авангард корпуса Витгенштейна заставил неприятеля очистить Лепель; Наполеон с гвардией прошел через Бородинское поле; вечером прибыл в Гжатск; Кутузов с главными силами перешел в Адамовское
- 18 Платов с двадцатью казачьими полками вышел на большую Смоленскую дорогу; главные силы русской армии ночевали в Кременском
- 19 Сражение у Чашников; Платов атаковал неприятеля у Колоцкого монастыря; Наполеон прибыл в Вязьму
- 20 Арьергард армии Наполеона прошел через Гжатск; армия Наполеона находилась между Вязьмою и Гридневом, будучи растянута на 100 км
- 21 Главные силы русской армии дошли до Дубровы
- 22 Сражение при Вязьме
- 24 Главная квартира Наполеона в Дорогобуже; главные силы русской армии выступили из Быкова через Белый Холм к Ельне
- 25 Армия Чичагова прибыла в окрестности Слонима; главная квартира армии Наполеона была перенесена в Михалевку
- 26 Часть войск корпуса Витгенштейна выбила неприятеля из Витебска; сражение между русским авангардом и арьергардом армии Наполеона у Дорогобужа
- 27 Главные силы русской армии пришли в Ельню
- 28 Дневка главных сил русской армии в Ельне; у Ляхова (на Ельнинской дороге) Сеславин, Давыдов и Фигнер истребили отряд Ожеро; Главная квартира Наполеона перенесена в Смоленск

- 29 Главные силы русской армии перешли от Ельни к Балутину; отряд Милорадовича — от Алексеева к Ляхову
- 30 Авангард Дунайской армии вступил в Несвиж
- 31 Отряд Платова подошел к Смоленску
- 31–3 ноября Армия Наполеона выступила из Смоленска

Ноябрь

- 1 Главные силы русской армии перешли к с. Щелканову
- 2 Сражение при Смоляницах; передовые части армии Наполеона подошли к Красному; сражение при Чашниках (Смоляницах)
- 3 Наполеон прибыл в Красное; корпус Нея вступил в Смоленск
- 4 Минск занят войсками Дунайской армии
- 4–6 Бои под Красным
- 5 Главные силы Дунайской армии прибыли в Минск; корпус Нея выступил из Смоленска
- 6 Головные части армии Наполеона достигли Орши; гвардия подошла к Дубровне; аррьергард ночевал между Дубровной и Лядами
- В ночь с 6-го на 7-е Корпус Нея переправился через Днепр у д. Варишек
- 7 Наполеон прибыл в Оршу
- 8 Остатки корпуса Нея прибыли в Оршу; Дунайская армия выступила из Минска; главные силы русской армии выступили из окрестностей Красного; Наполеон выехал из Орши; авангард Ермолова перешел в Дубровне через Днепр

- 9 Авангард Дунайской армии выбил неприятеля из Борисова; Главная квартира Наполеона находилась в Каменице близ с. Коханова; отряд Платова заставил неприятеля очистить Оршу; армия Наполеона оставила Оршу
- 10 Армия Чичагова занимала Березину от Зембино до Унги, имея главную массу у Борисова; вечером голова армии Наполеона достигла Бобра; гвардия и главные силы прибыли в Толочин; у Лошницы находился аррьергард; у Черей располагался корпус Виктора; пехота и обозы Дунайской армии перешли на левый берег Березины у Борисова; главные силы Дунайской армии сосредоточились у Борисова; Наполеон подошел к Толочину
- 11 Армия Наполеона выбила Дунайскую армию из Борисова; главные силы русской армии подходили к Копысе; отряд Ожаровского занял Могилев
- 12 Главная квартира армии Наполеона прибыла в Лошницу; у Студянки появились войска корпуса Штейнгеля
- 13 Дунайская армия двинулась из Борисова и ночью прибыла в Шабашевичи (к югу от Борисова); Наполеон прибыл в Борисов; главные силы русской армии дневали в Копысе
- 14 Главные силы русской армии перешли через Днепр в Копысе; Наполеон прибыл к Студянке
- 15 Наполеон с гвардией переправился через Березину
- 17 Французами зажжены мосты через Березину
- 18 Главная квартира Наполеона достигла м. Плещениц
- 21 Главная квартира Наполеона находилась в Молодечно

- 23 Главные силы русской армии переправились через Березину у Жуковца и прибыли в Раваничи; Дунайская армия переправилась через р. Ушу у Молодечно; Наполеон из Сморгони выехал в Париж
- 24 Дунайская армия пришла в Сморгонь; главные силы Дунайской армии дошли до Беницы; остатки армии Наполеона двигались от Сморгони к Ошмянам
- 26 Мюрат прибыл в Вильну; утром Наполеон переехал обратно через границу
- 28 Мюрат выступил из Вильны по Ковенской дороге; русские войска заняли Вильну
- 29 Главные силы Дунайской армии прибыли в Вильну; сюда перенесена Главная квартира; армия Наполеона отступила к Румшишкам
- 30 Остатки армии Наполеона прибыли в Ковно

Декабрь

- 1 Мюрат выехал из Ковно; Ней с арьергардом прибыл в Ковно
- 2 К Ковно подошел Платов с казаками; остатки армии Наполеона вышли из Ковно
- 3 Платов с казаками вступил в Ковно
- 8 Австрийский корпус очистил Гродно и ушел к Белостоку; отряд Давыдова занял Гродно
- 9 Митава занята русскими войсками
- 11 Александр I прибыл в Вильну
- 18 Австрийский корпус отступил к Пултуску
- 31 Кутузов издал приказ по армии в связи с окончанием Отечественной войны

Вооруженные силы России и Франции, участвовавшие в войне 1812 г.

Вооруженные силы России накануне вторжения Наполеона

Вооруженные силы России на западной границе империи состояли из 1-й и 2-й Западных армий и Резервной армии. В начале кампании русская армия расположилась на границе тремя главными массами:

1-я Западная армия под командой генерала Барклая силою в 90 тыс. человек достигала своим правым крылом (Витгенштейн) Балтийского моря, а левым (Дохтуров) почти окрестностей Гродно. Главная квартира находилась в Вильно.

2-я Западная армия под командой Багратиона силою в 45 тыс. человек растянулась от Гродно до Муховца. Ее Главная квартира была в Волковиске.

Так называемая Резервная армия под командой Тормасова стояла по другую сторону Волынских болот и насчитывала 35 тыс. человек; ее Главная квартира была в Луцке.

Сюда же надо добавить 10 тыс. казаков, большая часть которых во главе с Платовым находилась при армии Багратиона.

Во второй линии вдоль Западной Двины и Днепра стояли резервные дивизии, составленные из трех батальонов и пяти эскадронов. В общем они составляли 35 тыс. человек, которые вступили в дело в качестве подкрепления, прибывших к Витенштейну, Рижскому и Бобруйскому гарнизонам, и в качестве корпуса генерала Гертеля; они потому лишь несколько позднее приняли участие в кампании.

Наполеоновские войска накануне вторжения в Россию

Наполеоновские войска имели в основном корпусную организацию и включали в свой состав следующие соединения:

Маршала Даву	80 тыс.
Маршала Удино	45 тыс.
Маршала Нея	45 тыс.
Вице-короля Итальянского:	35 тыс.
Короля Вестфальского Иеронима	30 тыс.
Князя Понятовского из поляков	60 тыс.
Генерала Ренье из саксонцев	80 тыс.
Маршала Макдональда	60 тыс.

Маршала Виктора:	45 тыс.
Под командой герцогов Монсея, Бесиера и Мортье:	40 тыс.
Маршала Ожро:	41 тыс.
Австрийского князя Шварценберга:	30 тыс.

В 12 корпусах насчитывалась 561 тыс. пехотинцев. Под началом короля Неаполитанского Мюрата была сосредоточена вся кавалерия с 10 тыс., легкой пехоты 3 тыс., при парке легкой артиллерии из 160 орудий с 8 тыс. зарядными ящиками и при них 4 тыс. человек. Оба эти парка были под начальством артиллерии инспектора графа Эбле.

Всего находилось во французской армии со свитами императора, маршалов и генералов, короля Неаполитанского и вице-короля Итальянского с лекарями, аптекарями, служителями и прислужниками 591 500 человек. Армия состояла из 49 дивизий, в составе 98 полков, не считая гвардии.

При каждом корпусе французской армии был запасной парк из 16 орудий, а всего 176 орудий и 528 ящиков с амуницией. Да сверх того каждая пехотная дивизия имела по 16 пушек. Всего в линейных полках было 784 пушки, при которых 1568 ящиков с амуницией. Императорская гвардия имела 150 пушек. Таким образом, во всей армии было 1420 орудий, а ящиков с зарядами и амуницией — 3296.

Военные деятели и военачальники Российской империи периода Наполеоновских войн

Петр Иванович Багратион

Князь Петр Иванович Багратион — представитель древнего грузинского рода Багратионов, генерал от инфантерии, любимец Суворова, герой Отечественной войны, родился в 1765 г.

В 1782 г. Багратион был определен в Кавказский мушкетерский полк сержантом. С этим полком он принял участие в экспедициях и походах против непокорных горцев в 1783, 1784, 1786, 1790 и 1791 гг. В одной из стычек с чеченцами Багратион был тяжело ранен. Его, оставленного на поле сражения в гуще убитых и раненых, узнали горцы. Из признательности к отцу Багратиона, оказавшему им какую-то услугу, он был доставлен в русский лагерь без выкупа. С Кавказским мушкетерским полком Багратион участвовал в штурме Очакова в 1788 г. За боевые отличия в этих походах и штурмах он получил последовательно все офицерские чины до премьер-майора. Произведенный в этот чин 26 сентября 1793 г., он был переведен в Софийский карабинный полк, с которым и выступил в 1794 г. против Польши.

Ряд лихих кавалерийских дел, особенно во время штурма Праги, обратили на Багратиона внимание Суворова. Последний проникся к Багратиону почти отеческой любовью и, ласково называя его всегда князем Петром, не скрывал особого уважения к нему. Князь Петр платил своему великому учителю теми же чувствами и беззаветной преданностью.

В итальянском походе 1799 г. генерал-майор Багратион, командуя авангардом армии, взял штурмом цитадель Брешиа (10 апреля), атаковал и занял город Лекко. Раненый пулей в ногу, но остался в строю, продолжая руководить боем. 16 апреля Суворов разбил армию Моро на Адде, Милан был занят, на очереди была переправа через реку По. 21 апреля Багратион в авангарде войск переправился через нее и двинулся к городу Тортон. 28 апреля он продвинулся к крепости Алессандрия и этим движением пресек прямое сообщение французов с Генуей.

Согласно диспозиции Суворова 6 мая Багратион спешил к Сен-Джулиано, чтобы составить боковой авангард армии при ее фланговом

движении к реке Сезии. Услышав выстрелы у Маренго, Багратион повернул на помощь австрийцам, великодушно уступил общее командование младшему по чину генералу Лузиянову, пристроился к нему с обоих флангов и увлек союзников в стремительную атаку. Когда генерал из французских колонн пытался обойти правый фланг союзников, Багратион со своим седьмым егерским полком и казаками кинулся ему навстречу и отбил удар. Тогда Моро приказал отступить: его попытка прорваться в Геную не удалась.

Утром 6 июня пришло известие, что Макдональд атаковал австрийцев на Тидоне. Суворов взял из авангарда казацкие полки, австрийских драгун и вместе с Багратионом повел их к месту боя. В 3 часа дня он был там и лихой кавалерийской атакой задержал натиск французов до подхода пехоты авангарда. Когда она показалась, Багратион подошел к Суворову и, видимо, не осознавая важности минуты, попросил его повременить с атакой, пока не подойдут отставшие, ибо в ротах нет и 40 человек. Суворов отвечал ему: «А у Макдональда нет и по 20, атакуй с Богом! Ура!». Багратион повиновался. Войска дружно бросились на неприятеля и отбросили его в большом беспорядке за Тидоне. Макдональд собрал свою армию на Требию и 7 июня принял на левом берегу новую атаку Суворова, во время которой Багратион был ранен. Однако и вторая рана Багратиона в эту кампанию не вывела его из строя. 4 августа у Нови Суворов возложил на Багратиона нанесение решительного удара.

Затем последовал легендарный поход Суворовских войск через Швейцарию. Багратион шел то во главе их, первым принимая на себя все удары противника, первым преодолевая все преграды, сдерживая натиск французов. Когда, наконец, русские войска благополучно выбрались из той западни, в которую заманил их не только противник, но и союзник, в полку Багратиона оставалось всего лишь 16 офицеров и 300 низших чинов. Сам он был в третий раз за эту войну ранен в сражении при Клентале.

По возвращении в Россию Багратион был назначен шефом лейб-егерского батальона, переформированного впоследствии в полк.

С началом первой войны с Наполеоном в 1805 г. Багратион был в авангарде армии Кутузова, но едва войска вступили в пределы Австрии, как из-за капитуляции союзной австрийской армии под Ульмом 40-тысячный русский корпус очутился перед семью французскими корпусами, имея в тылу Дунай. Кутузов начал поспешное отступление к русским границам, и авангард Багратиона обратился в арьергард, который на протяжении 400 верст рядом упорных боев при Ламбахе, Энсе, Амштеттене и

Кремсе сдержал противника и дал русской армии возможность выбрать-ся из этой западни. Но едва русские войска перешли у Кремса на левый берег Дуная, как Вена сдалась Наполеону, который, перейдя Дунай, бросился к Цнайму наперерез пути отступления Кутузова от Кремса к Брюнну.

На этот раз положение русской армии стало еще более критическим. И во второй раз ее спас Багратион, которому Кутузов приказал во что бы то ни стало задержать французов, хотя бы для этого ему пришлось пожертвовать всем своим отрядом до последнего человека. Прощаясь с Багратионом, Кутузов перекрестил его как обреченного на смерть; так смотрела на Багратиона и его отряд и вся армия, зная, что от его стойкости зависит ее участь. Барклай поклялся Кутузову устоять. 4 ноября у Шенграбена (Голабрюна) он выдерживал яростный натиск двух французских корпусов (30 тысяч человек) в течение 8 часов. Он не покинул позиции даже тогда, когда дивизия Лёграна зашла ему в тыл. Когда же Багратион получил известие, что Кутузов с главными силами миновал Цнайм и находится вне опасности, Багратион во главе шестого егерского полка штыками проложил себе путь чрез кольцо французских войск и горевшие селения Шенграбен и Грунд и присоединился к армии, захватив с собою даже пленных и одно французское знамя. За этот блистательный подвиг Багратион был произведен в генерал-лейтенанты, а шестой егерский полк, первый из полков русской армии, получил в награду серебряные трубы с Георгиевскими лентами.

После соединения Кутузова с корпусом графа Буксгевдена русская армия перешла в наступление, отряд Багратиона снова стал авангардом. На пути к Аустерлицу 14 ноября Багратион разбил французов у Вишау и Раусница. 20 ноября на Аустерлицком поле авангард Багратиона составил крайний правый фланг боевого расположения союзной армии, и когда колонны ее центра были рассеяны, подвергая жестокому натиску победоносного противника, устоял и прикрыл отступление разбитой армии, снова став ее арьергардом. За Аустерлиц Багратион был пожалован орденом Святого Георгия 2-й степени.

В кампанию 1806—1807 гг. Багратион командовал то авангардом, то арьергардом, в зависимости от того, наступала или отступала русская армия. Так, в течение трехдневного боя на протяжении 70 верст он прикрывал отступление русской армии от Янкова к Прейсиш-Эйлау и принял участие в сражении у этого местечка (26 и 27 января). 27 января он руководил действиями не только своего отряда, но и корпуса Дохтурова,

контуженного и выбывшего из строя. Получив приказание главнокомандующего генерала Беннигсена во что бы то ни стало выбить французов из Прейсиш-Эйлау, Багратион, спешившись, со знаменем в руке становится во главе 4-й дивизии и овладевает местечком. Однако русская армия все же вынуждена была отступить к Кенигсбергу, и это движение происходило под прикрытием отряда Багратиона.

Так как Наполеон, не развив своего успеха, также отошел за Пассаргу, то Беннигсен снова перешел в наступление. Багратион, идя в авангарде, занимает Гутштат и, продолжая марш далее, 24 мая атакует неприятельские войска у Альткирхена, сбивает их после 6-часового боя с весьма выгодной позиции, обращает в бегство, преследует и довершает победу новым их поражением на следующий день у села Анкендорф. Атакованный 28 мая всей неприятельской конницей, Багратион упорно обороняется у Гутштата, чем задерживает переправу французов чрез реку Алле и дает русской армии время на укрепление позиции у Гейльсберга.

В сражении у Фридланда отряд Багратиона составлял левый фланг расположения русской армии. Когда войска не выдержали и начали отступать, Багратион со шпагой в руках стал ободрять Московский гренадерский полк, остатки которого окружили его лошадь, напоминая солдатам их подвиги в Италии с Суворовым, но все было напрасно. Даже Семеновцы и Павловцы дрогнули и отступили. Тогда Багратион, желая хоть сколько-нибудь сдержать натиск французов, приказал полковнику А.П. Ермолову привести из резерва какую-нибудь артиллерийскую роту. 16 часов пробыл Багратион в самом пекле этого жестокого боя и затем еще 5 суток сдерживал противника, преследовавшего разбитую армию, шедшую к Тильзиту. За Фридланд Багратион был награжден золотой шпагой, украшенной алмазами, с надписью «За храбрость».

Несмотря на чрезвычайное напряжение всех сил в течение кампании 1805–1807 гг., Багратион, не колеблясь, принял назначение на театр войны с Швецией (1808–1809 гг.) и стал деятельным участником этой войны. Назначенный начальником 21-й пехотной дивизии, он в ночь с 15 на 16 февраля разбил генерала Адлеркрейца у Артчио, 28 февраля занял Тамерфорст, 4 марта нанес поражение шведскому главнокомандующему генералу Клингспору у Бьернеборга и, преследуя его в течение 8 дней на протяжении 22 верст по отвратительным дорогам, 10 марта занял Або, 12 марта — Христианштадт, 26 марта — Вазу, 31 марта — Аландские острова. Нездоровье, вызванное усиленными непрерывными трудами, вынудило Багратиона временно покинуть армию.

Восстановив силы, он осенью 1808 г. вернулся в Финляндию и 16 сентября разбил генералов Бойе и Лаптинсгаузена у Гельсинга. Чтобы нанести шведам решительный удар, император Александр составил план зимнего похода русской армии по льду Ботнического залива к Стокгольму. Не только большинство генералов в армии, но и ее главнокомандующие, сначала граф Буксгевден, а потом генерал Кнорринг, высказывались против такой операции и медлили с ее началом. И только один Багратион, не рассуждая, ответил графу Аракчееву, присланному государем организовать этот поход: «Прикажите — пойдем». Назначенный начальником одной из трех колонн, он должен был перейти из Або в Швецию через Аландские острова. Последние были заняты 6 суток, а авангард под командой Кульжева достиг шведского берега и захватил Гриссельгам, расположенный в окрестностях Стокгольма.

В начале августа 1809 г. Багратион был назначен командовать Молдавской армией, действовавшей против Турции. Историк эпохи конца XVIII — начала XIX в. Е. Шумигорский на основании документов полагает, что такое быстрое перемещение Багратиона из Финляндии, где война уже закончилась, в Турцию, где она тянулась безрезультатно уже третий год, в сущности, было для него почетной ссылкой. Его не желали более видеть в Санкт-Петербурге.

Поскольку Багратион не хотел мириться с этим фактом, то его произвели в генералы от инфантерии и направили в Молдавию. Прибыв туда, он повел военные действия с привычной суворовской быстротой и решительностью. Имея в армии всего лишь 20 тысяч человек, он не снял блокады Измаила.

Отечественная война 1812 г. началась отступлением обеих западных армий на соединение у Смоленска. Наполеон поставил себе целью отрезать и уничтожить слабевшую армию Багратиона и для этого направил с фронта корпус своего брата, короля Вестфальского Иеронима, а наперерез — маршала Даву. Но Багратион пробился. 28 июня у местечка Мира он разбил авангард Вестфальского короля. 2 июля у Романова Багратион снова рассеял его кавалерию, но Даву успел загородить Багратиону путь на Могилев у Салтановки. Хотя корпусу Раевского, атакованному здесь 10 июля пятью французскими дивизиями в составе 28 тысяч человек, и удалось отразить атаку и даже преследовать французов от Дашковки до Новоселки, но все же Багратион был вынужден повернуть на Новый Быхов. Здесь он переправился через Днепр и, идя на Мстиславль, 17 июля соединился с Барклаем под Смоленском.

Примечательно, что, будучи генералом наступательной тактики, Багратион тем не менее не ввязался в решительный бой под Могилевым, а преследуя правильно поставленную стратегическую цель отступления, вовремя уклонился в сторону и тем спас армию. Хотя по соединению армии Багратион и подчинился Барклаю, несмотря на то что был старше его в чине, разногласия, существовавшие между ними относительно способа ведения войны, достигли своего пика. Багратион требовал наступления, хотел сражаться с Наполеоном. Барклай-де-Толли осуществлял свой план заманивания противника в глубь России.

Для характеристики взглядов Багратиона и его настроения могут служить следующие строки его письма от 3 июля 1812 г. Ермолову, состоявшему в штабе Барклая: «Куда вы бежите? Ей Богу, неприятель места не найдет, куда ретироваться. Они боятся вас, войско ропщет, все недовольны. У вас зад был чист и фланги. Зачем бежали? Надобно наступать; у вас 100 тысяч. А я тогда помог. А то вы побежали, где я вас найду... Уж истинно еле дышу от досады, огорчения и смущения я, ежели выберусь отсюда, тогда ни за что не останусь командовать армией и служить. Стыдно носить мундир. Ей Богу, болен. А ежели наступать будете с первой армией, тогда я здоров...». 7 июля 1812 г. он пишет: «Ретироваться трудно и пагубно. Ежели вперед не пойдете, я не понимаю ваших мудрых маневров. Мой маневр — пускать и бить!...». Поэтому Багратион настаивал на движении к Рудне. На генеральном сражении под Смоленском Барклай оставался верным своему плану.

Решено было объединить командование всеми армиями под началом особого главнокомандующего. Им был избран Кутузов. Армии отступали и остановились на Бородинском поле, где 26 августа и разыгралась знаменитая битва. Она была последним боем в долгой и славной военной деятельности Багратиона, насчитывавшей 20 походов и войн, 150 сражений и боев. На долю Багратиона выпала оборона слабейшего в тактическом отношении участка всей позиции. Центр Бородинской позиции составляли две высоты на расстоянии одной версты одна от другой: первая — между рекой Колочей, ручьем Стох и речкой Семеновкой, вторая — к юго-западу от деревни Семеновской. На первой высоте была построена батарея Раевского, на второй — Багратионовы флеши (3 батареи). Этот участок занимали два пехотных и один кавалерийский корпус, а за Багратионовыми флешами стояла дивизия Неверовского. Наполеон назначил для атаки флешей маршала Нея с пятью дивизиями с фронта и двумя с фланга при поддержке трех резервных кавалерийских корпусов. 120 орудий должны

были стрелять по батарее Раевского и флешам. В 7 часов утра 26 августа Ней начал атаку. В 8 часов утра он овладел флешами и готовился уже атаковать деревню Семеновскую.

В 9 часов Багратион взял флешу, но в 10 часов опять их потерял; в 11 часов дня, поддержанный дивизией Коновницына и четырьмя кавалерийскими полками, Багратион снова выбил французов, но во время этой блестящей атаки, которая должна была послужить началом перехода в решительное наступление, он был тяжело ранен.

Багратион не хотел оставлять поле сражения, пока ему не донесут о результатах только что начавшейся атаки кирасир, но из-за большой потери крови его с поля сражения отправили в Москву. Слух о ранении и даже смерти Багратиона быстро распространился между солдатами и, по словам Ермолова, привел их в полное отчаяние, так что в рядах их обнаружилось замешательство, в виду которого Коновницын, заступивший на место Багратиона, не признал возможным дальнейшую борьбу за флешу и отошел за Семеновский овраг.

В Москве лечение Багратиона сначала пошло относительно успешно, но переезд из Москвы в имение его друга князя Б. Голицына Симы (Владимирская губерния) по тряской дороге, дурная осенняя погода и скорбь от потери Москвы повлекли осложнение болезни, опасное для изнуренного непрерывной походной боевой жизнью организма. Предложения врачей ампутировать ногу вызвали гнев князя, и 12 сентября он скончался в Симах в страшных мучениях.

Багратион являл собой редкий тип народного и солдатского героя, по единому слову и знаку которого войска готовы были броситься в бой и умереть. Стоя всегда на страже интересов своих офицеров и солдат, деля с ними все тяготы боевой жизни, он пользовался уважением и любовью в войсках. Своим образом жизни в походе и на войне Багратион подавал пример нетребовательности и выносливости: он всегда спал одетым не более 3—4 часов в сутки, был неприхотлив в пище и жилье.

За всю свою долгую боевую деятельность Багратион не допустил каких-либо стратегических ошибок, наоборот, ему постоянно приходилось искупать своим умением и упорством в бою крупные промахи своих начальников.

27 лет спустя император Николай I, повелев воздвигнуть памятник на Бородинском поле, приказал перенести к подножию его и останки Багратиона. Император Александр III увековечил память героя наименованием 104-го пехотного Устюжского полка его именем.

Михаил Богданович Барклай-де-Толли

Князь Михаил Богданович Барклай-де-Толли, генерал-фельдмаршал, происходивший из древней шотландской фамилии, родился в 1761 г.

Осада Очакова послужила боевым крещением Барклая, который за проявленное мужество при штурме этой крепости был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени и чином секунд-майора.

Переведенный в Изюмский легкоконный полк, состоя при принце Ангальте, Барклай участвовал затем в деле под Каушанами и при взятии крепостей Аккерман и Бендеры. Вместе с прапорщиком Ангальтом Барклай в 1790 г. отправился в Финляндию, в армию, действовавшую против шведов.

В чине премьер-майора Барклай по окончании Шведской войны был переведен в Санкт-Петербургский гренадерский полк. Командуя батальоном этого полка, он принял участие в польской войне 1794 г. и за отличие при взятии штурмом укреплений Вильны и истребление близ Гродны отряда Грабовского был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и произведен в полковники. В 1798 г. Барклай был назначен шефом четвертого егерского полка, за отличное состояние которого в 1799 г. был награжден чином генерал-майора.

В кампанию 1806 г. Барклай командовал передовым отрядом и под Пултуском, где не только выдержал атаку войск маршала Ланна, но вместе с подоспевшими войсками генерала Сакена перешел в наступление и опрокинул дивизию генерала Гюдена. Награжденный за это орденом Святого Георгия 3-й степени, Барклай еще больше отличился в кампании 1807 г., когда, командуя одним из авангардов, прикрыл марш русской армии к Янкову, выдержав бой с вчетверо более сильным противником, а на следующий день, командуя уже арьергардом при отступлении армии к Ландсбергу и Прейсиш-Эйлау, своими искусными действиями против всей армии Наполеона дал возможность главнокомандующему генералу Беннигсену сосредоточить армию у Прейсиш-Эйлау. Там 26 и 27 января разыгралось кровопролитное сражение, в котором Барклай был ранен и вынужден был удалиться на лечение в Мемель, где в знак уважения к выдающимся боевым заслугам и мужеству его посетил Император Александр I и имел с Барклаем продолжительный разговор о тогдашних военных событиях, о состоянии армии.

Награжденный за эту кампанию орденом Святого Владимира 2-й степени и чином генерал-лейтенанта, Барклай был назначен начальником шестой пехотной дивизии, с которой в 1808–1809 гг. и принял участие в

войне со Швецией. Получив приказание идти к Куопио и очистить от неприятеля Саволакскую область, Барклай в начале июня занял этот город и, оставив здесь часть своих сил, согласно приказу главнокомандующего направился к Вазе на соединение с отрядом генерала Раевского. Между тем, шведский партизан Сандельс атаковал Куопио, и Барклай, получив известие о критическом положении нашего малочисленного отряда в этом городе, опасаясь за свою коммуникационную линию, вернулся назад и прогнал Сандельса.

Самовольное возвращение Барклая в Куопио вызвало сильное неудовольствие главнокомандующего армией графа Буксгевдена, находившего, что этим был разрушен весь его план, и Барклай покинул армию, уехав в Санкт-Петербург. С заменой Буксгевдена генералом Кноррингом Барклай снова был вызван в Финляндию, и на него было возложено командование войсками, назначенными для перехода по льду Ботнического залива через Кваркен (100 верст) в Швецию. Награжденный за переход через Кваркен чином генерала от инфантерии Барклай в мае 1809 г. был назначен генерал-губернатором и главнокомандующим войсками в Финляндии. Административные способности, проявленные Барклаем на этом посту, и тот такт, с которым он вел себя по отношению к местному населению, возбужденному войной и делившемуся на приверженцев Швеции, России и самостоятельной Финляндии, побудили Александра I в январе 1810 г. призвать Барклая на пост военного министра, освободившийся после назначения Аракчеева председателем департамента военных дел вновь образованного Государственного совета. На этом посту Барклай завершил устройство военного министерства изданием «Учреждения для управления большою действительною армиею», ввел корпусную организацию, образовал пехотные дивизии, создал корпус.

Во время Отечественной войны 1812 г. Александр I вначале вполне разделял взгляды Барклая, но впоследствии осложнил их осуществление принятием плана полковника Фуля. Поэтому Барклаю с первых же дней войны пришлось бороться с влиянием этого педанта-теоретика. Вынужденный, несмотря на все свои возражения, к поспешному отводу войск в Дрисский лагерь, Барклай настоял на его очищении и соединении со второй армией (князя Багратиона). Памятуя слова Александра, сказанные ему при отъезде императора из армии: «Поручаю вам мою армию. Не забывайте, что у меня нет другой, и пусть эта мысль никогда вас не покидает», Барклай действовал с крайней осторожностью. Так, после соединения армии у Смоленска и принятии главного начальствования над войсками

он отказался от выработанного Толем плана наступления всеми русскими силами к Рудне, чтобы, разбавив и прорвав центр расположения армии Наполеона, занять внутреннее положение по отношению к противнику и бить его по частям. Он решил отступать на Москву. Решение вызвало крайнее неудовольствие против Барклая как в армии, так и в обществе, обвинявших его в нерешительности, трусости и даже измене.

Под давлением общественного мнения Александр принял решение назначить Кутузова главнокомандующим всеми силами, действовавшими на театре войны. Последний прибыл к армии 17 августа и, приняв ее от Барклая, мрачными красками изобразил ее состояние в донесении Александру. Барклай был приведен этим в отчаяние и 24 августа, накануне Бородинской битвы, обратился к Александру с письмом, в котором умолял освободить его «из этого несчастного положения и совершенно уволить от службы», если в предстоящем сражении не исполнится его желание — быть убитым. Одетый в вышитый золотом генеральский мундир Барклай руководил под Бородином действиями первой армии с таким искусством, энергией и жаром, что вернул себе доверие армии и примирился с главным своим противником — Багратионом. При дальнейшем отступлении русской армии к Москве Барклай, узнав, что Беннигсен выбрал позицию для нового боя у Мамонова, осмотрел ее и, признав совершенно негодной, доложил о том Кутузову. Тогда состоялся известный военный совет в Филях, решивший участь Москвы и кампании.

Нужно было обладать глубокой, искренней убежденностью в правоте своих взглядов и громадным гражданским мужеством, чтобы, зная о тяготивших его обвинениях и подозрениях, высказаться за оставление Москвы. Но Барклай и в этом случае не покривил душою. Он настаивал на оставлении Москвы без боя, а когда армия перешла на старую Калужскую дорогу, высказался за открытие наступательных действий, и по его предложению отряд Дорохова был направлен к Вязьме. Этим актом и закончилось участие Барклая в Отечественной войне.

15 сентября он заболел лихорадкой, к болезни присоединилось новое тяжелое нравственное испытание: состоялось увольнение его от должности военного министра, хотя и по его собственной просьбе, но без единого слова благодарности за все сделанное им на этом посту. 22 сентября он покинул армию и выехал в Калугу, где подвергся оскорблениям со стороны черни. Просьба его о разрешении прибыть в Дерпт осталась без ответа.

Тогда, тяжело больной, он удалился в свое имение в Лифляндской губернии, где, наконец, и получил первое милостивое письмо от импе-

ратора Александра. 4 февраля 1813 г. по желанию императора Барклай принял командование третьей армией, с которой осадил Торн и 4 апреля взял его. За это он был награжден алмазными знаками ордена Святого Александра Невского, кроме того, ему было пожаловано единовременно 50 тысяч рублей.

17 апреля скончался Кутузов, и главнокомандующим русскими и прусскими войсками был назначен граф Витгенштейн. Хотя он и был младше Барклая по чину, последний беспрекословно подчинился ему. После Люценского сражения третья армия присоединилась к главной. В ночь на 7 мая войска Барклая бросили против корпусов, направленных Наполеоном на Кенигсварт. 7 мая Барклай разбил и рассеял итальянскую дивизию генерала Пери при Кенигсварте. 8 и 9 мая под Бауценом он командовал правым флангом армии, на которую был направлен главный удар Наполеона. 19 мая состоялось назначение Барклая главнокомандующим русско-прусскою армией, действовавшей против Наполеона. За Кенигсвартское дело Александр I наградил Барклая орденом Святого Андрея Первозванного, а король прусский — орденом Черного Ора. После присоединения Австрии общим главнокомандующим был назначен австрийский фельдмаршал князь Шварценберг, Барклай же остался во главе русских и прусских войск. Вступив со своею армией в Богемию, он двинулся к Дрездену и после сражения под этим городом отступил к Кульму, где 18 августа союзные войска одержали решительную победу. За Кульм Барклай был награжден орденом Святого Георгия 1-й степени, а император австрийский пожаловал ему командорскую крепость Марии-Терезии. В Лейпцигской битве Барклай с обычным мужеством и неустрашимостью появлялся всюду, где было необходимо его присутствие, и стал одним из главных героев одержанной победы. Наградой ему было графское достоинство.

В 1814 г. Барклай руководил русскими войсками в сражениях при Бриенне, Арсис-сюр-Обь, Фер-Шампенаузе и при взятии Парижа. За сражение при Бриенне он был награжден шпагой, украшенной алмазами и лаврами, а за Париж — произведен в генерал-фельдмаршалы.

После заключения мира и возвращения в Россию Барклай был назначен главнокомандующим первой армией, которая в 1815 г. вновь двинулась на Ватерлоо, и только вторичное отречение Наполеона от престола остановило дальнейшее движение русских войск. После знаменитого смотра в Вертю за распорядительность и образцовое состояние войск Александр I возвел Барклая в княжеское достоинство.

Барклай скончался 14 мая 1818 г. в Инстербурге, близ Кенигсберга, на 57-м году жизни. Его прах был перевезен и погребен в его имении Бекгоф в Лифляндии.

По мнению известного историка войны 1812 г. генерала Харкевича, Барклай не отличался блистательными способностями, но имел многие качества полководца. Обладая ясным и практичным умом, он трезво оценивал обстановку и принимал правильное решение. Самостоятельность его была безусловна: взгляды, которые он высказывал, и решения, которые он принимал, всегда были его собственными. Непоколебимая настойчивость в преследовании поставленной цели не знала преград. Современники отмечали полное самообладание и спокойствие даже в самые тяжелые минуты. На поле битвы он отдавал команды с неизменным хладнокровием. Патриот в лучшем смысле слова, он исполнял свой долг, никогда не думая о себе.

После смерти Барклая Александр I велел соорудить памятник ему и Кутузову как двум своим сподвижникам в великой борьбе России и Европы с Наполеоном. Император Николай Павлович повелел присвоить второму карабинерному полку наименование карабинерного фельдмаршала князя Барклая-де-Толли. Кроме того, Барклаю сооружен памятник на деньги, пожертвованные войсками, находившимися под его началом в 1812–1815 гг.

Леонтий Леонтьевич Беннигсен

Граф Леонтий Леонтьевич Беннигсен, генерал от кавалерии, уроженец Ганновера, родился в 1745 г. Он служил на ганноверской службе, участвовал в Семилетней войне и в 773 г. перешел на русскую службу.

В 1787 г. был назначен командиром Изюмского легкоконного полка, с которым и принял участие в турецкой войне 1788–1789 гг. Отличившись при штурме Очакова и под Бендерами, Беннигсен создал себе репутацию выдающегося командира полка. После заключения мира Беннигсен был послан в Польшу, где отличился при Мире, Несвиже, Зельве, Волковиске, под Солими, у Олиты, Ковно и под Вильной, за что получил орден Святого Георгия 3-й степени.

В 1796 г. Беннигсен участвовал в войне с Персией.

В 1798 г. император Павел I, найдя, что Беннигсен, произведенный в генерал-лейтенанты, «не довольно усерден особенно лично к нему», уволил его в октябре по прошению в отставку, в которой тот и пробыл почти до конца 1801 г. В 1800 г. Император решительно отклонил ходатайство

Ласси о назначении к нему в армию Беннигсена. Последний же, находясь в своем Минском поместье, не терял надежды, что его покровители, особенно всесильный в то время граф Пален, его не забудут. Действительно, уличив удобный момент, в ноябре 1800 г. Пален разжалобил государя и выпросил прощение многим опальным, в том числе и Беннигсену с Зубовым.

В период приготовлений к войне 1805 г. Беннигсен первоначально наметил получить корпус, но при установлении окончательной организации ему вверили начальство над одной из армий, бывших в команде генерала от кавалерии Михельсона. Но так как последний вскоре получил новое назначение, то Беннигсен оказался самостоятельным во главе армии. При учреждении в феврале 1806 г. постоянных дивизий он был назначен командующим генералом двух дивизий, а в сентябре 1806 г. ему был поручен особый корпус из войск четырех дивизий, составленный на прусской границе. Находясь со своим корпусом в первой линии, Беннигсен имел во второй линии корпус графа Буксгевдена, причем между корпусными командирами сразу же возникли трения. Пришлось назначить главнокомандующего, каковым был избран генерал-фельдмаршал граф Каменский. До прибытия последнего Беннигсен, перешедший границу 20 октября и к 3 ноября занявший Прагу и реку Вислу, успел нерешительными действиями наделать ряд ошибок, благодаря которым неприятель, использовав безотчетное отступление Беннигсена, овладел Прагой, Торном и Модлином.

Граф Каменский, прибыв 9 декабря к армии, убедился в вопиющих недочетах, не нашел ни боевых, ни продовольственных припасов, ни госпиталей и потому в виду угрозы быть обойденным с левого фланга приказал отступить к нашим границам. Беннигсен сумел умышленно раздражить вспыльчивого графа Каменского, категорически заявив ему, что не отступает, так как получил «строгое повеление защищать до последней возможности Кенигсберг, где имеет пребывание король прусский со своего фамилиею». В припадке бешенства главнокомандующий, передав начальство графу Буксгевдену, уехал в Остроленку.

Корпус Беннигсена, как стоявший ближе к неприятелю, первый подвергся нападению французов. 14 декабря 1806 г. Беннигсен счастливо отразил под Пултуском нападение корпуса Ланна и дивизий Гюдены (до 30–35 тыс.), причем в пышной реляции донес государю, что разбит сам Наполеон, бывший во главе трех корпусов. В Санкт-Петербурге, где обсуждался вопрос о назначении главнокомандующего, реляция была принята с восторгом, победителю поверили на слово, и его кандидатура в

главнокомандующие, о чем до реляции и не помышляли, оказалась вполне обоснованной. 24 декабря 1806 г. Беннигсен, награжденный орденом Святого Георгия 2-й степени, уже был назначен главнокомандующим.

Под Прейсиш-Эйлау русская армия сразилась с французской. По окончании сражения Беннигсен вопреки настойчивым просьбам генералов, предлагавших на военном совете снова атаковать расстроенную французскую армию, приказал отступать к Кенигсбергу. Летом 1807 г. Наполеон заставил Беннигсена начать отступление, которое завершилось Фридландской неудачей. Упавший духом Беннигсен отступил за Неман и послал Императору Александру I донесение, в котором доказывал невозможность продолжать войну. Вскоре был заключен Тильзитский мир, ближайшим следствием которого было увольнение Беннигсена со службы.

С 1808 г. он начал писать записки о войне 1806–1807 гг. Труд Беннигсена оставался в рукописном виде до 1896 г., когда благодаря П.М. Майкову был издан под заглавием: «Записки графа А.Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 г.».

Будучи не у дел, Беннигсен в феврале 1811 г. напомнил о себе, представив будущий план военных действий на случай войны с Наполеоном. В апреле 1812 г. ему повелено было состоять при особе императора. После отъезда государя из армии Беннигсен остался при первой армии в качестве советника. В то время отношения между Барклаем-де-Толли и Беннигсеном, благодаря советам последнего, обострились. Верного союзника Беннигсен встретил в лице находившегося при главной квартире великобританского комиссара сэра Роберта Вильсона, с которым он, как ганноверец и английский подданный, подружился еще в 1801 г. При его содействии в особом комитете был поставлен вопрос о назначении Беннигсена главнокомандующим, и Беннигсен лично отправился в Санкт-Петербург. В дороге он встретился с избранным главнокомандующим Голенищевым-Кутузовым, который объявил Беннигсену о назначении его начальником главного штаба. Конечно, такое назначение не могло удовлетворить честолюбия Беннигсена, а поэтому естественно, что сразу же оказался повод для неприязненных отношений этих двух людей, с течением времени перешедших во вражду.

6 декабря Беннигсен отличился в сражении при Тарутине. Между тем Вильсон продолжает сообщать государю, что «несогласие достигло высокой степени огорчения». Император Александр I разрешил вопрос иначе: в ноябре Кутузову было повелено: «Если сведения о поводе быть недовольным Беннигсеном справедливы, то объявить ему, чтобы он (Беннигсен)

отъехал от армии и ожидал во Владимире нового назначения». 25 мая 1813 г. Император Александр I предложил Беннигсену вновь формировавшуюся армию, которая впоследствии называлась Польской. В августе Беннигсен выступил на соединение с главной армией.

После удачных действий против Сен-Сира Беннигсен к 5 октября прибыл к Лейпцигу и участвовал в сражении, причем «в ознаменование особенного благоволения к достоинствам и заслугам» генерал-барона Беннигсена Александр I за заявленные «новые опыты отличного мужества и благоразумных распоряжений к поражению неприятеля» в сражении при Лейпциге 6 и 7 октября возвел Беннигсена в графское достоинство.

Вскоре граф Беннигсен получил новое назначение: принять в командование войска, предназначенные для осады Торгау, Магдебурга. Виттенберга, а также корпус, блокировавший Дрезден. После сдачи последнего Беннигсен двинулся к Гамбургу, который и держал в блокаде до конца кампании, не предпринимая решительных действий, опасаясь неудачи, которая, по словам генерала Дохтурова, могла «удалить чин фельдмаршала», а то бы Беннигсен «верно на все пустился». Ожидания графа Беннигсена не сбылись: по заключении мира ему был пожалован лишь орден Святого Георгия 1-й степени.

28 октября 1814 г. граф Беннигсен получил мирное назначение — быть главнокомандующим второй (южной) армией, которой он и командовал до 1818 г. За время его слабого командования, которое было, по выражению главного интенданта Жуковского, «в болезненном состоянии», в армии возникли большие беспорядки, для расследования которых в 1817 г. был отправлен флигель-адъютант полковник П.Д. Киселев. 2 мая 1818 г. состоялся приказ об увольнении Беннигсена. Он поселился в своем имении в Ганновере, где и умер.

Петр Христианович Виттенштейн

Граф Петр Христианович Виттенштейн родился в 1768 г. Он начал службу в 1781 г. в лейб-гвардии Семеновского полка, в 1789 г. был переведен вахмистром в лейб-гвардии конного полка, в 1790 г. произведен в корнеты, а в 1793 г. переведен в Украинский легкоконный полк премьер-майором.

Боевое крещение Виттенштейн принял в 1795 г. в войне с Польшей, участвуя с корпусом Дерфельдена в сражении под Остроленкою, где во главе своего эскадрона атаковал и взял батарею, за что был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Переведенный на Кавказ, Виттенштейн

отличился при взятии Дербента и отправился в Санкт-Петербург с ключами от этой крепости.

Переведенный в гусарский полк, Витгенштейн в 1798 г. был произведен в полковники, в 1799 г. — в генерал-майоры, в 1800 г. был назначен шефом Мариупольского гусарского полка, а в январе 1801 г. уволен без прошения в отставку. С воцарением императора Александра I Витгенштейн снова был определен на службу командиром Елизаветинского гусарского полка.

Приняв участие в кампаниях 1805 и 1806—1807 гг., Витгенштейн к началу войны 1812 г. уже командовал первым пехотным корпусом, на который была возложена задача закрыть неприятелю пути к Санкт-Петербургу по линии реки Двины. Имея против себя корпуса Макдональда, Удино, Гувион-Сен-Сира, а впоследствии и корпус Виктора, Витгенштейн сосредоточил свои войска у Полоцка. После упорных боев под Якубовом, Клястицами, Головчицами, Кохановом и Полоцком Витгенштейн вынужден был оставить этот город и отойти за Дриссу. Макдональд и Гувион-Сен-Сир ограничились этим успехом и не пошли далее. За это Витгенштейн был награжден орденом Святого Георгия 2-й степени, орденом Святого Александра Невского и 12 тысячами рублей пенсии.

Усиленный Петербургским ополчением, Витгенштейн в день Тарутинского сражения также перешел в наступление, вынудил Сен-Сира отступить от Полоцка и 7 октября взял город штурмом. Очищение французами Москвы крайне затруднило положение их фланговых корпусов. Витгенштейн умело воспользовался обстановкой и 18 октября разбил войска Виктора и Сен-Сира при Чашниках. Вслед за тем Витгенштейн взял Витебск (25 октября), а 2 ноября нанес Виктору новое поражение при Смоленцах. Затем по плану императора Александра I войска Витгенштейна должны были участвовать в окружении армии Наполеона на пути к Березине, наступая с севера, но его действия были увязаны с действиями армии адмирала Чичагова, шедшей с берегов Дуная, с которой он должен был соединиться. Это обстоятельство привело Витгенштейна к бездействию: он двинулся к Березине лишь тогда, когда вполне определенно выяснилось направление действий Чичагова. 15 ноября он подошел к Борису, разбил Виктора и, соединившись на другой день с адмиралом Чичаговым, двинулся к Студянке и довершил разгром французской армии.

По переходе наших войск за границу Витгенштейн в сражении при Мекерне 27 февраля 1813 г. разбил войска королевства Итальянского и тем спас Берлин от захвата противником. После смерти Кутузова

Витгенштейн был назначен главнокомандующим соединенных русско-прусских войск, но неудачные для союзников бои при Люцене и Бауцене выявили его несоответствие этому месту. Тогда генерал Миларадович явился к Витгенштейну и откровенно заявил ему, что «благо отечества требует назначения другого главнокомандующего». Благородный Витгенштейн ответил ему: «Вы старше меня, и я охотно буду служить под начальством вашим или другого, кого император определит на мое место». Сдав командование армией Барклаю-де-Толли, Витгенштейн остался при армии, командуя отдельными частями ее в сражениях при Дрездене и Лейпциге. В сражении при Бар-сюр-Обе в 1814 г. Витгенштейн, командовавший арьергардом, своевременным переходом в наступление вырвал победу из рук противника. Однако честь ее была предписана австрийцам, которые явились на поле сражения, когда дело уже было решено, и только в 1834 г. король Прусский, участвовавший в этом сражении, признал заслуги Витгенштейна и возвел его в княжеское достоинство с титулом светлости, признанное и в России (с тех пор Витгенштейн стал именоваться светлейшим князем Витгенштейн-Сан-Берлебургом).

Тяжело раненый при Бар-сюр-Обе, Витгенштейн уехал лечиться и присоединился к армии уже по взятии Парижа. В 1818 г. он был назначен главнокомандующим второй армией; в 1826 г. произведен в фельдмаршалы и в 1828 г. назначен главнокомандующим войсками в Турции. Однако назначение начальником штаба армии, помимо желания Витгенштейна, генерал-майора П.Д. Киселева, присутствие при армии самого государя с начальником главного штаба Его Императорского Высочества генерал-адмиралом Дибичем и великим князем Михаилом Павловичем свело к нулю роль Витгенштейна как главнокомандующего. Он тяготился ею и подал прошение о сложении с него этой должности. Государь удовлетворил его просьбу, и последние годы своей жизни Витгенштейн прожил в своем имении Каменки Подольской губернии. Витгенштейн умер в 1842 г. в Лемберге во время поездки за границу для лечения.

Вспыльчивый, доверчивый и несамостоятельный, Витгенштейн обладал рыцарской храбростью, умел увлекать за собою войска. Понимал психологию войны и боя, был любим солдатами и офицерами за гуманность и доброту, но не был способен к ведению крупных самостоятельных операций. Памятником его благородству и возвышенным взглядам на военную службу остался приказ по второй армии от 7 июля 1822 г., в котором он высказался против грубого обращения начальников с офицерами и жестокого обращения с низшими чинами.

Михаил Семенович Воронцов

Светлейший князь Михаил Семенович Воронцов родился 18 мая 1782 г.; воспитывался в Англии под руководством своего отца, графа Семена Романовича, бывшего там чрезвычайным посланником. Четырех лет от роду он был записан бомбардир-капралом в лейб-гвардию Преображенского полка, в 1798 г. пожалован камергером двора Елизаветы Великой, а 1801 г. зачислен на службу поручиком.

В 1803 г. Воронцов по собственному желанию был командирован на Кавказ в распоряжение главнокомандующего князя Цицианова и отличился при штурме крепости Ганжи 3 января 1804 г., во время которого вынес из боя раненого П.С. Котляровского, впоследствии известного героя Кавказской войны. Из-под Ганжи Воронцов был отправлен в отряд генерал-майора Гулякова на реке Алазани, и там в бою в Закатальском ущелье едва не погиб при падении с горной кручи во время отступления русского отряда, атакованного лезгинами.

В 1804 г. Воронцов участвовал в походах в Имеретию и Эриванское ханство против персов, причем за участие в ряде дел был произведен из поручика прямо в капитаны и награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

Конец 1804 г. Воронцов провел в походе на Военно-грузинской дороге, начало 1805 г. — в горах Осетии. В сентябре 1805 г. под началом генерал-лейтенанта графа Толстого он отправился в шведскую Померанию и участвовал в осаде крепости Гамельн. В кампанию 1806 г. за отличие при Пултуске Воронцов был произведен в полковники, а в 1807 г. назначен командиром первого батальона лейб-гвардии Преображенского полка, с которым участвовал в сражениях под Гутштадтом, Фридландом и Гейльсбергом. В 1809 г. командиром Нарвского пехотного полка Воронцов отправился на театр войны с Турцией, в армию графа Каменского, и после штурма крепости Базарджик был произведен в генерал-майоры; затем участвовал в штурмах Шумлы, в сражениях под Батиным и Систовым, за что пожалован особенным рескриптом и орденом Святого Владимира 3-й степени. В октябре 1809 г. Воронцов с особым отрядом выступил в Плевну, Ловчу и Сельви, где уничтожил неприятельские укрепления и возвратился к армии с 9 турецкими пушками. В кампанию 1811 г. Воронцов за отличие под Рузучком был пожалован золотой шпагой, украшенной бриллиантами, а затем за бои в сентябре и октябре на левом берегу Дуная против Виддина — орденом Святого Владимира 2-й степени и Святого Георгия 3-й степени.

С началом Отечественной войны он принял в командование сводную гренадерскую дивизию в армии князя Багратиона и 11 июля участвовал с ней в жарком деле под Дашковым, 4 августа в защите Смоленска и 25–26 августа в сражении под Бородино, где на него была возложена оборона Шевардинского редута и Семеновских флешей. На эти пункты, как известно, обрушились яростные удары превосходящих сил противника под командованием маршалов Даву, Нея и Жюно. Воронцов защищал вверенные ему позиции с львиным мужеством, был ранен пулей в ногу и вынужден был оставить поле сражения, а в его дивизии из 4 тысяч уцелело всего 300 человек. Награжденный за Бородинское сражение алмазными знаками ордена Святой Анны 1-й степени, Воронцов выехал в Москву для лечения раны.

Обнаружив большое количество подвод, высланных из деревни для вывоза его имущества, Воронцов приказал оставить имущество в добычу неприятелю, а подводы обратил на вывоз раненых в свое имение, где нашли уход до 50 генералов и офицеров и более 300 низших чинов. На средства Воронцова выписаны были доктора и медикаменты. Каждый рядовой по выздоровлении снабжался бельем, обувью и 10 рублями. Денежная помощь оказывалась и неимущим офицерам.

Едва оправившись от раны, Воронцов вновь вступил в ряды армии. Назначенный начальником той же сводно-гренадерской дивизии, он принял командование над арьергардом Дунайской армии. 29 января он разбил отряд польских войск у местечка Рогазен, 30 января занял Познань. Произведенный в генерал-лейтенанты, Воронцов во время Люценского сражения с отрядом в 5 тысяч человек наблюдал Магдебург и берега Эльбы от Гавальберга до Росслау, причем вместе с Чернышевым произвел нападение на Лейпциг, но окончательному успеху этого предприятия помешало заключение перемирия. По возобновлении военных действий Воронцов со своим отрядом из 13 батальонов вошел в состав Северной армии, сосредоточенной около Берлина и находившейся под началом Бернадота. Командуя авангардом, Воронцов участвовал в сражениях под Ютербоком, Шмилькендорфом, а затем под Лейпцигом, после чего был отправлен для занятия Касселя.

Его военное дарование особенно ярко проявилось при Краоне (1814), где в течение целого дня он выдерживал бой против превосходных сил, предводимых самим Наполеоном, и отступил лишь по приказанию. Несколько раз под сильнейшим огнем он подъезжал к своим полкам и, подпустив французов шагов на 50, сам отдавал команды для пальбы. Наградой за Краон был орден Святого Георгия 2-й степени.

В феврале 1814 г. Воронцов участвовал в победе под Лаоном, а затем в боях под Парижем и в занятии его союзными войсками. По заключении мира Воронцов был назначен начальником 12-й пехотной дивизии и пожалован званием генерал-адмирала. Назначенный командиром отдельного корпуса, оставленного во Франции, Воронцов в течение трехлетней оккупации выказал такой такт и проявил себя столь справедливым и заботливым начальником, как в отношении своих войск, так и жителей, что офицеры поднесли ему великолепную вазу с наименованием частей, входивших в состав его корпуса, а многие французские города выразили свое уважение к нему в ряде адресов, в честь его и подчиненных ему войск были выбиты особые медали.

Награжденный орденом Святого Владимира 1-й степени Воронцов в 1820 г. был назначен командиром третьего корпуса, а в 1823 г. — Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором. Неустанно заботясь о благосостоянии вверенного ему края, он ежегодно по несколько раз объезжал самые отдаленные концы управляемых им областей, обращая особое внимание на развитие Крымского полуострова. В период управления Новороссийским краем он был произведен в генералы от инфантерии и назначен членом Государственного совета.

В 1828 г. ему вновь пришлось выступить на боевое поприще в войне с Турцией. 9 августа князь Меншиков, руководивший осадой Варны, был тяжело контужен, поэтому окончание осады было возложено на Воронцова. Под его руководством осада пошла успешнее, и 29 сентября крепость сдалась. Воронцов был награжден украшенной алмазами шпагой с надписью «За взятие Варны». Военные действия не препятствовали Воронцову одновременно заниматься и гражданским управлением Новороссийского края. За усиленные труды Воронцов в 1834 г. был награжден алмазными знаками ордена Святого Андрея Первозванного, а в 1836 г. назначен шефом Нарвского пехотного полка. На посту Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора Воронцов оставался до декабря 1844 г. Ему было предложено занять пост главнокомандующего войсками и наместника Его Императорского Величества на Кавказе с неограниченными полномочиями и с сохранением звания Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. «Я стар и становлюсь дряхл, боюсь, что не в силах буду оправдать ожидания Царя, но русский Царь велит идти, и я, как русский, осенив себя знамением креста Спасителя, повинуюсь и пойду», — был ответ Воронцова на это предложение.

Ему предстояла действительно трудная задача — восстановить поколебленный Шамилем авторитет русского оружия. 25 марта 1845 г. Воронцов прибыл в Тифлис, а в начале мая он уже выступил с войсками в знаменитую даргинскую экспедицию. Преодолев все трудности пути, Воронцов 6 июля дошел до аула Дарго (место пребывания Шамиля) и после 8-часового упорного боя взял его. Возвращение отряда из-под Дарго через дремучие Ичкерийские леса осложнялось натиском горцев и отсутствием провианта. Личным мужеством, разделяя труды и лишения войск, Воронцов сумел сохранить в них порядок и бодрость. Из-под огня его насильно выносили на руках чины свиты. Желая подать пример похода налагке, Воронцов сжег все свое имущество и спал на земле. За этот поход Воронцов был возведен в княжеское достоинство и назначен шефом Куринского егерского полка.

Вернувшись, Воронцов занялся гражданским благоустройством края. Ко времени его управления относятся разделение Закавказья на губернии, учреждение ряда учебных заведений, возникновение газеты «Кавказ», учреждение библиотек, отделения Кавказского географического общества и первого в Тифлисе театра. При нем была произведена триангуляция Закавказского края, составлены топографические карты Кавказа, начата разработка военно-статистического описания кавказских губерний, улучшены пути сообщения, особенно имевшие значение в военном отношении, принято ряд мер к развитию горной промышленности и сельского хозяйства. Рука об руку с преобразованием гражданским шло и завоевание Кавказа. Действия Воронцова в этом отношении выражались в строго определенной системе: наступать на горы медленно, но настойчиво и обосновываться на каждом вновь занятом пункте

В 1847 г. он вновь принял личное начальствование над войсками, действовавшими в Дагестане, и руководил штурмом селения Гергебиля и осадой и взятием укрепления Салты, падение которого стоило русской армии 100 офицеров и более 2 тысяч низших чинов. В этом походе Воронцову пришлось перенести тяжелую болезнь глаз. Его здоровье требовало отъезда из отряда, но ничто не могло склонить его к этому, и почти 70-летний старец перенес трудную и мучительную болезнь в походной палатке, под выстрелами неприятеля, поддерживаемый одной лишь своей железной волей и чувством долга. В 1852 г. к княжескому достоинству Воронцов был присоединен титул «светлости».

В 1853 г. в виду начавшихся осложнений с Турцией заботы Воронцова были обращены на укрепление и защиту черноморской береговой линии

и на меры к охранению границ края со стороны Турции. Преклонные годы и усиленные труды сломили здоровье Воронцова, и, сознавая, что он не в состоянии уже руководить сложными делами по управлению и защите Кавказа, он просил Александра I об увольнении его от службы или о разрешении отпуска. Последними плодами его распоряжений были успехи кавказских войск под начальством генерал-майора Брунера и генерал-лейтенантов князя Андронникова и князя Бебутова. 1 марта 1854 г. последовало высочайшее повеление об увольнении Воронцова в отпуск. 4 марта он навсегда оставил Тифлис.

Минеральные воды Германии и купанья в Схевенинге принесли Воронцову некоторое облегчение, но события под Севастополем окончательно надломили его здоровье. Его угнетала мысль, что он не мог принять участие в обороне дорогого ему Севастополя. «Сердце мое обливается кровью, чувствую себя заживо умершим», — говорил он близким людям. В октябре 1854 г. последовало совершенное освобождение его от должностей с сохранением лишь званий генерал-адмирал и члена Государственного совета. В 1856 г. в день коронавания императора Александра II Воронцов был пожалован в генерал-фельдмаршалы.

Воронцов умер 6 ноября 1856 г. в Одессе, где и погребен в соборном храме. В Тифлисе и Одессе ему поставлены памятники. Обладая умом государственного деятеля, получив редкое для своего времени образование, отличаясь бескорыстием, сердечной отзывчивостью, примерною религиозностью и горячей любовью к родине, Воронцов заслужил почетное место в русской истории. А.П. Ермолов называл его «милейший друг и удивительнейший из людей».

Иван Иванович Дибич-Забалканский

Граф Иван Иванович Дибич-Забалканский, генерал-фельдмаршал, родился в 1785 г. Он был воспитанником Берлинского кадетского корпуса, из которого в 1801 г. его забрал отец, уже служивший в России, для определения в русскую службу. Прусский король неохотно отпустил способного юношу, который в новом отечестве сделал блестящую военную карьеру, достигнув к 44 годам от роду графского титула, фельдмаршальского жезла и Георгиевской ленты.

Зачисленный в 1801 г. прапорщиком в лейб-гвардию Семеновского полка Дибич усердно занялся изучением русского языка и довершением своего военного образования, беря, по словам знавшего его Д.В. Давыдова, уроки у некоего майора генерального штаба Торри. С Семеновским

полком Дибич участвовал в кампаниях 1805 и 1806–1807 гг.; под Аустерлицем он был ранен, но остался в строю и получил золотую шпагу за храбрость; за сражение при Гейльсберге весной 1807 г., где он удачно выбрал место для батарей, фланговый огонь которых с правого берега реки Алле способствовал отходу русских войск под натиском французов через ручей Спубах, он был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

В 1810 г. Дибич перешел из строя в свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части и довольно быстро занял видное и влиятельное положение в штабе. Сначала в качестве дежурного штаб-офицера, а затем и обер-квартирмейстера он служил в корпусе графа Витгенштейна, с которым и участвовал в Отечественной войне. Дибич особо отличился 7 октября при штурме Полоцка, за что был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени и чином генерал-майора. В конце 1812 г. Дибич во главе отдельного отряда не только удачно действовал против Макдональда, но заявил себя еще и ловким дипломатом, успев склонить прусского генерала Иорка на свою сторону.

Во время заграничных походов 1813–1814 гг. Дибич в должности генерал-квартирмейстера ведал оперативной частью в штабе графа Витгенштейна, а потом Барклая-де-Толли и приобрел большое расположение Александра I. 17 августа 1813 г. под Кульмом в критическую минуту, когда войска графа Остермана-Толстого изнемогали в неравном бою против Вандамма, Дибич явился с первыми подкреплениями и тотчас двинул шедших в голове колонны конно-гренадер в атаку, обозначавшую благоприятный для союзников оборот Кульмского сражения. К концу 1813 г. Дибич был уже генерал-лейтенантом.

По окончании Наполеоновских войн Дибич был назначен начальником штаба первой армии и пожалован в генерал-адъютанты. Со времени Лайбахского конгресса Дибич сделался постоянным спутником Александра I в путешествиях и, заняв в 1824 г. высший пост начальника Главного штаба Его Императорского Величества, присутствовал при кончине государя в Таганроге.

С восшествием на престол Николая I Дибич сохранил и свой пост, и свое влияние, оказав важную услугу донесением о раскрытии заговора декабристов и приняв меры к аресту во второй армии важнейших из них. Произведенный в генералы от инфантерии, он в 1827 г. как доверенное лицо императора был командирован на Кавказ для устранения возникших между Ермоловым и Паскевичем трений, плохо отражавшихся на

ходе военных действий против Персии, и по окончании миссии был возведен в графское достоинство.

В начале войны с Турцией в 1828 г. Дибич находился при действующей армии, не занимая в ней определенной должности. Пользуясь неограниченным доверием государя, ведя с ним обширную переписку, он руководил военными действиями настолько самостоятельно, что главнокомандующий граф Витгенштейн являлся лишь лицом, официально ответственным за неудачи. За участие при взятии Варны Дибич был награжден орденом Святого Андрея Первозванного. 9 февраля 1829 г. он был поставлен во главе русской армии на Балканском полуострове вместо графа Витгенштейна.

Смелое движение в промежуток между Шумлой и Праводами, счастливо закончившееся Кулевчинской победой, открыло Дибичу путь за Балканы. Очутившись с 20-тысячной армией, таявшей от болезней, перед Адрианополем, Дибич понял, что в его положении самое отважное решение было вместе с тем и самым уместным, и своей непреклонной решимостью без боя получил ключи древней столицы османов. Переговоры, проведенные под его руководством «на военный лад», увенчались подписанием 2 сентября Адрианопольского мира. Император Николай осыпал Дибича милостями: орденом Святого Георгия 1-й и 2-й степени, чином фельдмаршала, миллионом рублей, назначением шефом 29-го пехотного Черниговского полка и титулом «Забалканского».

Когда в 1830—1831 гг. в Польше вспыхнул мятеж, Дибич был поставлен во главе действующей армии. Разгромив 13 февраля 1831 г. поляков под Гроховом, Дибич преждевременным прекращением боя дал им возможность беспрепятственно укрыться за Вислу, вследствие чего война затянулась на полгода, и лавры ее достались Паскевичу.

В ночь на 29 мая 1831 г. в селении Клещев, близ Пултуска, Дибич скончался от холеры и был погребен в Санкт-Петербурге на Волковском лютеранском кладбище.

Дибич не обладал равновесием ума и воли в той степени, как это необходимо полководцу. С обширной эрудицией преимущественно в области стратегии, со способностью подчас отрешаться от рутины, он был неровен в проявлениях решительности и настойчивости. В этом смысле на нем невыгодно отразилась продолжительная штабная деятельность, в которой, по признанию многих современников, он проявил большую гибкость и ловкость. «При неоспоримо высоком военном даровании Дибича, — пишет Ганзен, — ему доставало качеств, которые привлекают и греют серд-

ца солдат. Он слишком редко общался с войсками и не умел говорить с солдатами на их языке. При этом ему не доставало внешних достоинств полководца.

Алексей Петрович Ермолов

Алексей Петрович Ермолов, генерал от артиллерии, герой всех войн с Наполеоном, положивший прочное основание покорению Кавказа, один из самых выдающихся и популярных людей в России первой половины XIX в., родился в 1777 г. Образование Ермолов получил в Благородном пансионе при Московском университете.

По обычаю того времени рано записанный на службу в лейб-гвардию Преображенского полка Ермолов в 1792 г. был произведен в капитаны в Нижегородском драгунском полку и назначен адъютантом к генерал-прокурору графу Самойлову, при котором служил его отец. Неудовлетворенный этой службой, он перевелся в артиллерию, был зачислен во второй бомбардировочный батальон и в октябре 1793 г. назначен репетитором в инженерный и артиллерийский шляхетский корпус. Однако и педагогическая деятельность не смогла удовлетворить Ермолова, и в 1794 г. он перешел в строй, чтобы принять участие в войне с Польшей.

Там он сразу зарекомендовал себя выдающимся боевым офицером, заслужил лестные отзывы от генерала Дерфельдена и за отличие при штурме Праги получил орден Святого Георгия 4-й степени из рук самого Суворова. По возвращении в Санкт-Петербург Ермолов был командирован за границу сопровождать чиновника Вюрста, имевшего поручение ликвидировать денежные счета государственного казначейства с Генуэзским банком. В Италии, бывшей в 1795 г. театром военных действий между Австрией и Францией, Ермолов выхлопотал через графа Самойлова назначение состоять при австрийском главнокомандующем Девисе, питавшем к русским величайшее уважение после сражения при Рымнике, участником которого он был. Ермолов принял участие в ряде боевых дел с французами, но по дипломатическим соображениям был вызван в 1796 г. в Санкт-Петербург и зачислен в состав экспедиции корпуса графа Зубова.

Ермолов принял участие в походе в Персию, и за штурм Дербента был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени. Поход был прерван смертью императрицы Екатерины II, и Ермолов, по возвращении в Россию произведенный в подполковники, был зачислен в артиллерийский батальон Иванова, где, по выражению Аракчеева, «у семи офицеров был один мундир».

Донос смоленского губернатора на Каховского, сводного брата Ермолова, повлек за собою арест Ермолова. К этому прибавилось еще и раздражение императора Павла против фамилии Ермолова вообще, вследствие того, что один из братьев Ермоловых, Александр Петрович, был недолгое время в фаворитах у императрицы Екатерины. Ермолов был посажен в крепость, а бумаги его отправлены на просмотр самому государю. Найдя среди них интересное описание кампании 1794 г. и планы различных сражений, Павел I смилостивился и повелел освободить Ермолова. Выслушивая от генерала Линденера объявление о своем помиловании, Ермолов не мог удержаться от язвительного вопроса по поводу причин его ареста и помилования, и по доносу о том Линденера государю снова был арестован, заключен в Петропавловскую крепость и предан военному суду. В своем объяснении для суда Ермолов снова не удержался от таких выражений, которые не понравились императору, и Ермолов был сослан на житье в Кострому.

Ссылку с ним делил другой будущий герой Отечественной войны — М.И. Платов. Ермолов усердно занимался самообразованием. Выучился у местного протоиерея латинскому языку и в подлиннике изучал римских классиков, уделяя особое внимание «Запискам» Юлия Цезаря и Титу Ливию. Костромской губернатор Ламб, близкий к Кутайсову человек, предлагал ему свое заступничество через последнего пред государем, но Ермолов не пожелал быть обязанным фавориту и оставался в ссылке до восшествия на престол Александра I.

Освобожденный Ермолов, по собственному его признанию, «с трудом получил (в 1802 г.) роту конной артиллерии», расположенную в Вильне. Мирная служба его томила. «Мне 25 лет, — занес он тогда в свои записки, — недостает войны». Война не заставила себя долго ждать: в 1805 г. рота Ермолова была назначена в состав армии Кутузова, брошенной в помощь Австрии против Франции. Догоняя армию, Ермолов шел все время ускоренными маршами, но несмотря на двухмесячный поход представил по дороге свою роту Кутузову в таком образцовом порядке, что тот обещал иметь его в виду и оставил роту в своем распоряжении как резерв артиллерии.

Под Амштеттенем Ермолов первый раз был в бою с конной артиллерией. Бросившись на помощь гусарам Мариупольского полка, он остановил неприятеля и дал эскадронам возможность собраться и удержаться на месте под сильным натиском противника, а занятием возвышенности и метким огнем не допустил неприятеля устроить батарею, которая могла

нанести большой вред русским войскам. Однако награды за этот подвиг Ермолов не получил, несмотря на представление Кутузова, так как этому воспротивился Аракчеев, обиженный неблагодарным и дерзким возражением ему на какое-то замечание, сделанное на смотре роты Ермолова еще в Вильне.

Под Аустерлицем, когда кавказская дивизия генерал-адмирала Уварова была смята и обращена в бегство французской конницей, Ермолов не поддался общей панике и остановил свою батарею, «предполагая действием оной удержать преследующую конницу». Но первые же орудия, которые он мог «освободить от подавляющей их собственной кавалерии», сделал несколько выстрелов, были взяты, люди переколоты и сам Ермолов, под которым была убита лошадь, захвачен в плен. Он был уже близко от французской линии, когда на выручку ему явился полковник Елисаветградского гусарского полка Шау с несколькими людьми Харьковского драгунского полка и отбил его от французов. Наградами за эту кампанию Ермолова были орденом Святой Анны 2-й степени и чин полковника.

В кампанию 1806—1807 гг. Ермолов проявляет инициативу, смелость, распорядительность и находчивость в самых трудных обстоятельствах. Так, при отступлении за Нарев он по собственной инициативе зажег два квартала в местечке Макове, чтобы их заревом осветить приближение неприятеля к единственному мосту через Нарев, по которому шли русские войска и обозы. Благодаря этому ему удалось метким огнем 40 орудий, которыми он командовал в этот день, обеспечить спокойный переход через реку. Однако за произведенный пожар Ермолов едва не подвергся наказанию. Под Морунгеном, когда русская конница неожиданно была атакована, Ермолов немедленно привел свою конную роту и, превосходством огня и преимуществом возвышенного местоположения отогнав батарею неприятеля, предоставил русской коннице удобное отступление.

Под Вольфсдорфом артиллерия Ермолова была весь день в ужасном огне, но вся тяжесть боя легла более всего на его конную роту: нельзя было обойтись без содействия ее в лесу и даже ночью, и она направляла выстрелы или на крик неприятеля, или на звук его барабана. При отступлении к Прейсиш-Эйлау Ермолов с ротой находился в арьергарде и картечью отражал теснившего его неприятеля. В день сражения при Прейсиш-Эйлау рота Ермолова находилась сперва на правом фланге боевого расположения, но когда обнаружилось наступление корпуса Даву на левый фланг, Ермолов был двинут туда вместе с конною ротой Богданова. Прибыв на место, Ермолов оставил при себе лишь самое необходимое количество

зарядов, отослал лошадей и объявил людям, что об отступлении помышлять не должно. Брандкутелями он зажег деревню Ауклапень, принудив неприятеля ее очистить, а картечью 30 орудий отразил все атаки до подхода корпуса Лестока, который обратил врага в бегство. Под Фридландом Ермолов, располагая 40 орудиями, мужественно боролся с артиллерией Сенармона; когда русские войска были приведены ею в расстройство, он вместе с Багратионом и Раевским тщетно старался привести их в порядок. Посланный затем Багратионом привести из резерва какую-нибудь батареиную роту, Ермолов встретил по дороге отступавшие четыре орудия из бригады Осипова и приказал им остаться на месте. На заявление офицера, что у него нет зарядов, Ермолов сказал: «Я вам приказываю не оставлять вашего места: чрез ваше отступление образуется интервал, коим неприятель мог воспользоваться; если ваше начальство останется тем недовольно, доложите, что вы это сделали на основании приказанья полковника Ермолова».

Наградами ему в эту кампанию были: за Голымин — золотая шпага, за Прейсиш-Эйлау — орден Святого Владимира 3-й степени, за Гутштадт и Пассаргу — орден Святого Георгия 3-й степени, а за Гейльсберг — алмазные знаки ордена Святой Анны 2-й степени.

Это война положила начало популярности Ермолова в армии. Его оценили Багратион, Беннигсен, Милорадович, а солдаты, когда замечали роту Ермолова, выезжавшую на позицию, и особенно его самого громко кричали: «Напрасно француз горячку порет. Ермолов за себя постоит!» Им импонировали его удаль, мужество, громадный рост и молодцеватая внушительная наружность. Однако противостояние с Аракчеевым продолжалось, и Ермолов, оскорбленный очередным его грубым замечанием на инспекторском смотре в августе 1807 г., выразил желание оставить службу. Однако Ермолов стал известен самому государю, который пожаловал его роте петлицы и при особом рескрипте препроводил ему 1 тысячу рублей для награждения наиболее отличившихся низших чинов. После объяснения с Ермоловым Аракчеев не только изменил свое отношение, но и стал с тех пор ему покровительствовать.

Сменивший графа Аракчеева на посту военного министра Барклай-де-Толли мало знал Ермолова и не был склонен содействовать ему по службе. Один государь не забывал Ермолова и приказывал ему передать, что впредь все назначения Ермолова будут зависеть от него. В 1811 г. Ермолов был назначен командиром гвардейской артиллерийской бригады, а затем одновременно с командованием ею ему было вверено сперва командо-

вание гвардейской пехотной бригадой (лейб-гвардии Измайловского и Литовского полков), а потом и гвардейской дивизией.

Когда наступил 1812 г. и ясно обрисовалась неизбежность войны с Наполеоном, Ермолов был назначен начальником штаба первой Западной армии. Это было насмешкой судьбы, ибо с Барклаем у Ермолова были отношения холодные, чисто служебные, с Багратионом же, командующим второй Западной армией, — дружеские, сердечные, а между тем отношения обоих командующих между собою были крайне натянуты, даже явно враждебны. Ермолов попал в щекотливое и затруднительное положение, но вышел из него с честью. Руководствуясь единственно пользой Отечества, он как мог старался смягчить эти отношения, устранить раздражение, сгладить шероховатости. Угадав истинные причины нежелания Барклая соединиться с Багратионом, Ермолов мужественно воспротивился намерению первого дать отдельное направление второй армии: «Вы не смеете сего сделать, — говорил он Барклаю, — вы дали соединиться с князем Багратионом, составить общий план действий и тем исполнить волю Государя». Багратиону, не желавшему подчиниться Барклаю, он писал: «Принесите Ваше самолюбие в жертву погибающему Отечеству, уступите дорогу и ожидайте, пока не назначится человек, какого требуют обстоятельства». Точно так же он и других стремился воодушевить к общей пользе, подчинить ей вопросы их самолюбия и личных интересов.

Зная это свойство Ермолова, государь при отъезде из армии поручил ему с полной откровенностью осведомлять себя письмами обо всех событиях в армии. «Это была обязанность трудная, опасная, — пишет Д.В. Давыдов в своих воспоминаниях об Ермолове, — на которую отваживались не многие исторические лица, потому что она никогда не оканчивалась в пользу тех, на которых возлагалась, но она была выполнена Ермоловым с редкою добросовестностью. Самые ожесточенные недоброжелатели его не могли сказать, чтобы Ермолов написал что-либо другое государю, кроме как о некоторых ошибках Барклая, всему свету известных и давно уже оцененных, о вреде от отсутствия единства в командовании армиями и о малом доверии, питаемом войсками к главнокомандующему, что было вполне справедливо.

Из лиц, бывших в армии, он ни о ком (кроме генерала Эртеля) не отзывался дурно, хотя записки его и полны резкими характеристиками многих. Однако письма эти, данные государем для прочтения Кутузову при отправлении его к армии, все же изменили отношение последнего к Ермолову, сменив старое расположение подозрительностью. Вследствие

этого положение Ермолова в конце кампании 1812 г. было таково, что он писал одному из своих друзей: «Служить не хочу, и заставить меня нет власти!»

Между тем заслуги Ермолова в Отечественную войну были выдающимися. В начале Бородинского сражения он находился при Кутузове, который после полудня в критический для левого фланга русской армии момент послал туда Ермолова с поручением «привести в надлежащее устройство» артиллерию второй армии, расстроенную долгой и тяжелой борьбой с превосходящей в числе артиллерией французов. Проезжая неподалеку от батареи Раевского, только что взятой противником, Ермолов тот час же бросился к ближайшему шестому корпусу, взял батальон Уфимского полка, лично повел его бегом к батарее, а трем конным ротам велел отвлечь на себя огонь противника, и не более как в 20 минут штыками отбил батарею французов. 3 часа затем Ермолов оставался на батарее, организуя ее оборону и руководя ею, пока не был сильно контужен в шею картечью.

Назначенный после Бородинского сражения и смерти Багратиона начальником главного штаба обеих армий (управления которых были объединены), Ермолов на совете в Филях высказался за новый бой под Москвой. Его прозорливости, инициативе и решительности русские обязаны тем, что предупредили Наполеона в Малоярославце, а упорной защитой его, вдохновленной Ермоловым, заставили свернуть французскую армию на старый, пройденный уже ею и разоренный путь, что привело ее к катастрофе. Узнав от Сеславина, что армия Наполеона идет от Тарутина по Боровской дороге, Ермолов орлиным взором оценил обстоятельства, проник в замысел противника открыть себе путь к Днепру чрез Калугу и на свой страх именем главнокомандующего изменил направление корпуса Дохтурова, двинув его спешно на Малоярославец. Это и решило участь Наполеона. После сражения под Малоярославцем, в котором Ермолов принимал самое деятельное участие, он по поручению Кутузова шел все время в авангарде армии при отряде Милорадовича, отдавая ему приказания именем главнокомандующего и преследуя противника. Наградой Ермолову в Отечественную войну был только чин генерал-лейтенанта, данный ему за сражение при Заболотье.

По переходе за Неман должность начальника главного штаба армии была упразднена, и Ермолов был наименован начальником артиллерии всех действующих армий. Тернии нового поста сказались быстро. Неудача русских под Люценом была предписана Виттенштейном недостатку заря-

дов в артиллерии, и это неосновательное обвинение было причиной смещения Ермолова, который вернулся к командованию гвардейской пехотной дивизией. В сражении при Бауцене Ермолову был вручен арьергард, с которым он блистательно выдерживал у Рейхенбаха атаки французов, руководимых самим Наполеоном. Витгенштейн, донося Государю, писал: «Я оставил на поле сражения на полтора часа Ермолова, но он, удерживаясь на нем со свойственным ему упрямством гораздо долее, сохранил тем Вашему Величеству около 50 орудий».

В сражении под Кульмом Ермолов заменил раненого Остермана-Толстого и одержал решительную победу, решившую участь кампании 1813 г. Наградой ему был орден Святого Александра Невского. Государь был очень доволен Ермоловым и сказал, что Кульмской победой «Ермолов укрепил за собою гвардию». И действительно, в 1814 г он получил в командование Гвардейский корпус, а за отличия при взятии Парижа — орден Святого Георгия 2-й степени.

Во время Венского конгресса Ермолову было поручена обсервационная армия на австрийской границе, и, когда Наполеон вернулся с острова Эльбы во Францию, Ермолов выступил с передовым корпусом из Кракова к Рейну. Как не спешил Ермолов, события на театре войны разыгрались ранее его прибытия. Сдав в Познани командование корпусом Паскевичу, Ермолов вернулся в Россию. Аракчеев рекомендовал его государю на пост военного министра: «Правда, назначение Ермолова было бы для многих весьма неприятно, — говорил он, — потому что он начнет с того, что перегрызется со всеми, но его деятельность, ум, твердость характера, бескорыстие и бережливость вполне бы впоследствии оправдали».

Государь предпочел дать ему другое назначение: в апреле 1816 г. Ермолов был назначен командиром отдельного Грузинского корпуса и в то же время чрезвычайным и уполномоченным послом в Персию. Это дипломатическое поручение Ермолов выполнил блистательно: Персия отказалась от своих земельных притязаний, и до 1826 г. отношения с Россией были вполне дружественны.

Вернувшись из Персии в Тифлис, Ермолов всецело отдался умиротворению Кавказа. «Это огромная крепость, — говорил он, глядя на громады гор, — надобно или штурмовать ее, или овладеть траншеями; штурм будет стоить дорого, и успех его неверен, так обложим же ее». В течение 10 лет он вел постепенную атаку Кавказа. Имя Ермолова стало грозой горцев. Его богатырский рост, бесстрашие, простота жизни, прозорливость, осведомленность обо всех замыслах противника, быстрота, с которой он появ-

аялся то тут, то там, твердость в слове, великодушие к врагу, неумолимая суровость к врагу тайному, к нарушителям слова и клятвы — все это придало образу Ермолова в представлениях горцев размеры фантастические, гигантские.

Среди своих войск Ермолов пользовался восторженной любовью за заботу об интересах солдат и офицеров, справедливость в оценке заслуг их, честность, простоту жизни, стойкое отставание своих подчиненных. Он запретил изнурять войска фронтовыми учениями, увеличил мясную и винную порции, разрешил носить вместо касок папахи, вместо ранцев холщевые мешки, вместо шинелей зимою полушубки, выстроил войскам прочные штаб-квартиры, на сбереженные им суммы от командировки в Персию построил в Тифлисе госпиталь и всячески старался скрасить тяжелую жизнь войск.

В расходы по управлению краем Ермолов внес строгий принцип экономии, отказался даже от пожалованной ему аренды и на небольшие средства сделал для края очень много: усовершенствовал пути сообщения, устроил лечебные заведения при минеральных водах, содействовал торговле, промышленности (особенно горному промыслу) и колонизации. Он завязал отношения со среднеазиатскими народами, командировал в Закаспийский край Н.Н. Муравьева, отстоял часть восточного берега Черного моря от предрешенной уже уступки его Турции. Прозванный «проконсулом Кавказа», Ермолов правил им почти полновластно, с холодным расчетом, планомерно, настойчиво и энергично осуществляя свой план замирения края. Кавказ верно и быстро шел к подчинению русскому владычеству. Смерть императора Александра остановила деятельность Ермолова.

Император Николай никогда не благоволил к Ермолову, относился подозрительно к его независимому характеру, кавказскую армию под начальством Ермолова считал распущенной, зараженной «пагубным духом вольномыслия», ибо острый язык и злая ирония создали Ермолову репутацию «либерала». Вторжения персов в июле 1826 г. послужило поводом к обвинению Ермолова в непредусмотрительности, хотя о близкой возможности войны с Персией он неоднократно предупреждал еще императора Александра.

Тем не менее на Кавказ был прислан любимец государя Паскевич. Поручив ему командование войсками, Ермолов подал прошение об отставке, мотивируя ее тем, что не имеет счастья заслужить доверие государя. 27 марта 1827 г. Ермолов был уволен от должности и поселился в

Москве, где стал одной из самых заметных и популярных фигур. Обаяние его имени, его личности, его прошлых заслуг было таково, что когда он появлялся в обществе, одетый в черный фрак с Георгиевским крестом, полученным из рук Суворова, все, даже дамы, вставали. Удаление его на покой произвело во всей России большую сенсацию, и даже осторожный И.А. Крылов отозвался на это событие басней «Конь».

В 1830 г. Ермолов был назначен членом Государственного совета, но от участия в заседаниях его уклонялся и скоро отпросился в Москву: ему предложили стать председателем генерал-аудитора, но он ответил, что «единственным утешением считает привязанность войск». В 1853 г. Московское дворянство избрало Ермолова начальником губернаторского ополчения, но вести его в Крым Ермолов по старости уже был не в силах.

35 лет прожил Ермолов в Москве не у дел и дожил до того момента, когда возвращение к его системе покорения Кавказа увенчалось полным успехом. Ермолов умер 21 апреля 1861 г. в Москве и погребен в Орле, в церкви Троицкого кладбища.

Великий князь Константин Павлович

Великий князь Константин Павлович, сын императора Павла I и императрицы Марии Федоровны, брат Императора Александра I, родился 27 апреля 1779 г. Его бабка, императрица Екатерина II, увлекавшаяся в то время идеей восстановления Греческой монархии, прочила Константина Павловича в императоры Византийской Империи, назвала его Константином, приставила кормилицу гречанку и дядьку грека (впоследствии друг Константина Павловича) — генерала Курута, окружила сверстниками греками и учредила в Санкт-Петербурге кадетский корпус. Нужно сказать, однако, что все это нисколько не расположило Константина Павловича к Греции; он стал «классиком» поневоле и охотно говорил по новогречески только с Курутой, войну за освобождение Греции считал политической ошибкой, а греков — бунтовщиками против своего законного государя — султана.

Главным воспитателем великих князей Александра и Константина был назначен граф Н.И. Салтыков, но уже с пяти лет Константин Павлович попал под руководство Цезаря Лагарпа, не сумевшего, однако, приноровиться к живому и порывистому характеру своего воспитанника и внушившего ему непреодолимое отвращение к науке и к своему политическому образу мыслей. Жалуясь на крайнюю живость, упрямство, неспособность сосредоточиться и внезапные вспышки самого необуздан-

ного гнева Константина Павловича, он вместе с тем отмечал у него «прекрасное сердце, много прямоты душевной, верное нравственное чувство» и «дарования и способность легко схватывать».

С 1794 г. усилилось сближение Константина Павловича с отцом и проявилась его природная склонность к воинским упражнениям. Получив в команду сначала 15 частей гатчинских войск, а затем гренадерский батальон майора Палицына, Константин Павлович всецело предался их обучению и навсегда воспринял гатчинское педантичное, но добросовестное отношение к службе.

Начало действительной военной службы Константина Павловича по формулярному списку началось 5 мая 1795 г., когда он был назначен полковником Санкт-Петербургского гренадерского полка. 15 февраля 1796 г. 17-летний Константин Павлович вступил в брак с принцессой Саксен-Заальфельд-Кобургской Юлианой-Генриетой-Ульрикой, принявшей имя великой княгини Анны Федоровны, но неровный его характер, а главное вмешательство в супружескую жизнь матери, императрицы Марии Федоровны, быстро и навсегда испортили отношения между супругами. По вступлении на престол Павла I Константин Павлович был назначен шефом лейб-гвардии Измайловского полка.

Вместе с тем для подготовки к посту генерального инспектора кавалерии Константину Павловичу было поручено командование пятью эскадронами конной гвардии в Царском Селе, где он и занимался их обучением. Напряженная, суровая и весьма ответственная служба, постоянно на глазах отца, перед которым Константин Павлович преклонялся и вместе с тем трепетал, окончательно сформировали из него сурового, требовательного, исполнительного и знающего служаку.

О взглядах Константина Павловича на военную службу уже в то время свидетельствуют его собственноручные заметки, где он писал, что «офицер есть не что иное, как машина; все, что командир приказывает своему подчиненному, должно быть исполнено, хотя бы это была жестокость». Применяя эти взгляды на практике, Константин Павлович часто бывал строг и груб в обращении со всеми, переходя границы представленных ему уставом прав. Тем не менее подчиненные любили его за искреннюю доброту и всегдашнюю заботу о них. Если что и вредило его популярности, то это страх перед отцом, побуждавший его иногда заискивать у фаворитов.

В 1799 г. Константину Павловичу разрешено было отправиться во лонтером в армию Суворова в Италию. Сопровождать его были назначены генерал-лейтенант Дерфельден, генерал-майор Сафонов, полковник

Комаровский и др. Измайловцы, по словам Ростопчина, плакали, прощаясь со своим шефом. Прибыв к Суворову под Валенцу, Константин Павлович уже на другой день разъезжал под пулями, а 19 апреля в бою при Басиньяно лично водил роты в атаку и успешно распоряжался артиллерией; однако излишняя пылкость Константина Павловича была одной из причин неудачного исхода этого боя, что вызвало крайнее неудовольствие Суворова, обрушившееся как на Константина Павловича, так и особенно на его свиту. «Молодо-зелено, и не в свое дело прошу не вмешиваться», — неоднократно повторял ему Суворов. Константин Павлович подчинился этим требованиям и своими мужественными, но уже более спокойными действиями в последующих боях заслужил полное одобрение великого полководца. Так 6 июня при Тидоне, по отзыву Суворова, Константин Павлович «из усердия к пользе общего блага быстро привел с неумолимостью передовые войска, внушая им храбрость и расторопность, командировал их к подкреплению слабой части и тем способствовал победе». На другой день при Требии Константин Павлович находился при Суворове, а 4 августа при Нови распоряжался в передовой цепи, расставлял орудия и, по словам Суворова, «обретался при передовых войсках, когда же выступили они на баталию в боевом порядке, то изволил идти с ними и во все время баталии присутствовал, где мужеством своим поощряя войска, приводил их к неустрашимости».

В остальное время кампании Константин Павлович усердно занимался обучением войск, а во время походов и на биваках нес все тяготы наравне с солдатами, нередко совершая тяжелые переходы пешком. Незаурядное мужество, выказанное Константином Павловичем в Итальянскую кампанию, засвидетельствовано не только донесениями Суворова и записками Комаровского, но и отзывами других лиц. Так, Ростопчин писал о Константине Павловиче, что «он преисполнен храбрости и думает лишь о том, чтобы делать только добро». Австрийские драгуны Карачая, бывшие под командованием Константина Павловича при Нови, заявили, что «такою честью полк навсегда будет гордиться и готов свидетельствовать о мужестве и храбрости, оказанных Его Высочеством в этом деле». Император Павел I наградил Константина Павловича алмазными знаками ордена Святого Иоанна Иерусалимского.

В последующем затем Швейцарском походе Константин Павлович проявил себя уже более зрелым воином. На военных советах он выказывал недюжинное понимание военного дела. Так, он предложил употребить для перевозки бьюков и артиллерии казачьих лошадей и отстаивал

решение идти от Муттена к Гларису. Во все время знаменитого по своей трудности 16-дневного похода Константин Павлович большей частью шел пешком в авангарде князя Багратиона и с замечательной твердостью переносил все лишения и тяготы. На Сен-Готарде и при овладении Чертовым мостом он проявил свое обычное мужество. При Гларисе он с негодованием отверг предложение отъехать к резерву и, въехав в боевую линию, обратился к солдатам со словами: «Мы со всех сторон окружены неприятелем, но вспомните, что завтра день радостный для целой России — день рождения нашего Государя и моего Родителя. Мы должны прославить этот день победою или умереть со славою». Воодушевив войска и действуя с ними в самых опасных местах, Константин Павлович заслужил одобрение Суворова, который в донесении государю писал: «Его Высочество всю нынешнюю многотрудную кампанию и ныне на вершинах страшных швейцарских гор — где проходил мужественно все опасности, поощряя войска своим примером к преодолению трудностей и неустранимой храбрости, — изволил преподавать полезные и спасительные советы. Всегдашнее присутствие Его Величества перед войсками и на гибельных стремнинах гор оживляет их дух и бодрость. История увековечит его похвальные подвиги, которых я имел счастье быть очевидцем».

Манифестом от 20 октября 1799 г. император Павел I объявил: «Видя с сердечным наслаждением как Государь и отец отличные подвиги храбрости и примерное мужество, которое во все продолжение нынешней кампании против врагов царств и веры оказывал любезнейший сын наш Великий Князь Константин Павлович, во мзду и вящее отличие жалуюм ему титул Цесаревича». Согласно «Учреждению об императорской фамилии», титул этот присваивался лишь особе, которая «действительно в то время наследником престола назначена». Таким образом, Константин Павлович был поставлен как бы выше своего старшего брата великого князя Александра Павловича.

С особой любовью занялся Константин Павлович после возвращения из похода кавалерийской службой и 28 мая 1800 г. был назначен шефом лейб-гвардии конного полка. Он всецело отдался обучению полка и был крайне заботливым начальником, горячо отстаивая своих конногвардейцев перед отцом. Так, когда один из офицеров полка (Милюков) «совершенно невинною оплошностью вызвал столь жестокий гнев Павла Петровича, что приказано было даже наказать офицера палками», Константин Павлович, выбрав удобную минуту, на коленях испросил офицеру прощение.

Осенью 1800 г. Константин Павлович был послан государем инспектировать полки легкой кавалерии на австрийской границе. Только в последние дни своего царствования в результате тонкой интриги Алена император Павел лишил Константина Павловича доверия и 11 марта 1801 г. привел его вместе с Александром к повторной присяге, а затем подверг их аресту.

События последующей роковой ночи застали Константина Павловича врасплох и глубоко его потрясли. По свидетельству Саблукова, под первым впечатлением известия о трагической смерти отца у Константина Павловича вырвались слова: «После того, что случилось, брат мой может царствовать, если хочет, но если бы престол достался мне когда-нибудь, то я, конечно, никогда его не приму». Не имея самообладания брата, Константин Павлович свою скорбь о кончине отца и негодование против виновников ее выражал гораздо менее сдержанно. По свидетельству де-Санглена, Константин Павлович при виде графа Зубова и князя Яшвиля громко сказал: «Я бы их всех повесил». Совершенно отделяя личность своего старшего брата от события 11 марта, Константин Павлович все последующее время был его верным другом и преданным помощником.

Сохраняя лишь прежнее звание шефа конной гвардии и начальника кадетских корпусов, Константин Павлович был душой всех военных реформ начала царствования, деятельно работал во главе воинской комиссии, учрежденной 24 июня 1801 г. и разработавшей ряд новых положений о реорганизации вооруженных сил, а с 21 марта 1804 г. — и во главе Совета о военных корпусах. 11 сентября 1803 г. Константин Павлович испросил соизволение на учреждение в кавалерии улан и деятельно занялся формированием уланского полка из только что учрежденного Одесского гусарского. Ряд приказов Константина Павловича по полку свидетельствует, что он прекрасно понимал кавалерийское дело.

К этим же годам относится деятельность Константина Павловича по организации и обучению выделенной под его команду гвардейской конной артиллерии. В кампании 1805 г. Константин Павлович командовал гвардией. В сражении под Аустерлицем она должна была составить общий резерв и стать сзади пятой колонны (Лихтенштейна) у Блазовица. Согласно диспозиции, Константин Павлович повел туда свой отряд, но нашел конницу не Лихтенштейна, а Мюрата, поддержанную двумя дивизиями пехоты, которая и встретила отряд Константина Павловича совершенно неожиданным огнем. В это время подошел запоздавший Лихтенштейн, имея во главе улан цесаревича. Обрадованный Константин Павлович

крикнул полку: «Ребята, помните, чье имя вы носите, — не выдавай». И, не дожидаясь построения австрийской кавалерии в боевом порядке, он двинул своих улан в атаку.

Стремительным натиском уланы опрокинули три линии французской конницы и прорвали линию пехоты, но вынуждены были затем отойти правее, к отряду Багратиона. Остальные части корпуса Лихтенштейна, встреченные жестоким огнем с Праценской высоты, отошли к Аустерлицу. Константин Павлович, оставшись один с шестью батальонами и десятью эскадронами, двинулся к Працену, но французы окружили его; густые колонны их несколько раз бросались в атаку, однако были отбиты преображенцами и семеновцами. Бесперывные атаки конницы были прекращены блестящей атакой конной гвардии. Все же продвинуться к Працену не удалось, и Константин Павлович стал пробиваться к Аустерлицу. Французы стали наседать с особою ожесточенностью, но лихая атака кавалергардов и лейб-казаков остановила их натиск и дала возможность гвардии отойти в порядке. Из общего разгрома русская гвардия, руководимая Константином Павловичем, вышла с честью, и он был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени.

В кампании 1806—1807 гг. Константин Павлович также командовал гвардией и принял довольно заметное участие в сражении при Гейльсберге, руководя заменой частей боевой линии свежими войсками, а затем по просьбе Беннигсена отправился в Главную квартиру государя в Тильзит для доклада о положении дел. Ввиду крайне тягостного положения армии и недостаточности резервов Константин Павлович явился сторонником прекращения неудачной кампании. Но доводы его на этот раз успеха не имели, и только новая неудача под Фридландом склонила Александра к миру. Во время тильзитских и эрфуртских свиданий Наполеон проявил симпатию к Константиун Павловичу, которому последний поклонялся как военному гению, и они обменялись шпагами.

В 1809—1811 гг. под руководством Константина Павловича совершилось развертывание гвардии. Пехота была доведена до состава дивизии в шести полках, для чего лейб-гвардии Егерский и Финляндский батальоны были развернуты в полки и сформирован новый лейб-гвардии Литовский полк. Уланский полк цесаревича еще в 1809 г. был разделен на два гвардейских полка: Уланский и Драгунский. Весной 1812 г. была проведена корпусная организация, и Константин Павлович был назначен командиром в пехотные корпуса (резервный), в который вошли гвардейская пехота и артиллерия, 1-я Кирасирская и 1-я Сводно-гренадерская дивизии.

Отдавшись любимой организационной и инструкторской работе, Константин Павлович не принимал участия в Шведской и Турецкой войнах. По некоторым данным он и в начале 1812 г. явился одним из немногих сторонников мирных переговоров с Наполеоном и даже сам вызывался ехать к нему для этой цели. Когда начались военные действия, Константин Павлович громко осуждал план войны Барклая-де-Толли, при армии которого находился. Тогда Барклай отправил его в Москву со словесным докладом государю, но Константин Павлович поспешил вернуться к армии и участвовал в бою у Смоленска.

Новые слишком пылкие и откровенные осуждения им Барклая вызвали вторичную высылку Константина Павловича из армии в Санкт-Петербург под предлогом важных поручений. К армии Константин Павлович вернулся лишь в декабре, в Вильну, и снова принял командование гвардией. В сражении под Бауценом отряд Константина Павловича блистательно выдержал натиск самого Наполеона.

В осенней кампании 1813 г. Константин Павлович командовал русско-прусскими резервами, составившими один из трех корпусов Богемской армии Барклая. Во главе этих войск Константин Павлович принял участие в сражении под Дрезденом и за отличие был награжден золотой шпагой с алмазами и надписью «За храбрость». Под Лейпцигом резервы Константина Павловича влились в боевую линию, причем особенно выделялись артиллерии его корпуса. За Лейпциг Константин Павлович был награжден орденом Святого Георгия 2-й степени. Под Фершампенауазом Константин Павлович во главе своих полков произвел обход левого фланга противника и нанес стремительный удар. Эту атаку историки считают одной из наиболее блестящих за всю эпоху Наполеоновских войн.

Во главе гвардии Константин Павлович вступил в Париж. Оттуда он был послан государем в Санкт-Петербург возвестить о счастливом окончании войны. Отклонив чествование Санкт-Петербургского дворянства и купечества, Константин Павлович просил собранные деньги отдать в пользу раненых при Фершампенауазе и Париже. 2 апреля 1814 г. Император Александр, милостиво приняв депутацию Польских войск герцогства Варшавского, объявил ей, что польская армия сохранит свое прежнее устройство. Свою речь государь закончил словами: «Командовать вами будет Мой брат».

И действительно, последующие годы жизни Константина Павловича были всецело посвящены непрерывной работе по организации и совершенствованию польской армии. Горячо полюбив Польшу и отстаивая

интересы поляков, в особенности польской армии, Константин Павлович соблюдал в то же время и интересы России, борясь с намерением Александра ввести литовские и западно-русские области в сферу влияния Царства Польского. Кроме того, ненавидя политиканство и крайне не сочувствуя развитию конституционализма в Польше, Константин Павлович создал себе много врагов среди влиятельных кругов польского общества, в особенности среди либерально настроенной молодежи.

Во время пребывания в Варшаве в личной жизни Константина Павловича произошли события, повлиявшие на дальнейшую его судьбу. Пленившись на балу наместника генерала Зайончека молодой девушкой из хорошей польской фамилии Иоанной Грудзинской, 40-летний Константин Павлович, несмотря на противодействие матери, добился развода с великой княгиней Анной Федоровной, уже около 20 лет жившей безвыездно за границей, прервал многолетнюю связь с госпожой Фридрихс, от которой имел сына. Брак Константина Павловича с Грудзинской был совершен 20 мая 1820 г. безо всякой торжественности. Супруга Константина Павловича получила титул светлейшей княгини Лович. Влияние княгини Лович, чуждой всякой политики и интриг, на Константина Павловича было самое благотворное и значительно смягчило неровности его характера. В связи с этим браком Константин Павлович отрекся от прав на наследие российского престола.

Об отречении Константина Павловича от прав на престол был составлен особый акт, который хранился в Успенском соборе в Москве и подлежал оглашению «только тогда когда настанет время». Это сохранение в тайне и оказалось роковым, явившись одной из причин печальных декабрьских событий 1825 г. Подписав 16 августа 1823 г. особый манифест об отречении Константина Павловича, государь оставил в полной неизвестности о нем тех лиц, которых он касался более всего: Константина Павловича и Николая Павловича. Манифест был составлен Филаретом и его содержание было известно только князю Голицыну и Аракчееву.

В апреле 1825 г. Император Александр последний раз посетил Варшаву. Известия тревожного характера о болезни государя начали получаться из Варшавы с начала ноября. Любивший брата до обожания Константин Павлович скорбел и волновался, но хранил получаемые известия в тайне. Рапорт Дибича о кончине государя достиг Варшавы 25 ноября. Потрясенный Константин Павлович сообщил печальную весть князю Лович и великому князю Михаилу Павловичу и сказал им: «Теперь настала торжественная минута доказать, что весь прежний мой образ действий не

был личиною, и кончить дело с такою же твердостью, с которою оно было начато. В намерениях моих, в моей решимости ничего не переменилось, и моя воля отказаться от престола более чем когда-либо непреложна».

Намерения Константина Павловича, несомненно, были чисты, но избранные им способы действия оказались крайне неудачными и только усложнили положение и без того тягостное благодаря тайне, которой почивший государь окружил отречение Константина Павловича. Собрав окружающих, Константин Павлович объявил им печальную весть, объяснил причину отречения и сообщил, что не принял присланных ему из Таганрога присяжных листов и рапортов и сам писал Николаю Павловичу как императору. Начавшие прибывать из разных мест курьеры с пакетами, адресованными на имя Его Величества, стали вызывать все возмущавшее раздражение Константина Павловича. Пакеты с надписью «Его Величеству» он не распечатывал. Адьютанту московского генерал-губернатора Демидову Константин Павлович с гневом сказал: «Скажите князю Голицыну, что не его дело вербовать в цари».

Ночь на 26 ноября Константин Павлович посвятил писанию писем Николаю Павловичу и императрице Марии Федоровне. Не зная о манифесте 1823 г., Константин Павлович официальным письмом еще раз подтвердил свое отречение. Отвезти письма в Санкт-Петербург было поручено великому князю Михаилу Павловичу. Между тем весть о кончине Императора Александра была получена в Санкт-Петербурге 27 ноября, и великий князь Николай Павлович первый присягнул императору Константину и привел к присяге войска Петербургского гарнизона. Хотя великий князь Николай Павлович и узнал содержание манифеста на заседании Государственного совета, но убедил членов Совета так же принести присягу Константину Павловичу, а Константина Павловича просил прибыть в Санкт-Петербург, где уже было объявлено о вступлении его на престол, изданы его портреты с подписью: «Император Всероссийский» и отчеканены рубли с изображением императора Константина I. Прибытие Михаила Павловича с письмами Константина Павловича поставило Николая Павловича в известность об окончательном отречении Константина Павловича.

5 декабря Михаил Павлович снова отправился в Варшаву, чтобы уговорить Константина Павловича прибыть в Санкт-Петербург, но тот отказался, опасаясь, что это могло быть объяснено как попытка получить корону. Произошел обмен еще несколькими письмами, прежде чем Николай Павлович принял бразды правления.

Константин Павлович служил своему младшему брату с тем же усердием, что и Императору Александру, но в его характере еще более усилилась склонность брюзжать и критиковать петербургские порядки и новшества. В новое царствование недовольство Константина Павловича новшествами еще более усилилось, он все чаще стал жаловаться на старость, поговаривать о своем желании уйти на покой. Однако такое настроение не мешало Константину Павловичу с прежним рвением заниматься порученными ему войсками. Кроме того, со смертью наместника Зайончека в 1826 г. на Константина Павловича, хотя и не официально, легло все бремя гражданского управления, осложненного необходимостью производить расследование о тайных польских обществах и об участии в заговорах ряда лиц (в связи со следствием о декабристах). Константин Павлович рыцарски отстаивал своих подчиненных и писал: «Я ручаюсь за польских начальников, они умеют чувствовать милость Государя».

В начале 1830 г. император Николай прибыл в Варшаву для торжественного венчания польской короной. Во время его пребывания состоялась сессия сейма, против созыва которой горячо ратовал Константин Павлович, предвидевший оппозиционное настроение депутатов. Между тем искры Июльской революции во Франции стали долетать в Варшаву, и давно накапливавшийся горячий материал был воспламенен. Под впечатлением блестящего состояния войск, Константин Павлович не придавал значения тревожным признакам и докладам начальника польской жандармерии генерала Рожницкого и президента Варшавы Любовицкого. Заговор созрел, и первой жертвой был намечен сам Константин Павлович.

17 ноября к 6 часам вечера две партии заговорщиков собрались у Бельведера и по условленному сигналу первая партия ворвалась во дворец, не охранявшийся караулом, и бросилась в покои Константина Павловича. В одной из комнат находились президент города Любовицкий и генерал Жандр. Увидев заговорщиков, они бросились к покоям Константина Павловича, чтобы предупредить его. Константин Павлович спал. Разбуженный камердинером, он приоткрыл дверь в коридор. Любовицкий успел лишь крикнуть ему: «Худо, Ваше Высочество», как пал под ударами штыков. Камердинер захлопнул дверь, запер ее на задвижку и увлек Константина Павловича из кабинета в комнату под крышей. Не найдя Константина Павловича, заговорщики спустились вниз, где вторая группа встретила их известием, что Константин Павлович убит. Убит же был генерал Жандр, которого вторая группа заговорщиков приняла за Константина Павловича.

В это время на спасение отца прискакал Павел Александрович Александров с эскадроном Подольских кирасир, в рядах которых он служил, затем к Бельведеру собрались три полка русской кавалерии, польские гвардейские конные егеря и несколько польских орудий и егерских рот. Окружившие Константина Павловича генералы уговаривали его решительным ударом прекратить мятеж, но он приказал выводить войска из Варшавы. Отступление прикрывали польские конные егеря и егеря. Утром 18-го подошли Литовские и Вольнские полки, а затем и русской гвардии батареи. Генералы Даненберг и Герценштейн умоляли Константина Павловича двинуться в Варшаву, но Константин Павлович упорно стоял на том, что русским нечего делать в «польской драке».

20 ноября к Константину Павловичу прибыла депутация от Временного правительства, которая потребовала восстановления Конституции 1815 г. в первоначальном виде, присоединения Литвы и полной амнистии. Константин Павлович холодно ответил ей, что эти вопросы подлежат решению государя и что он не намерен нападать на Варшаву, согласен отпустить бывшие при нем польские войска и желает лишь спокойно отойти с русскими войсками в русские пределы. Депутаты заверили Константина Павловича, что отряд не будет потревожен. 21 ноября Константин Павлович двинулся с русскими войсками к границам Российской Империи.

Константин Павлович был глубоко подавлен событиями, разрушившими плоды его 16-летних трудов и искренних усилий связать интересы Польши и России. Проявленную к нему неблагодарность поляков он относил лишь к небольшой группе недовольных и явился усердным ходатаем перед государем о снисхождении к полякам и польской армии. Чувствуя, что русское общество считает его одним из главных виновников случившегося, Константин Павлович отдал себя в полное распоряжение фельдмаршала Дибича.

25 января русские войска вступили в Царство Польское, и 5 февраля отряд Толя наткнулся близ Калушина на польские войска Жимиурского. Константин Павлович, шедший в резерве, получил приказание фельдмаршала атаковать поляков. И хотя это поручение было ему крайне неприятно, но он решительным ударом опрокинул Жимиурского. 13 февраля произошло сражение при Грохове, первоначальный успех которого не был использован Дибичем, внезапно остановившим войска, двинувшиеся на общий приступ Варшавы. Эта нерешительность фельдмаршала обратила Польский поход в затяжную и упорную войну. Бенкендорф в своих запис-

ках утверждает, что Дибич на смертном одре сказал графу Орлову: «Мне дали пагубный совет, последовав ему, я провинился перед Государем и Россией, главнокомандующий один отвечает за все свои действия». Дибич не назвал лицо, давшее ему этот совет, но молва обвинила заступника поляков Константина Павловича, и положение последнего стало столь тягостным, что фельдмаршал отпустил его к больной супруге в Белосток.

Когда Константин Павлович собрался вернуться к армии, государь указал ему, что он уже выполнил более того, что требовал от него долг, и что он отнюдь не должен возвращаться к армии, чтобы занять то незначительное и не соответствующее его званию положение, которое он занимал последнее время. Между тем польские отряды Гелгуда и Хлоповского появились в переходе от Белостока, и Константину Павловичу пришлось спешно его покинуть под прикрытием небольшого конвоя.

Вместе с больной женой Константин Павлович двинулся к Слониму, а оттуда через Минск — к Витебску, где его ждал новый враг — холера. Чрезвычайное физическое утомление после усиленных переходов верхом, непрестанная тревога за больную жену, угнетенное душевное состояние надломили силы Константина Павловича. 13 июня он почувствовал себя плохо. Вечером 15 июня 1831 г. Константин Павлович скончался. Тело его перевели в Гатчину и 14 августа похоронили в Петропавловском соборе.

Михаил Илларионович Кутузов

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов родился 5 сентября 1745 г. в просвещенной дворянской семье. Отец его, сенатор, генерал-поручик и военный инженер, уделял исключительное внимание образованию и воспитанию сына. Естественно, что и образование Михаил Кутузов получил в артиллерийской военной школе.

В 1761 г. он был произведен в чин прапорщика и по собственной просьбе направлен командиром роты в Астраханский пехотный полк. Вскоре благодаря отличному знанию немецкого, французского, а затем польского, шведского и турецкого языков был назначен адъютантом ревельского генерал-губернатора. С 1764 г. с небольшим перерывом служил в войсках в Польше. Известность пришла к М.И. Кутузову в период Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В должностях строевого и штабного офицера он сражался в 1-й Дунайской армии под командованием П. Румянцева. В 1774 г., воюя с крымчаками, он был тяжело ранен и потерял правый глаз. За отвагу Михаил Илларионович был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени и отправлен на лечение за границу.

По возвращении в Россию Кутузов продолжал службу в Крыму под руководством М.В. Суворова, вел переговоры с Крым-Гиреем и вынудил его отречься от престола. В период Русско-турецкой войны 1787–1781 гг. М.И. Кутузов вел боевые действия на западных границах России по реке Буг. Здесь он принял участие в осаде Очаково и получил второе тяжелое ранение.

Принял участие в осаде Измаила. По словам М.В. Суворова: «Генерал Кутузов шел у меня на левом крыле, но был моей правой рукою». В один из моментов, когда успех штурма казался сомнительным, гонец от Суворова сообщил Михаилу Илларионовичу, что он назначается комендантом Измаила. Поняв, к чему его призывает командующий, Кутузов в числе первых ворвался в крепость.

Михаил Илларионович, несмотря на роль, которую он сыграл в разгроме Турции, был направлен в эту страну Чрезвычайным и Полномочным Послом. Там Кутузов заслужил большое доверие у турецкого двора и решил в пользу России ряд важных дипломатических вопросов. Затем Михаил Илларионович назначается директором сухопутного кадетского корпуса, немного погодя командующим и инспектором войск в Финляндии, исполнял должность литовского генерал-губернатора.

С восшествием на престол Александра I блестящая карьера М.И. Кутузова, по сути, завершилась. Правда, он получил назначение на пост петербургского генерал-губернатора. Но очень скоро ушел в отставку и уехал в деревню.

Однако в августе 1805 г. он был вызван из отставки и назначен главнокомандующим русской армии, направлен на помощь Австрии в войне с Наполеоном. Но Австрия уже капитулировала под Ульмом. Логичным продолжением бесславного поражения австрийских войск стала битва под Аустерлицем, где Наполеону удалось сокрушить русскую армию. После этого драматического события М.И. Кутузов вернулся на восточный театр военных действий, где продолжалась нескончаемая русско-турецкая война.

Удостоенный за победы над турками титулов графа и светлейшего князя, полководец все же не вернул себе полного доверия царя. Отечественная война 1812 г. застала его в Петербурге без дела. В то время, как русские армии на западе возглавляли Барклай-де-Толли и Багратион, Кутузов был избран начальником Петербургского, а затем и Московского ополчений.

Эта роль не подходила М.И. Кутузову в тяжелый для Отечества момент, что хорошо понимал и Император Александр, который 22 июля

возвратился из Москвы в Петербург. Там получил он смутные вести из армии Барклая-де-Толли и Багратиона. Едва лишь они успели соединиться и донести государю о прекращении возникших между ними недоразумений, как пришли из армии донесения и письма с жалобами на Барклая и на неудачу наступления к Рудне. Императору Александру как верховному руководителю борьбы России с Наполеоном были вполне известны все обстоятельства этого дела. Он отдавал вполне справедливость достоинствам Барклая-де-Толли, уверен был в его преданности и знал, что образ наших действий был внушен самою необходимостью. Тем не менее, однако же, не подлежало сомнению, что успех в войне возможен только тогда, когда полководец пользуется неограниченною доверенностью войск.

Убеденный в необходимости избрать нового главнокомандующего и вверить ему начальство над всеми русскими армиями, Император Александр поручил обсуждение сего предмета Комитету, составленному из бывшего наставника его, председателя Государственного совета генерал-фельдмаршала графа Салтыкова; главнокомандующего в Санкт-Петербурге, генерала от инфантерии Вязьмитинова; генералов: графа Аракчеева и Балашева; и действительных тайных советников: князя Лопухина и графа Кочубея. Комитет сей, собравшийся в доме графа Салтыкова 5 августа (во второй день сражения при Смоленске), занимался обсуждением предложенного ему вопроса от семи до десяти с половиною часов вечера. В начале заседания, по Высочайшему повелению, читаны были графом Аракчеевым полученные на имя Его Императорского Величества рапорты от главнокомандующих армиями: военного министра Барклая-де-Толли, со времени отбытия государя из армии, и князя Багратиона, со дня сражения при Салтыковке; затем представлены были комитету частные письма князя Багратиона, графа Сен-Приеста и других генералов.

Из донесения Барклая-де-Толли можно было видеть безнадежность в успехе действий против огромных действий против огромных сил Наполеона и неудовольствие на князя Багратиона, который, по мнению военного министра, должен был действовать решительно: отвлечь часть неприятельских войск, направленных (как полагал Барклай) в совокупности против 1-й Западной армии. Все предположения Барклая-де-Толли основывались на диверсиях войск графа Виттенштейна и Тормасова. Находясь под влиянием общественного мнения, господствовавшего в России и несогласного с его убеждением, он колебался в нерешимости, что, без всякого сомнения, не могло обещать хороших последствий. Князь Багратион,

со своей стороны, настаивал в необходимости перехода западных армий к наступательным действиям против неприятеля, расстроенного форсированными маршами, и жаловался на военного министра, «который, как выражался князь Багратион, требуя его мнений, не согласуется оным».

Разномыслие главнокомандующих обнаруживалось еще очевиднее из частных писем. Князь Багратион, извещая графа Аракчеева о современном положении дела, выставлял в самых резких выражениях пагубные последствия, которые, по его мнению, могло иметь дальнейшее отступление. «Вся армия просила меня гласно, чтобы я всеми командовал, но я на это им ничего не отвечал, ибо воля на то Государя моего», — писал Багратион, после соединения западных армий. «Признаюсь вам откровенно, — продолжал он в том же самом письме, — сколько мне было принято сойтись с первого армиею, столько же и прискорбно, ибо продовольствие для меня весьма плохое. Когда один шел, тогда все имел». Несколько дней спустя он писал: «ради Бога, пошлите меня куда угодно, хоть полком командовать, в Молдавию или на Кавказ, а здесь быть не могу; вся главная квартира немцами наполнена, так, что русскому жить невозможно и толку никакого нет. Воля ваша, или увольте меня хоть отдохнуть на месяц».

По выслушивании всех официальных бумаг и частных писем, объяснявших положение дела, Комитет единогласно признал, «что не деятельность в военных операциях происходила от того, что не было над всеми действующими армиями положительной единогласной власти, и сколь в настоящее время невыгодно такое раздробление власти, столь, напротив того, необходимо общее оной соединение». По мнению Комитета, «истина всего осознавалась как на положении обстоятельств вообще, так и на том, что по действию разных армий на значительном пространстве они обязаны соглашать свои движения и действия одна с другою». А потому комитет нашел необходимо нужным: «назначить над всеми действующими армиями одного общего главнокомандующего».

Затем, приступив к назначению общего главнокомандующего, Комитет постановил, что оно должно быть основано на известной опытности в военном искусстве, отличных дарованиях, общем доверии и на старшинстве службы. Рассуждая, кого предложить в главнокомандующие, называли Беннигсена, Багратиона, Тормасова и бывшего давно уже в отставке Палена; но находили, что ни один из них не соответствовал определенным для выбора условиям. Наконец, когда было произнесено имя Кутузова, все члены Комитета единогласно постановиливерить ему начальство над всеми армиями, предоставить ему одну власть, определенную

положением о большой действующей армии, и предписать начальникам губернских ополчений доносить ему об успехе вооружений и о местах, где уже собраны земские силы.

С тем вместе положено было: «Предоставить вполне управление военным министерством управляющему департаментом этого, генерал-лейтенанту князю Горчакову». Ему уже было поручено командовать, вместо Кутузова, Санкт-Петербургским ополчением, «тем более что в составе этого ополчения находились и регулярные войска».

Действительно, Кутузов соединил в себе все условия, определенные Комитетом при выборе главнокомандующего. Его служба началась под счастливыми предзнаменованиями: в самых юных годах своих, замеченный Великою Екатериною, впоследствии называвшего его «Мой Кутузов», он получил практическое военное образование под руководством образованнейшего из тогдашних генералов Баура, был отличен Румянцевым и сделался любимцем Суворова. Его имя сделалось неразлучно с памятью славнейших подвигов Екатерининского века; его двукратное спасение после тяжких ран, им полученных, обращало на него внимание всей России. Впоследствии Кутузов, будучи назначен Чрезвычайным Послом в Константинополь, выказал необыкновенные дипломатические способности, исполнял с отличием многие важные поручения, на него возложенные, и окончил продолжительную войну с турками решительным ударом, нанесенным армии верховного визиря, и договором, расширившим пределы России до Дуная и Прута.

Ко всем этим заслугам Кутузов присоединял преимущество старшинства по службе над всеми главнокомандующими наших армий; наконец, имя Кутузова, природного Русского, было русское, что в Отечественную войну 1812 г. имело большую важность.

Избрав Кутузова, Комитет совершенно исполнил ожидания государя, который заранее предвидел, на кого падет выбор, и за несколько дней перед тем почтил маститого военачальника изъявлением личной Своей благосклонности, возведя его в княжеское достоинство. Такое отличие было тем более для всех неожиданно, что Кутузов, в то время, устранившийся от начальства над войсками, не пользовался милостями Императора Александра. Незадолго перед тем, ведя переговоры с Оттоманскою портою, Кутузов беспрестанно получал от государя письма, в которых выражалась необходимость скорейшего заключения мира. Кутузов усердно старался исполнить волю государя, но не мог превозмочь упрямства турецких дипломатов, которые, будучи возбуждены происками агентов

Франции и Австрии, не соглашались на условия, предложенные русским правительством. Дни проходили за днями, а дело нисколько не подвигалось; наконец, Император Александр, выведенный из терпения медленностью переговоров, поручил адмиралу Чичагову, вместо Кутузова, как начальство над Дунайскою армиею, так и заключение мира. Кутузов, узнав о том, ускорил всеми средствами ход переговоров, и следствием деятельных мер, им принятых, было заключение Бухарестского трактата 16 мая, за четыре дня до прибытия Чичагова.

Кутузов, сделавшись начальником санкт-петербургской земской силы, исполнял свои обязанности с чрезвычайным усердием: проводил целые дни прием ратников, входил во все подробности их обмундирования, занимался лично их образованием и давал им наставления. Все взоры были обращены с удивлением и сердечным участием на Кутузова. Некогда блистательного посла Российских Монархов Екатерины и Павла, бывшего предводителя армий, усердствовавшего на пользу общую в годину бедствий Отечества. Такое самоотвержение не осталось без воздаяния: Император Александр возвел 29 июля Кутузова в княжеское достоинство с титулом светлейшего, и вслед затем 8 августа, признав его к Себе, объявил ему назначение в главнокомандующие всеми армиями и ополчениями. Кутузов, как говорил он сам, ввечеру того же дня в кругу родных своих, «услышал повеление Государя с христианским смирением, но без робости, как призвание свыше». Так смотрели тогда все Русские на высокое назначение заслуженного воина; так взирает на это событие и ныне благодарная Россия.

В тот же день, 8 августа, Император Александр удостоил Кутузова следующим рескриптом:

«Князь Михаил Илларионович!

Настоящее положение военных обстоятельств Наших действующих армий, хотя и предшествовало начальными успехами, но последствия оных не открывают еще той быстрой деятельности, с каковою надлежало бы действовать на поражение неприятеля. Соображая эти последствия и извлекая истинные тому причины, Я нахожу нужным назначение над всеми действующими армиями одного общего главнокомандующего, которого избрание, сверх воинских дарований, основывалось бы и на самом старшинстве. Известные достоинства ваши, любовь к Отечеству и неоднократные опыты отличных ваших подвигов приобретают вам истинное право на эту Мою доверенность. Избирая вас для этого важного дела, Я прошу Всемогущего Бога да благословит деяния ваши к славе

Российского оружия, и да оправдает тем счастливые надежды, которые Отечество на вас возлагает». В тоже время ко всем главнокомандующим армиями: Барклаю-де-Толли, князю Багратиону, Тормасову и Чичагову отправлены рескрипты следующего содержания:

«Разные важные неудобства, происшедшие после соединения двух армий, возлагают на Меня необходимую обязанность назначить одного над всеми этими Главного Начальника. Я избрал для этого генерала от инфантерии князя Кутузова, которому и подчиняю все четыре армии. Вследствие чего предписываю вам, со вверенною вам армиею, состоять в точной его команде. Я уверен, что любовь ваша к Отечеству и усердие к службе откроют вам при этом случае путь к новым заслугам, которые мне весьма приятно будет отличать подлежащими наградами».

Известие о назначении Кутузова главнокомандующим всеми вооруженными силами, действовавшими против Наполеона, было встречено во всей России с невыразимым восторгом. Такое расположение целого народа в пользу одного лица достаточно убеждает в необходимости назначения Кутузова предводителем вооруженных сил государства. Иностранные писатели, не вникнув в положение дела, старались исследовать, действительно ли Кутузов заслуживал почетного места, на которое поставили его воля Царя и глас народа. Глас Божий. Для нас русских, такое последование совершенно напрасно: мы чтим в Кутузове полководца, освободившего Россию от чужеземного нашествия, благоговеем к его памяти и вовсе не занимаемся вопросом: возможно ли было исполнить лучше то, что так хорошо совершил Кутузов? Напрасно иностранцы стараются унизить заслуги нашего полководца: лучшими ценителями их могут быть те, которым он и принес пользу. Напрасно говорят, что 60—70-летний Кутузов был неспособен командовать армиею: до самой кончины он сохранил свои умственные способности и уже лежа на одре смерти, в Бунцлау, подавал мудрые советы. Напрасно покушаются выставить на его счет достоинства других наших генералов: мы готовы признать, что Кутузов уступал Барклаю-де-Толли в административных способностях и князю Багратиону в деятельности; мы не станем отрицать, что отступление Барклая приуготовило последующие успехи Кутузову, но с тем вместе, воздавая каждому должное, скажем. Что один лишь Кутузов мог решиться на неравный бой при Бородине и на оставление столицы, священной в понятиях Русского народа. Иностранцы порицали его в медленности, в излишней (по их мнению) осторожности действий. Говорят будто бы он мог достигнуть более быстрых успехов. Нельзя не сознаться в справедливости этого мнения, но

весьма трудно решать вопросы о том, что могло быть и чего в действительности не было, и к тому же не подлежит сомнению, что для Наполеона, превосходившего всех своих противников в тактическом искусстве, и для французов, более способных к высоким подвигам на поле брани, нежели к постоянному перенесению продолжительных трудов и лишений, было невыгодно иметь дело с военными начальниками осторожными. В течение всего периода Наполеоновых войн полководцы, действовавшие с наибольшим успехом против французских войск, Веллингтон и Кутузов, отличались умением ослабить неприятеля, избегая решительной развязки дела; некоторые писатели, стараясь помрачить славу нашего вождя, упрекали его в хитрости, двуличии, дворянских происках. Действительно, Кутузов был одарен умом весьма тонким, доставлявшим ему средства выходить с успехом из самых затруднительных обстоятельств. Суворов, которого Кутузов был любимцем, говаривал о нем, вовсе не в укор: «умен, очень умен; его и Рибас не обманет». Сам Кутузов в 1812 году, отъезжая из Петербурга в армию, на довольно нескромный вопрос одного из ближайших своих родных: «Не ужели вы, дядюшка, надеетесь разбить Наполеона?» отвечал: «Разбить — нет! А обмануть надеюсь». Кутузов во всю свою жизнь и тем более в преклонных годах отличался уклончивостью, которая нередко доходила до того, что он часто жертвовал собственными убеждениями. Один из чиновников Главной квартиры его, Маевский, говорит, что когда наши войска соединились на реке Березине, не осмелился доложить фельдмаршалу о пользе назначения кого-либо начальником артиллерии всех русских армий. «Кого же лучше, — отвечал Кутузов, — как не Резвого; он человек умный, опытный и знает это дело лучше всех». Едва лишь он успел произнести эти слова, как приехал к нему граф Аракчеев. «Государю Императору угодно соединить командование всею артиллериею в лице одного артиллерийского генерала, сказал он: выбор его представлен Вашей Светлости. Его Величество полагает, что всего ближе вверит этот пост А.П. Ермолову». «Спросите у него, — отвечал Кутузов, указывая на Маевского: — Мы только что об этом говорили, и я сам хотел просить Государя Императора, чтобы назначен был Ермолов. Да и можно ли сделать лучший выбор?»

Некоторые иностранные писатели, и в числе их Тьер, вводя в эпопею войны 1812 года мелочи частной жизни Кутузова, представляли его «до крайности развращенным, лживым» и пр. Другие старались выказать его ленивым и недеятельным, к чему могла подать повод преклонность его лет, не позволявшая ему ни водить лично полки в дело, ни заниматься

письменную частью, которая, действительно, была запущена в его армии. Важнейшие бумаги, подносимые к подписи фельдмаршала, оставляемы были до завтра, и это «завтра» иногда повторялось несколько недель. Для него написать сряду несколько слов либо подписать сряду десять бумаг было труднее, нежели для другого исписать кругом несколько листов. Но когда он, в хорошем расположении духа, говаривал проходившему с делами: «не сердись, любезный, я, право, завтра подпишу твои бумажки», тогда можно было почти наверно надеяться, что он сдержит слово. При столь сильном отвращении от всякой корреспонденции, Кутузов сохранил до самой смерти дар слова, которым он очаровал всех и каждого. Подобно даровитому импровизатору, он увлекал, приводил в восторг и сам проливал слезы, вызванные чувством. Никто ловчее князя Кутузова не умел вознаграждать оскорбления, нанесенного по нетерпению либо горячности; никто лучше его не обладал искусством льстить под личиною грубости. Однажды, когда Коновницын, представляя Кутузову лично одного из своих подчиненных, выхвалял его храбрость, фельдмаршал с гневом сказал: «Прошу вас не брать его с собою, вы и без того уже лишили меня многих достойных людей». Несмотря на недоверчивость и скрытность своего характера, Кутузов был любим окружавшими его; недостатки и слабости его не помешали ему снискать и сохранить общее доверие войск. Когда, накануне Люценского сражения, один из адъютантов фельдмаршала привез сведения о его смерти, приказано было скрыть эту весть в глубочайшей тайне; таким образом, уже не было Кутузова, но русская армия пошла в бой, как будто бы руководимая тенью.

Не станем возвышать Кутузова насчет прочих сподвижников Императора Александра I, не будем приписывать ему подвигов, совершенных другими деятелями в великом деле спасения Отечества, но сохраним в истории память чувств, которые были питаемы к нему русскими в 1812 г., и оставим без внимания легкомысленный отзыв о нем Тьера. Остаемся в надежде, что соотечественники этого знаменитого писателя будут беспристрастнее его к нашему полководцу; они вели против русских многие войны, но, и враждуя между собою, обе нации уважали одна другую, а восстановив согласие, питали взаимное сочувствие и никогда не прибегали к презрительному оружию злословия.

Кутузов, одаренный необыкновенною сметливостью, постигал вполне, что Барклай-де-Толли, избегая генерального сражения, действовал сообразно с обстоятельствами, в которые он был поставлен. От проницательности опытного военачальника не укрылось также и то, что надлежа-

ло поступать и впредь подобно тому, как поступал Барклай. Но вместе с тем Кутузов весьма хорошо знал, чего ожидала Россия от вождя своих армий, и потому, с первого же дня своего назначения, при всяком случае выказывал намерение сразиться с Наполеоном. 11 августа, в то самое время, когда наши Западные армии отступали к Дорогобужу, Кутузов отправился из Петербурга на великий подвиг — спасение Отечества.

После назначения главнокомандующим М.И. Кутузов 17 августа прибыл к войскам. Не приняв предложение о немедленном генеральном сражении с французами, он еще несколько дней уводил войска в сторону Москвы и только 22 августа остановился при селе Бородино, где и началась подготовка к битве. Бородинское сражение, безусловно, стало высшим проявление воинского гения Кутузова. Объективно ситуация была такова, что сражение могло нанести непоправимый вред нашему Отечеству, которое могло утратить свои лучшие воинские силы и оказаться в руках Наполеона. Но и медлить со сражением было невозможно. Армия, народ, все сословия кипели от негодования в связи с нескончаемым отступлением русских войск. Дальнейшее промедление составляло угрозу устоя государства. Поэтому М.И. Кутузов вызвал диспозицию, рассчитанную на изматывание французских войск и исключавшую большие человеческие потери русской армии, ее разгром и отступление.

План Кутузова удался. И хотя пришлось оставить Москву, Кутузов укрепился в стратегически важной позиции, стянул новые воинские контингенты и лишил наполеоновскую армию возможности маневра. После поражения под Малоярославцем ее судьба была решена. Из России один путь, одна дорога — смоленская, разграбленная на несколько верст окрест. Замерзающие французы и их союзники тянулись по смоленскому тракту и несли все большие потери. Российская армия наносила французским войскам все новые и новые удары под Вязьмой, Ляхово, Красным и Березиной. Великая армия Наполеона, насчитывавшая по подсчетам разных историков от 500 до 600 тыс. человек, покинула границы России в составе нескольких потрепанных частей численностью 34 тыс. человек. А Наполеон с конвоем на возке в это время мчался в Париж, чтобы спасти свою Империю. Михаил Илларионович Кутузов не был сторонником зарубежного похода русской армии. Он не хотел больше человеческих потерь и опасался, что в конечном счете борьба с Наполеоном приведет к усилению других потенциальных противников России.

21 декабря 1812 г. М.И. Кутузов поздравил войска с изгнанием войска из пределов России. За умелое руководство русской армии он был пожа-

лован чином генерала-фельдмаршала и титулом князя Смоленского. Он получил награду орден Святого Георгия 1-й степени и стал первым полным кавалером высшей российской награды.

С прибытием Императора Кутузов отходит от дел, слабеет, утрачивает интерес к жизни 16 апреля 1812 г. он скончался в Бундлау, из которого был перевезен для захоронения в Санкт-Петербург.

Великий князь Михаил Павлович

Великий князь Михаил Павлович, четвертый сын императора Павла I и императрицы Марии Федоровны, родился 28 января 1798 г. и в день рождения был назначен генерал-фельдцейхмейстером и шефом гвардейского артиллерийского батальона.

Первоначальное воспитание Михаила Павловича велось совместно с воспитанием его брата Николая. После кончины отца Император Александр I успевал лишь изредка навещать младших братьев и мало вникал в дело их обучения. Установившаяся система воспитания великого князя была сурова, телесные наказания играли в ней не последнюю роль. Главный воспитатель генерал Ламсдорф был наставником требовательным и строгим. По словам императора Николая, «обоих их мучили преподаванием, а на уроках они дремали или рисовали какой-нибудь вздор, а потом выучивали к экзаменам кое-что вдобавку, без плода, без пользы для будущего».

С малых лет оба брата проявили исключительную склонность ко всему военному; у них были целые арсеналы военных игрушек. Михаил Павлович, более живой по характеру, любил больше разрушать, нежели что-нибудь строить. Воображая, что грубость есть принадлежность военного звания, оба они и вне игры усваивали грубость, заносчивость и самонадеянность, каковые качества у Михаила Павловича, одаренного врожденным остроумием и насмешливым характером, проявлялись с большой резкостью.

В 1814 г. Император Александр впервые разрешил братьям прибыть к армии, находившейся во Франции, и на смотре в Вертю Михаил Павлович в первый раз командовал воинской частью (конноартиллерийской бригадой). С августа 1817 г. по июнь 1819 г. он совершил образовательную поездку сначала по России, затем по Западной Европе под руководством И.Ф. Паскевича. Поручая великого князя Паскевичу, императрица просила последнего «более заниматься гражданской частью и возможно менее военной». Однако Паскевич оказался бессильным в борьбе со склоннос-

тью Михаила Павловича к экзерцирмейстерству: Вскоре по возвращении из заграничного путешествия Михаил Павлович был назначен командиром первой бригады 1-й Гвардейской пехотной дивизии и шефом лейб-гвардии Московского полка.

Известие о кончине Александра I застало его в Варшаве; на другой же день он выехал в Санкт-Петербург с письмом от Константина Павловича об отречении последнего от прав на престол. Прибыв в Санкт-Петербург и узнав, что там уже принесена присяга на верноподданство императору Константину, Михаил поспешил опять в Варшаву, чтобы убедить брата приехать в столицу, но безуспешно. Прибыв вновь в Санкт-Петербург утром 14 декабря и получив известие, что принесение присяги Николаю Павловичу чинами гвардейской конной артиллерии сопровождалось некоторым замешательством, великий князь решил своим личным присутствием в артиллерийских казармах восстановить порядок; затем, получив донесение о возмущении Московского полка, поспешил в казармы и, собрав людей, не принимавших участие в бунте, привел их на Сенатскую площадь, где Император Николай вверил его начальству часть войск, собранных между Исаакиевским собором и Конногвардейским манежем, против стоявших тут же мятежных рот Гвардейского экипажа. За усердие, оказанное Михаилом Павловичем 14 декабря, император Николай пожаловал ему четыре орудия легкой гвардии первой роты, которые действовали против мятежников. В тот же день, 14 декабря, великий князь был назначен генеральным инспектором по инженерной части. 17 декабря состоялось назначение его членом особой комиссии «для изыскания о злоумышленных обществах»; в том же 1825 г. Михаил Павлович был сделан членом Государственного совета, а в 1826 г. назначен командиром Гвардейского корпуса. В 1828 г. ему было поручено командование особым корпусом, осаждавшим крепость Браилов. После шестинедельной осады и штурма 3 июня Браилов сдался. Михаил Павлович был награжден орденом Святого Георгия 2-й степени и шестью медными орудиями, из числа взятых в крепости.

В ту же кампанию великий князь находился при обложении крепости Шумлы и принимал личное участие в сражениях под нею 8 и 16 июля. В 1831 г. Михаил Павлович во главе Гвардейского корпуса принял участие в усмирении польского мятежа — в делах между реками Бугом и Наревом (с конца апреля по 13 мая), при Остроленке и в штурме Варшавы, а затем руководил блокадой крепости Модлин, которая сдалась 26 сентября. За мужество и распорядительность в эту кампанию Михаил Павлович был

награжден званием генерал-адъютанта, почетной шпагой с надписью «За храбрость» с алмазными украшениями, и ему был пожалован один из ключей Модлинской крепости.

В 1831 г. Михаил Павлович был поставлен во главе управления Пажеским корпусом, всеми сухопутными кадетскими корпусами и Дворянским полком; в 1832 г. в день открытия Императорской военной академии пожалован званием почетного президента, в 1834 г. призван к присутствию в правящем Сенате, в 1836 г. назначен главным попечителем Чесменской военной богадельни и в 1844 г. возведен в звание главнокомандующего гвардии.

Деятельность Михаила Павловича, таким образом, была весьма разносторонняя. За время его управления артиллерией с 25 июля 1819 г. последняя достигла значительного совершенства. По его докладу 25 ноября 1820 г. было открыто первое артиллерийское училище. Одновременно с этим в Санкт-Петербурге была учреждена учебная артиллерийская бригада для подготовки фейерверков; в частях полевой артиллерии заведены батарейные и дивизионные школы; в 1821 г. была учреждена техническая артиллерийская школа.

В звании генерал-инспектора по инженерной части Михаил Павлович положил основание систем укреплений: были вновь воздвигнуты Аландское, Варшавское, Ивангородское и Брест-Литовское укрепления, а также значительно усилены Кронштадт, Динабург, Киев и Бобруйск; на южной границе возведены крепости в Александрополе, Шуте, Новых Закаталах и Ленкорани, перестроены Севастопольские укрепления и Измаил. Было вновь сооружено 10 крепостей и укреплений.

За 18-летнее управление Михаилом Павловичем военно-учебными заведениями постепенно выработалась та система военного воспитания и установился тот порядок внутренней жизни этих заведений, который был радикально изменен лишь в 60-х гг., было обращено внимание на физическое развитие кадетов, положено начало обучению их гимнастике, верховой езде, фехтованию, танцам, приняты меры к улучшению содержания воспитанников и впервые организованы лагерные занятия. С неослабным вниманием Михаил Павлович следил за жизнью этих заведений, в которых никакое нововведение, никакая перемена, хотя бы самая мелочная, не делались без его непосредственного обсуждения и указания.

Михаил Павлович проявлял большую заботу об обучении вверенных ему войск. Нельзя, однако, не отметить, что именно в этой области наиболее ярко проявлялись все личные особенности его характера и привер-

женность к чисто внешним приемам и формам военной службы, получившим в царствование императора Николая I первостепенное значение. Михаил Павлович искренно любил военное дело, но, увлекаясь декоративной его стороной, сделался рьяным поборником того военного порядка и того направления, которое составило особую эпоху в развитии военного дела в России и о котором люди, получившие военную закалку в Наполеоновских войнах, не могли говорить иначе как с прискорбием. Михаил Павлович не щадил ни усилий, ни средств для доведения муштры до самого высокого состояния, и в результате относительно равнения шеренг и «выделывания темпом» наша армия стала образцовым войском, на которое приезжали посмотреть иностранцы.

По природе добрый, рыцарски благородный, преисполненный отеческой заботливости о вверенных ему войсках Михаил Павлович, увлекаемый ревностью к страстно любимой им фронтовой службе и горячностью своего темперамента, доходил в своем гневе до эксцессов, которые императору Николаю пришлось сдерживать с первых же шагов вступления брата в командование Гвардейских корпусом. А.Х. Бенкендорф, близко стоявший к императору, писал по этому поводу: «Начиная с некоторого времени жалобы на мелочную требовательность и строгость Михаила Павловича возросли до такой степени, что это стало тревожным; граф Кочубей, генерал Васильчиков и, наконец, я говорили об этом с Императором, предварительно, однако, не условившись между собою, что доказало, что слухи были повсеместны. Мне приказали переговорить с великим князем. Переговоры действовали благотворно, Михаил Павлович становился обходительнее, приветливее, но такое затишье продолжалось недолго, и жалобы возобновлялись по-прежнему». Император Николай знал об этом, и это его огорчало; однажды он даже писал А.Х. Бенкендорфу: «Больно читать, ей-богу, не знаю, чем помочь, ибо ни убеждения, ни приказания, ни просьбы не помогают. Что делать?» Приверженность Михаила Павловича к муштре не могла не принести вреда армии, и Россия дорого заплатила за нее под Севастополем.

В апреле 1849 г. в Москве у Михаила Павловича открылось сильное кровотечение, вызвавшее полный упадок сил. После некоторого улучшения он возвратился в Санкт-Петербург, но так как в это время гвардия и Гренадерский корпус выступали в поход в Венгрию, то великий князь, невзирая на свой недуг, поспешил в Варшаву для осмотра собранных там войск. 12 августа на смотре, при объезде полков 7-й легкой

Кавалерийской дивизии, входившей в состав Гренадерского корпуса, Михаил Павлович почувствовал себя дурно, и успев сказать только, что у него немеет рука, потерял сознание и был снят с лошади окружающими. 28 августа он скончался. Высшим приказом, данным на другой день после погребения великого князя, было повелено «в изъявление признательности к незабываемым заслугам по устройству артиллерии покойного генерал-фельдцейхмейстера артиллерийскому училищу именоваться Михайловским, а первой батарее лейб-гвардии первой артиллерийской бригады сохранить навсегда название батареи Его Высочества». То же название сохранено было и за старшей ротой 2-го Кадетского корпуса. Имя великого князя Михаила Павловича также носил Воронежский кадетский корпус.

Петр Михайлович Волконский

Светлейший князь Петр Михайлович Волконский родился 25 апреля 1776 г.

В 1793 г. он был произведен в прапорщики лейб-гвардии Семеновского полка. В 1800 г. он был уже полковником. По вступлении на престол императора Александра I ему было приказано переехать на жительство в Зимний Дворец, и в день коронации он был пожалован в генерал-адмиралы и произведен в генерал-майоры, а затем назначен помощником начальника Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества. Эту должность Волконский занимал до 1805 г., когда был назначен дежурным генералом и генералом-квартирмейстером к начальнику вспомогательного корпуса графа Буксгевдена, а после соединения этого корпуса у Вишау в Моравии с главными силами Кутузова — дежурным генералом соединения русских и австрийских войск. Под Аустерлицем, объезжая с Кутузовым поле битвы и увидев отступление бригады графа Каменского, Волконский собрал Фанагорийский и Рязский пехотные полки и во главе их со знаменем Фанагорийского полка в руках трижды бросался в атаку и отбил у неприятеля две пушки. За этот подвиг Волконский был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени.

После Тильзитского свидания монархов, когда Волконский был представлен Наполеону, он получил приказание отправиться во Францию для изучения французской армии и устройства французского Генерального штаба. Пользуясь расположением Наполеона, Волконский сопровождал его на все маневры и смотры французской армии, а когда в 1809 г. началась война Франции с Австрией, Наполеон предложил Волконскому

сопровождать его в походе. Волконский не считал это для себя удобным и в 1810 г. возвратился в Санкт-Петербург.

Отчетом Волконского Император Александр I остался доволен и назначил его начальником квартирмейстерской части. На этом посту Волконский сделал очень много: он озаботился составлением карты России, образовал «депо карт» всех иностранных государств; основал училище колонновожатых и положил основание библиотек Главного штаба, пожертвовав 500 книг. По представлению Волконского был утвержден штат канцелярии генерал-квартирмейстера и куплен для нее дом. Волконский учредил также мастерскую математических и астрономических приборов. При участии Волконского было выработано «Учреждение для управления большой действующей армией».

Дейтельно готовясь к войне с Наполеоном, Волконский снабжал офицеров квартирмейстерской части картами и инструкциями для несения службы Генерального штаба. В апреле 1812 г. Волконский сопровождал государя в Вильну, вблизи которой были сосредоточены армии, и первая армия отступила к Витебску на соединение с армией князя Багратиона. Вернувшись с государем в Санкт-Петербург, Волконский оставался при нем до сдачи Москвы, когда был отправлен к Кутузову для выяснения подробностей отступления и дальнейших планов главнокомандующего. В донесении государю Волконский писал: «Смело могу уверить, что Наполеону трудно будет вырваться из России».

Будучи затем командированным в Витебскую губернию, Волконский составил там отряд, соединился с корпусом графа Витгенштейна и участвовал в боях у Студянки, при переправе французов через Березину. Осмотрев армии Чичагова и корпус графа Витгенштейна, Волконский вернулся с докладом к Александру I и был назначен начальником штаба при князе Кутузове, а после его смерти — начальником штаба Императора Александра I. Он первый оценил выгоды стратегического положения в Богемии и указал на Лейпциг как на пункт, где должна решиться судьба Наполеона и Германии.

Перед вторым Кульмским боем его знания о точном расположении всех русских колонн дали возможность в ночь на 18 августа стянуть их на поле сражения. Несмотря на противодействие австрийского главнокомандующего князя Шварценберга, Волконский настоял на движении соединения армии к Парижу и участвовал во взятии его. Он безотлучно находился при государе в Париже и сопровождал его в Вену на конгресс, а когда последний был прерван бегством Наполеона с острова Эльба, на

Волконского было возложено поручение стянуть 225-тысячную русскую армию с Вислы к Рейну. За свои боевые заслуги Волконский был награжден орденом Святого Владимира 1-й степени, французским орденом Святого Людовика, шведским орденом Меча, баварским орденом «Военного Максимилиана», и вюртембургским орденом «За военные заслуги».

12 декабря 1815 г. было утверждено положение о Главном штабе Его Императорского Величества, и Волконский был назначен его начальником. В 1817 г. он был произведен в генералы от инфантерии. В 1823 г. столкновение с графом Аракчеевым по поводу сметы военного министерства заставило Волконского просить о заграничном отпуске. Он отправился в Карлсбад и по возвращении в Вену был удостоен Высочайшей милости — награждения орденом Святого Андрея Первозванного. В 1824 г. Волконский был отправлен Чрезвычайным Послом для присутствия при коронации французского короля Карла X. Сопровождая императора Александра I во всех его путешествиях, он принял его последний вздох в Таганроге. С воцарением императора Николая I Волконский был назначен министром Императорского Двора.

Волконский умер 27 августа 1852 г.

Матвей Иванович Платов

Граф Матвей Иванович Платов, родился 6 августа 1751 г. в станице Старо-Черкесской и был сыном войскового старшины. Его первоначальное образование не шло далее элементарной грамоты. Рано поступив на службу урядником, он достиг офицерского звания благодаря боевым отличиям в Турецкую войну 1768—1774 гг.

Главнокомандующий князь В.М. Долгоруков заметил способного Платова и содействовал его повышению по службе. 20-летним юношей Платов был уже командиром казачьего полка. По заключении Кучук-Кайнарджийского мира Платов был послан на Кубань и здесь отлично показал себя в качестве самостоятельного начальника. 3 апреля 1774 г. он был окружен огромным скоплением крымских татар Девлет-Гирея. Платов построил каре, тыл которого прикрывало болото, боковые фасы его прикрыл телегами, а фронт — мешками с мукой и за этой оградой оказал отчаянное сопротивление татарам, отразив в течение дня до семи атак; к ночи татары отступили. В память боя на Калалах была выбита золотая медаль.

В 1775 г. Платов был командирован со своим полком для уничтожения пугачевских шаек в Воронежскую и Казанскую губернии. В 1782—

1783 г. он снова сражался на Кубани и в Крыму под начальством Суворова и за отличие получил чины по армии майора (1784), подполковника (1786) и полковника (1787). Находясь со своим полком в армии Потемкина, Платов принял участие во второй войне с турками (1787–1791). За штурм Очакова (1788) он получил орден Святого Георгия 4-й степени. Победа у Каушан принесла ему чин бригадира и должность походного атамана в Екатеринославской армии Потемкина. 11 декабря 1790 г. при штурме Измаила Платов командовал пятой колонной, составленной из казаков, а после ранения генерал-майора Безбородько — и четвертой колонной. Несмотря на плохое вооружение казаков, Платов справился с трудной задачей отражения вылазки турок, заслужив орден Святого Георгия 3-й степени и чин генерал-майора. За Персидский поход 1796 г. он получил саблю с алмазами и надписью «За храбрость» и орден Святого Владимира 2-й степени.

В начале царствования императора Павла Платов сделался жертвой наветов, подвергавших сомнению его преданность престолу; он был сослан в Кострому, а затем и заточен в Петропавловскую крепость. С воцарением императора Александра I Платов был произведен в генерал-лейтенанты и после смерти генерала Орлова был назначен войсковым атаманом Донского войска. На этой должности он оставался до своей смерти, покидая Дон лишь для участия в войнах.

Время с 1801 по 1806 г. Платов посвятил энергичной административной деятельности в родном войске. Он перенес войсковое управление в Новочеркасск, безопасный от губительных разливов Дона; реорганизовал войсковое управление; дал правильное устройство донской артиллерии и провел ряд мер, урегулировавших службу казаков.

1806 г. Платов был вызван в действующую армию для командования всеми казачьими полками на театре войны с Наполеоном. С этой кампании и началась его известность. Первый видный успех войска Платова имели во время преследования французской армии при ее движении с Прейсиш-Эйлауского поля сражения за реку Пассаргу, но с особенною настойчивостью казаки Платова беспокоили неприятеля в течение зимнего перерыва кампании, когда полки должны были поддерживать связь между русской главной армией и корпусом Эссена (у Остроленки). Наиболее искусным предприятием Платова были его действия в мае на реке Алле против разбросанных частей корпуса маршала Нея. При движении к Фридланду и далее за Неман корпус Платова, истребляя переправы и производя неожиданные налеты на французов, обеспечивал спокой-

ное отступление армии. За войну 1806–1807 гг. Платов получил ордена Святого Георгия и Святого Владимира 2-й степени и Александровскую ленту, а войску Донскому было пожаловано знамя.

Из Тильзита Платов отправился в армию, действовавшую против турок. 22 августа 1807 г. он занял Гирсово, что дало возможность приступить к устройству мостов на Дунае. В 1809 г. Платов участвовал в сражении при Рассевате и при осаде Силистрии, нанеся при этом поражение турецкому отряду. После победоносного дела у Татарицы атаман, награжденный орденом Святого Владимира 1-й степени и чином генерала от кавалерии, в связи с ухудшением здоровья вернулся на Дон.

К началу Отечественной войны, в июне 1812 г., корпус Платова, силою до 7 тыс. коней, входил в состав 1-й Западной армии Барклая-де-Толли и был расположен в Гродне. Стремительным движением Наполеона к Вильне казаки были отрезаны от своей армии и, вынужденные присоединиться к армии Багратиона, дошли с ней до Днепра. На этом пути Платов, шедший в арьергарде, дважды нанес поражение неприятельской кавалерии: 28 июня — у Мира и 2 июля — при Романове. После дела у Салтановки Платов густой завесой из своих казаков прикрыл фланговый марш армии князя Багратиона к Смоленску, сделав при этом удачный набег на один из отрядов Даву. Когда русские армии соединились под Смоленском и перешли в наступление, начало его обозначилось удачным делом 27 июля при Малевом Болоте, в котором Платов опрокинул гусарскую бригаду из дивизии Себастиани и взял более 300 человек в плен. После смоленских боев он командовал арьергардом соединительных армий и лишь за несколько дней до Бородино был заменен Коновницыным.

В Бородинском сражении казаки Платова совместно с кавалерийским корпусом Уварова зашли в тыл левого фланга французской армии, что побудило Наполеона отсрочить атаку на батарею Раевского. В дни, близкие к Бородинской битве, Платов стал инициатором подъема Казачьего ополчения Дона. В приказе своим землякам он требовал от них скорого и почти поголовного выхода на службу, указав и наиболее быстрый порядок следования вновь сформированных полков к армии. Они прибыли в Тарутино, и армия пополнилась 22 тыс. казаков, столь необходимых при назревшем решительном переломе кампании. Когда после сражения у Малоярославца определилось отступление французов по Смоленской дороге, Кутузов поручил Платову их преследование. Неотвязно следуя за противником то в составе партизанских отрядов, то в одной массе под начальством атамана, казаки истребляли редешую с каждым днем фран-

цузскую армию, ежедневно забирая трофеи в виде пленных, оружия и другой добычи.

22 октября Платов участвовал в поражении французов под Вязьмой. От Дорогобужа он шел за корпусом вице-короля Итальянского на Духовщину; под ударами казаков итальянцы вынуждены были бросить до 60 орудий и 28 октября, настигнутые на переправе через реку Вопь, лишились своих обозов. 7 ноября Платов совершил уничтожение корпуса Нея и продолжал следовать за Наполеоном до Березины и далее. 2 декабря под Ковной он оттеснил арьергард Нея из русских пределов. За свои заслуги в Отечественную войну Платов был награжден графским титулом. В декабре 1812 г. Платов одним из первых перешел границу и преследовал войска Макдональда до Данцига, который 3 января был им обложен.

Вскоре атаман был отозван в Императорскую главную квартиру, где состоял в течение походов 1813—1814 гг., получая время от времени в командование отдельные отряды. 4 октября под Лейпцигом Платов атакой во фланге неприятеля оказал существенную поддержку корпусу Кленау, а 6 октября вместе с Беннигсеном взял в плен вюртембергскую бригаду. Награжденный орденом Святого Андрея Первозванного Платов был отправлен на защиту Веймара; опрокинув здесь войска Лефера, он преследовал французов до Ганау и получил в награду великолепное бриллиантовое перо на шапку с вензельским изображением высочайшего имени. Продолжая преследование отступавших французов в пределах Франции, Платов в конце января был направлен с 3-тысячным казачьим отрядом на Фонтенбло. 3 февраля казаки при содействии своей артиллерии взяли штурмом Немур, а 19 февраля захватили в плен отступавший из Арси-сюр-Об гарнизон.

После заключения Парижского мира Платов сопровождал Императора Александра в Англию, где англичане признали его одним из наиболее популярных героев Наполеоновской войны. Принц-регент пожаловал ему свой портрет, осыпанный драгоценными камнями; Лондон поднес ему драгоценную саблю, Оксфордский университет — докторский диплом.

Из-за границы атаман возвратился в Новочеркасск и там продолжал заботиться о благосостоянии края и казачества, а также об усовершенствовании боевой подготовки казаков, не оставаясь безучастным к судьбе сирот тех из них, кто пал в войнах 1812—1814 гг. При нем в Новочеркасске были основаны геодезия и войсковая типография.

Платов умер 3 января 1818 г. Император Николай I увековечил память атамана памятником работы Клодта, поставленным на Александрийской площади Новочеркасска.

Александр Петрович Тормасов

Александр Петрович Тормасов, военачальник, генерал от кавалерии родился в 1752 г.

На военной службе он находился с 1772 г. Служил в Вятском пехотном полку, в 1774—1777 гг. был адъютантом командира Финляндской дивизии, с 1777 г. — командиром Финляндского егерского батальона, с 1782 г. — командиром Александрийского легкоконного полка. С 1791 г. Тормасов командовал легкоконной бригадой.

Как участник Русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Тормасов отличился в боях под Бабадагом и крепостью Мачин. Принимал участие в боевых действиях в Польше. При штурме предместья Варшавы он командовал одной из колонн. С 1800 г. командир гвардейского полка, в 1803—1808 гг. киевский, затем рижский генерал-губернатор. В 1808—1811 гг. Тормасов был главнокомандующим в Грузии и в войнах с Турцией и Ираном. С 1812 г. главнокомандующий третьей армией, с 1813 г. — член Государственного совета.

В начале Отечественной войны 1812 г. войска армии вели упорные бои, возглавляемые Тормасовым войска отразили атаки превосходящих сил противника при Городечне, не допустив их активных действий на киевском направлении. А после соединения третьей армии с Дунайской армией адмирала П.В. Чичагова в сентябре освободили западную часть Вольны.

В октябре 1812 г. Тормасов был отозван в Главную квартиру действующей армии, где был заместителем главнокомандующего генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова, занимался внутренним управлением, комплектованием и боевой подготовкой войск. Под руководством Тормасова проведено объединение 1-й и 2-й Западных армий в одну. В ходе контрнаступления русских войск он командовал отрядом в сражении под Красным, руководил одной из колонн главной армии, двигавшейся на Полоцк. Весной 1813 г. во время болезни Кутузова и до назначения нового главнокомандующего русской армией исполнял его обязанности.

С 1814 г. Тормасов занимал должность московского военного генерал-губернатора, затем московского главнокомандующего, сделал многое для восстановления города после пожара 1812 г.

Тормасов награжден орденами Святого Андрея Первозванного, Святого Владимира 1-й и 2-й степени, Святого Александра Невского, Святого Георгия 2-й и 3-й степени, Золотым оружием и иностранными орденами.

Умер Тормасов в 1819 г.

Чичагов Павел Васильевич

Чичагов Павел Васильевич, российский государственный и военноморской деятель, адмирал родился в 1767 г. в Санкт-Петербурге.

На военной службе Чичагов состоял с 1782 г. В 1782—1786 гг. он был адъютантом командующего эскадрой Балтийского флота, в составе которой в 1782—1784 гг. совершил плавание из Кронштадта в Средиземное море и обратно. С 1786 г. командовал кораблями «Иезекииль», «Ростислав», «София Магдалина».

Во время Русско-шведской войны 1788—1790 гг. участвовал в сражении у острова Эланд, в Ревельском бою и в Выборгском сражении. В 1792—1793 гг. для совершенствования знаний и навыков в военноморском деле был в Англии, по возвращении вновь командовал линейным кораблем. В 1797—1799 гг. находился в отставке. С 1799 г. командовал эскадрией Балтийского флота, возглавлял экспедицию по высадке русских войск на остров Тексель (Голландия). В 1801 г. Чичагов находился в свите Императора Александра I, в 1802 г. он был членом Комитета по образованию флота, затем правителем (управляющим) дел вновь учрежденной Военной по флоту канцелярии, с декабря — товарищем (заместителем) министра, с июля 1807 г. по ноябрь 1811 г. — министром морских сил, в 1807—1809 и 1811 — 1834 гг. — членом Государственного совета.

В этот период был создан Комитет «для поправления портов». Усовершенствован порядок производства в чины и разработан новый штат училища корабельной архитектуры, основан Свеаборгский военный порт, упразднены Сайменская военная флотилия и Вильмандstrandский порт, осуществлены первые кругосветные плавания военных кораблей, начаты регулярные плавания российских судов в Русскую Америку, перестроено здание Главного адмиралтейства.

С апреля 1812 г. Чичагов был главнокомандующим Дунайской армией, главным начальником Черноморского флота и генерал-губернатором Молдавии и Валахии.

Во время Отечественной войны 1812 г. Дунайская армия и соединившаяся с ней в сентября 3-я Западная армия под общим ко-

мандованием Чичагова совместно с корпусом генерала от кавалерии П.Х. Витгенштейна должны были отрезать пути отхода армии Наполеона на западе и не допустить ее переправы через Березину. Однако из-за отсутствия взаимодействия между отдельными группами войск, ошибок Чичагова и Витгенштейна план не был осуществлен.

Общественное мнение России целиком возложило вину за это на Чичагова. В 1813 г. он был уволен в отставку и, считая себя оскорбленным подозрением в измене, в 1814 г. навсегда уехал за границу. Жил в Италии и Франции, где составил обширный исторический труд о России в период 1725—1834 гг. и написал воспоминания об Отечественной войне 1812 г.

Чичагов награжден орденами Святого Владимира 1-й степени, Святого Александра Невского, Святой Анны 1-й и 3-й степени, Святого Георгия 4-й степени и Золотым оружием. Именем Чичагова названы атолл на островах Россиян (Таканеа) и атолл на Маршаловых островах (Эрикуб) в Тихом океане.

Умер Чичагов в 1849 г.

Научное издание

Лобов Владимир Николаевич

**Александр I
и его военно-политическая деятельность**

Монография

Ответственный редактор *Л.Б. Вахитова*

Редактор *Н.В. Герцеништейн*

Корректор *Е.Б. Гранина*

Компьютерная верстка *А.Б. Дунаевой, Т.В. Клейменовой*

Оформление *А.П. Ероховой*

Подписано в печать 01.08.2012. Формат 60х90/16

Печать офсетная. Бумага офсетная. 14,25 печ. л.

Тираж 1000 экз. Заказ

**По вопросам приобретения литературы
обращаться по адресу:**

111024, Москва, ул. Авиамоторная, д. 55, корп. 31

Тел.: (495) 644-38-04, 642-59-89

Электронная почта: universitas@mail.ru

Дополнительная информация на сайте: <http://logosbook.ru>